

Татьяна Борисовна Булах-Извекова

О ДРУЗЬЯХ, О СЕБЕ, О ЖИЗНИ

КНИГА 5

Санкт-Петербург
2015

УДК 882.1

ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

*Дорогому моему младшему внуку
ЖУЛИНУ ВАСИЛИЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ,
Заставившему меня писать воспоминания о себе, о друзьях
и о жизни, посвящаю...*

Татьяна Борисовна Булах-Извекова. О друзьях, о себе, о жизни. // Книга 5., СПб, Изд-во ИП Павлушкина В.Н., 2015, 328 с.

Эта книга — пятая из написанных и опубликованных Татьяной Борисовной Булах (Извековой); все они построены на воспоминаниях и впечатлениях её насыщенной, непростой жизни.

© Татьяна Борисовна Булах-Извекова, 2015

Эта книга – пятая из написанных и опубликованных Татьяной Борисовной Булах (Извековой); все они построены на воспоминаниях и впечатлениях её насыщенной, непростой жизни. В аннотации к первой из этих книг мне уже довелось писать о том сильном впечатлении, которое оставляют эти воспоминания – достоверная картина жизни, перевёрнутой и исковерканной катаклизмами истории, столкнувшей очень разных людей, поставившей их перед необходимостью выжить, но не лишившей надежд на счастье и тягу к нему.

В пятой книге, куда включены события не только давние, но и современные, Татьяна Борисовна отказывается от сквозной хронологии материала: история жизни автора как бы распадается на множество сюжетов, серию своеобразных новелл. Это судьбы близких людей («Повесть о матери», «Игорь Васильевич Жулин», «Свекровь», «Леонид Витальевич Канторович», «Пьеретта»), семей и коллективов («Семья Кочиных», «Ляпины», «Кафедра»), важных и памятных мест на земле («Ануфриево», «Германия в моей жизни», «Американские истории»), и пр. Соединённые под единой обложкой, эти сюжеты создают многомерную, центробежную оптику эпохи. Удивительно, что эта событийная центробежность не разрушает цельность книги, напротив: помогает проникнуться авторским мировидением, пониманием глубинных законов жизни, которые поддерживают людей в сложное для них время. Например, оказывается возможным – и вполне естественным! – не только не озлобиться против совершенно незнакомых людей, подселённых в квартиру репрессированной матери Татьяны Борисовны, но – подружиться с ними, пронеся любовь к ним через многие десятилетия. Подобных историй в книге множество.

Читая, убеждаешься: эти глубинные законы держатся на вере в добро, в людей, помогая жить с ними и с собой в ладу. Татьяна Борисовна не философствует, а просто рассказывает; и законы эти проявляются в их, так сказать, домашнем, бытовом, а потому особенно убедительном обличье.

«Просто судьба подарила мне интересную биографию», – объясняет сама Татьяна Борисовна сюжетное богатство своих рассказов. Это так – и не совсем так: обстоятельства, ситуации часто действительно задаёт судьба, а вот распоряжается этим каждый человек по-своему. И данная книга – красноречивый пример того, каким захватывающим и значительным может стать этот личный опыт активного «соавторства» с собственной судьбой...

Л.Е. Ляпина

ОБНАРУЖЕНА НЕСУЩЕСТВУЮЩАЯ ФОТОГРАФИЯ

Речь пойдёт о моём деде, Александре Яковлевиче Пассовере. Из «Еврейской Энциклопедии» (том XII, издание Общества для научных еврейских изданий и издательства Брокгаузь-Ефронъ, С.-Петербург):

«Пассоверьъ, Александръ Яковлевичъ – выдающийся юрист. Род. В 1840 г. въ г. Умани Киевской губ., в семье военного врача, ум. въ 1910 г. въ Петербурге. По окончании юридич. факультета московского унив. П. в 1861 г. был оставлен при унив. для приготовления къ профессуре по кафедре государственного права, а в 1863г. командированъ за границу для усовершенствования.

В 1866 г. выдержал экзаменъ на магистра государственного права. Получить, однако, кафедру П. как еврей не могъ, и он поступил на службу по судебному ведомству. Был секретарёмъ прокурора московской судебной палаты, исполнял обязанности судебного следователя, а затемъ былъ товарищем прокурора владимирского окружного суда. Дальнейшее продвижение по службе П. как еврея стало невозможнымъ.

В 1874 г. П. вступилъ в ряды столичной адвокатуры и здесь сейчасъ же занялъ выдающееся положение как образованный, талантливый юристъ, обладавший обширными познаниями въ области русского и иностранного права, особенного англійского, неотразимой логикой и блестящим умомъ. Вскоре П. приобрёл широкую известность не только в России, но и за границей. К нему приезжали советоваться по самымъ сложнымъ и запутаннымъ деламъ знаменитые адвокаты, судьи, сенаторы. К его защите и советамъ прибегали города, земства и правительственные учреждения. Многие положения права, впервые высказанные П., легли в основу руководящихъ решений кассац. сената. П. создалъ целую школу известныхъ судебныхъ деятелей, руководя своими помощниками и многочисленными сотрудниками, а, главнымъ образомъ, путёмъ бессменного руководства одной из конференций помощниковъ присяжныхъ поверенныхъ въ течении 35 летъ» и т. д.

Всю статью переписать невозможно, если кто-нибудь заинтересуется, всегда найдёт её сам. Какие-то отдельные штрихи к портрету Пассовера можно найти в разных местах. Например, в двухтомнике известного юриста Кони напечатано: «Вчера встретил Александра Яковлевича Пассовера, тот сказал мне:

«За необращением в православие обращён в адвокатуру!»

Писатель Сергей Званцев, друг Чехова, написал рассказ, посвящённый Пассоверу. Рассказ называется «Дело Вальяно». Грек Вальяно занимался контрабандой и ввозил в Россию товары, не платя пошлины. Дело Вальяно было абсолютно безнадёжным, прокурор заранее торжествовал. Положение мог спасти только единственный человек – знаменитый петербургский адвокат Пассовер. Всё это происходило в Таганроге. Рассказ очень остроумный и интересный. Пассовер выиграл это дело и получил гонорар – миллион!

Из книги М.Г. Штейна «Ульяновы и Ленины» (издательский дом «Нева», Санкт-Петербург, 2005 г.) я узнала о том, что Пассовер должен был защищать на суде Александра Ульянова, родного брата В.И. Ленина. 18-летний А. Ульянов, как известно, был приговорён к смертной казни за покушение на жизнь царя Александра III. Согласие Пассовера на защиту было получено по просьбе матери, М.А. Ульяновой, после её свидания с сыном, заключённым в Петропавловскую крепость. Это свидание было лично разрешено Александром III. Судя по изложенному в этой книге, письма родственников, сообщающих о согласии А.Я. Пассовера на защиту, до А. Ульянова не дошли. И не дошли не случайно. Власть опасалась адвоката А.Я. Пассовера. Ведь если последний дал согласие на защиту, значит, он надеялся спасти 18-летнего юношу от смертной казни.

Привожу цитату из книги М.Г. Штейна (стр. 302):

«Нет сомнения в том, что А. Ульянов согласился бы с кандидатурой А.Я. Пассовера в качестве своего защитника. Тем более что именно на А.Я. Пассовере как адвокате остановилась М.А. Ульянова. А. Ульянов не мог не знать, что А.Я. Пассовер был одним из лучших судебных ораторов своего времени, который был известен не только в России, но и за её пределами. Он умел разбираться в самых сложных делах (политических, уголовных,

гражданских), проявляя при этом удивительную глубину и тонкость анализа, неотразимую силу логики в сочетании с остроумием, красотой и изяществом речи. Многие правительственные учреждения, земства, города России считали за честь, если А.Я. Пассовер соглашался защищать их интересы. Его речи в суде были обращены к уму и сердцу присяжных заседателей и судей. В этом заключался секрет Пассовера-защитника.

Скорее всего, это было причиной, по которой кандидатура А.Я. Пассовера в качестве защитника не устраивала П.А. Дейера (первоприсутствующего Особого присутствия правительствующего Сената), председательствующего на суде, и он порекомендовал жандармам не передавать письмо адресату.

Положение А. Ульянова было сложным. А. Ульянов был, видимо, уверен в том, что адвокат будет убеждать его в необходимости хотя бы сделать вид искреннего раскаяния в содеянном ради спасения своей жизни и умолять о пощаде. Это А. Ульянова не устраивало. О том, что А.Я. Пассовер, избранный близкими людьми в качестве адвоката, не заставит его поступаться своей совестью, А. Ульянов не знал, так как письма не получил.

Именно поэтому А. Ульянов решил защищать себя сам. Самозащита А. Ульянова на процессе устраивала П.А. Дейера, так как он сделал всё от него зависящее, чтобы публично не состязаться с А.Я. Пассовером в ходе судебного заседания. П.А. Дейер боялся потерпеть моральное поражение на глазах членов Государственного совета, сенаторов, министров и их заместителей, высших чинов полиции и жандармерии, присутствующих на процессе в качестве приглашенных. Это могло привести к концу его карьеры. Поэтому он шёл на нарушение этических норм».

На суде А. Ульянов открыто продемонстрировал свои взгляды, свою позицию. 19 апреля (1 мая) 1887 года ему был вынесен смертный приговор, 8(20) мая приговор был приведён в исполнение.

Кто знает, как развернулись бы события дальше, если бы защита А.Я. Пассовером состоялась и не было бы казни? Все мы знаем со школьной скамьи знаменитые слова Ленина, сказанные после казни брата: «Мы пойдём другим путём!»

Может быть, никакого другого пути, который мы преодолевали 70 лет, и не было бы вообще. Но история не знает сослагательного наклонения. Во всяком случае, приведённый исторический факт характеризует моего деда как весьма востребованного адвоката.

Сохранилась в нашей семье книга М.М. Винавера «Недавнее (воспоминания и характеристики)» (издана в 1917 г.), где на стр. 101 можно прочесть воспоминания 1913 года об Александре Яковлевиче Пассовере:

«Невысокая, худощавая фигура, съ продолговатым лицом, короткими, жёсткими волосами, съ неправильнымъ очертаниемъ рта, съ кожею какой-то особенной прозрачности, белою, розовеющей въ моментъ возбуждения, жёлтою и мертвенною во время покоя, глаза большие, серые, глубокие, съ холодным, стальным блескомъ, смежающиеся как раз настолько, чтобы не показать изъ души больше, чемъ хотелось их хозяину. А показать хозяину хотелось так мало. И за долгую жизнь его едва ли кто-либо много въ них вычиталъ - въ этих невесёлыхъ, своеобразно-красивых, серыхъ, холодныхъ глазахъ.

Онъ сошелъ въ могилу неузнанный, неразгаданный никемъ; едва ли и будетъ когда-либо разгаданъ. Дисциплина воли, всё преобладающая, отдана была всю жизнь на служение горделивой замкнутости, сознательно не желавшей допускать никого въ святая святыхъ...

Einsiedler (затворник) по природе, онъ былъ слишкомъ уменъ, да и слишкомъ поздно родился на светъ Божий для того, чтобы «удалиться въ пустыню» или просто повернуться къ миру спиною, чтобы не видеть необходимости прокладывать себе дорогу въ условияхъ современного общежития. Но онъ прокладывалъ её по возможности въ сторонке, отдавая себя въ минимальной дозе и не стремясь брать отъ общественности больше самой скромной пропорции. Дружба, интимность – как мы её понимаем – были ему как бы отъ природы чужды. Не могу себе представить у Пассовера проявления ласки и вообще внешней близости; онъ и руку подавал вне дома не иначе какъ въ перчатке. Когда кто-то изъ молодых поклонниковъ на его юбилее бросился целовать его, на лице Пассовера изобразилось нечто вроде нелюдимого ужаса, голова подалась назадъ, и поцелуй повисъ на воротнике пиджака... Семьи онъ не завёл... Это не былъ, конечно, аскетизм - отнюдь

нетъ, а стихийное отвращение отъ затягивания около себя узла, хотя бы въ виде самой маленькой, самой нежной общественной ячейки...

Во внешнемъ обиходе Пассовер былъ привержень ко всему английскому: пиджакъ английского покроя (в сюртуке едва ли кто-либо его виделъ), жилетъ с особыми отворотами; летомъ всегда безъ пальто, зимою въ самой лёгонькой барашковой шубке, не доходившей до колен; никогда палки въ рукахъ; на ногахъ одни толстые штиблеты безъ галошъ, хотя бы на дворе стояли самые лютые морозы. Очень много моциона – длиннейшие прогулки пешкомъ, а летомъ странствования по морямъ въ неведомыхъ никому направленияхъ. Было у него и много личныхъ связей съ Англией; говорили даже одно время, что он состоитъ адвокатомъ и въ Лондоне. Несомненно, во всякомъ случае, что онъ жила въ Англии подолгу и заимствовалъ оттуда не только внешние навыки, но и общие культурные приёмы, свойственные джентльмену: строгую пунктуальность, неуклонную точность въ исполнении разъ принятыхъ на себя обязанностей... Можно думать, что английские влияния оставили следъ не на одной только его внешности и не въ одной только формальной исправности находили своё выражение. Влияние это шло глубже. Ему импонировалъ и английский складъ мышления – трезвая деловитость, покоящаяся на уважении къ позитивному, к факту как таковому – импонировалъ, несмотря на то, что глубоко былъ несроден основнымъ, самымъ сильнымъ элементамъ его ума...

Совершенно особое место в жизни и деятельности Пассовера занимаетъ отношение его къ конференции помощниковъ. Это было единственное дело съ оттенкомъ общественности, съ которымъ он связалъ себя прочно и съ которымъ не расставался до смерти. Эта связь шла всё черезъ ту же умственную сферу, въ которой лежали все его истинные жизненные интересы; самое «дело» состояло въ общении мыслью...

Праздникъ мысли, особенный праздникъ – ЕГО праздникъ».

Из воспоминаний юриста Карабчевского:

«В среде, где блистали Спасович, Герард, Потехин, Пассовер, Жуковский, Андриевский, раз зашла речь о русском еврействе, невольно в моей памяти воскресает светлый образ такого «русского еврея» как А.Я. Пассовера, страстно любившего Россию, её бытъ, её

литературу. С предусмотрительной терпимостью он прощал ей её временные недочёты и твёрдо верил в мирный рассвет её светлого будущего. Он считал большой ошибкой со стороны самодержцев не дать всем своим поданным основных устоев равенства, широкой образованности и законности, что могло бы сразу изменить группировку революционных настроений империи. Поляки, финны, евреи благодаря своей жизненной закалённости, по его мнению, могли явиться гораздо более надёжной стеной против крайних революционных партий, нежели сами русские, вообще органически туго понимающие и воспринимающие культурность дисциплины».

И ещё из книги Винавера:

«В те годы, когда мне пришлось впервые вступить «в приделъ к храму судебныхъ установлений», какъ Пассоверъ любилъ называть кабинетъ Потехина, наиболее частыми заседателями за продолговатымъ столомъ были, кроме хозяина, Пассоверъ и Люстихъ... Вотъ уже пять летъ, какъ «приделъ» сталъ пустеть. Первымъ ушелъ наиболее своеобразный и наиболее частый посетитель - исчезъ худой человекъ съ барашковой шапкой въ руке, угловатою походкою сюда входивший, съ опущенною головою и мертвеннымъ лицомъ слушавший, раскидывавший затемъ обворожительные фейерверки речи, остроумной, находчивой, язвительной, и, стремительно схвативъ шапку, съ последнимъ словомъ срывавшийся съ места и вылетававший въ дверь, точно гонимый кем-то...

Умеръ Пассоверъ...»

В воспоминаниях М.М. Винавера промелькнуло: «семьи он не завёл». Это не совсем так, и в доказательство - я сама, его внучка... Брака, как такового, действительно не было.

Из воспоминаний моего брата, старше меня на 15 лет:

«Пассовер родился в 1840 году в городе Умани в семье военного врача. О его предках известно только то, что и дед был тоже врач. О нём самом известно очень мало. Он был человеком, закрытым для других. У Пассовера были две сестры, которые жили вместе с ним в принадлежащем ему доме №30 по нынешней набережной Кутузова (бывшей Французской набережной). После смерти Александра Яковлевича они, видимо по завещанию,

подарили его богатейшую библиотеку в 30000 томов, главным образом на иностранных языках, Библиотеке Академии наук (БАН).

Знакомство бабушки с Пассовером перешло в гражданский брак и привело к рождению моей матери 30 мая 1989 года. Александр Яковлевич, очевидно, хорошо понимал, что оформление брака ни ему, ни русской, молодой, красивой, хорошо образованной потомственной дворянке и тем более их дочери ничего хорошего в России не принесёт.

Родители моего отца узнали, кто отец Ольги Вернер, жены их сына, только из газет, после его кончины в 1910 году».

Продолжаю я.

Итак, известно, что А.Я. Пассовер был нелюдим, о его личной жизни никто не знал, он был сух и официален. Никто не знает, что сблизило, что было общего у таких разных людей, как Пассовер и моя бабушка Софья Семёновна. В 1888 г. Пассоверу было 48 лет, бабушке 30 лет. Бабушка – русская дворянка, красавица. Пассовер – достаточно привлекательный невысокий брюнет, по национальности еврей, со стальными холодными глазами. Что бабушка нашла в нём? Талант, талант и ещё раз талант. Она видела в нём необыкновенного человека, поэтому и полюбила. Вскоре она забеременела. При Александре III положение незаконнорожденного ребёнка было крайне тяжёлым. Он не имел права на образование и вообще был изгоем в обществе. Конечно, Пассоверу можно было креститься, и тогда брак был бы законно оформлен, но он был принципиальным человеком, быть «выкрестом» (так называли крестившегося еврея) не хотел, из-за этого он в своё время не получил и кафедру в университете.

Чтобы сохранить своё достоинство и при этом не ущемить права будущего ребёнка, Пассовер организовал выезд бабушки на время родов в Лондон. Дело в том, что англиканское вероисповедание давало ребёнку все права в России, но для этого надо было два месяца прожить в Англии. Через два месяца Софья Семёновна вернулась с новорождённой дочерью – Ольгой Александровной Вернер, рождённой в Лондоне, крещённой по англиканскому вероисповеданию. Пассовер «организовал» фиктивный брак, а затем и развод с англичанином – преподавателем английского языка по фамилии Вернер.

Бабушка умерла в Швейцарии от чахотки, куда Пассовер вывез её на лечение. Ей было всего 35 лет, а их дочери – 5 лет. Когда Пассовер умер, маме был 21 год. Она только после его смерти узнала, что он был её отцом, до тех пор он считался её опекуном.

Нашей семье всегда хотелось иметь фотографию Пассовера. Если не иметь, то хотя бы взглянуть на неё. Это никак не удавалось.

Сравнительно недавно, в 2010 году, в январской газете «Секретные материалы» №1 (283) на развёрнутых страницах 24 и 25 было напечатана статья с заголовком «Дело Вальяно». С этим громким делом грека Вальяно связаны разным образом имена: выдающегося русского адвоката А.Ф. Кони, которого Пассовер приглашал на совместную защиту (напечатан их диалог), но тот отказался; известного адвоката Ф. Плевако, и наконец, А.П. Чехова.

Обидным показалось то, что на двух больших газетных листах есть портрет грека Вальяно, есть портрет Анатолия Кони, есть портрет Фёдора Плевако, который принимал участие в защите более мелких персонажей по этому делу, есть даже портрет Антона Чехова, который не мог пройти мимо этого дела, упомянув о нём в трёх своих рассказах. Но нет портрета главного персонажа - персонажа, выигравшего этот процесс, нет портрета А.Я. Пассовера. Безусловно, редакция портрет искала, но не нашла. Уж если редакция газеты не нашла, я поняла: мои поиски бесполезны - и на этом успокоилась. Друзья мне сочувствовали, но ничем помочь не могли.

Какова же была моя радость, когда моя хорошая знакомая, милейшая Инна Марковна, позвонив мне по телефону, сказала: «Татьяна Борисовна, я нашла портрет Вашего деда А.Я. Пассовера в интернете. Портрет находится в книге Н.А. Троицкого, название которой «Корифеи российской адвокатуры», Москва, 2006, стр. 384. Ищите книгу».

Я стала обзванивать книжные магазины Петербурга. Везде один ответ: «Такая книга была. Сейчас её нет». Остался один номер телефона какого-то магазина со странным названием «Книга-плюс». Звоню туда: «Есть ли у Вас книга «Корифеи

российской адвокатуры?» - «Осталась одна. Только Вы её не возьмёте. У нас прорвалась труба, и книга частично пострадала». - «Пожалуйста, откройте страницу 384, есть ли там портрет Пассовера? » - «Есть. До него вода не дошла». - «Держите книгу крепко, никому не отдавайте. Я сейчас приеду. Адрес?» - «Улица Гоголя, вторая подворотня от Невского, во втором дворе».

Мне повезло, я воспользовалась новой станцией метро «Адмиралтейская». Я вышла из метро напротив нужной подворотни, во втором дворе нашла ветхий магазинчик, где меня ждали, книга лежала на столе. Я схватила книгу дрожащими руками и открыла её на 384-й странице. На меня смотрел мой дед – молодой красавец-брюнет. За нетоварный вид книги с меня взяли 200 руб. вместо положенных 450. Надо ли говорить, что я бы не пожалела никаких денег (конечно, в разумных пределах).

Я привезла книгу домой, дома был сын Андрей. Он посмотрел на портрет своего прадеда, быстро оделся и уехал с книгой, оказалось, на Невский, чтобы сделать портрет. Когда он вернулся, я его спросила: «Ты чего так дёрнулся? Книга никуда не убежит». А он мне: «Да ты не понимаешь, ведь это я, у него такие же упрямые глаза, как у меня». Портрет был размножен на принтере и после того, как был разослан по электронной почте всем родственникам, обрёл своё место за стеклом в серванте. Через некоторое время я предложила Андрею вставить портрет в рамку и повесить на стену, но он завопил: «Не тронь, он мне душу греет!» Гены, гены... их со счётов не сбросишь... Сейчас портрет в рамке, и занял достойное место.

Дальше встал вопрос, откуда появилась долгожданная фотография? Кто и когда её обнаружил? Теперь уж и я взялась за интернет. Надо разыскать автора книги «Корифеи российской адвокатуры» Н.А. Троицкого. Нашла. Оказалось, это историк, заслуженный профессор Саратовского университета. Вот это да! Я сама окончила этот университет. Вся моя молодость прошла в Саратове, замуж там вышла, дети там родились. Друзей там много!

Кому позвонить? Чтобы узнать телефон профессора Троицкого, надо позвонить, конечно, Марочке. Марочка, Мара Борисовна Борисова, тоже заслуженный профессор, филолог. Исторический и филологический факультеты всегда там были рядом. Может быть, она даже знает его... Звоню ей, рассказываю всю историю про то, как найдена фотография Пассовера в книге Н.А. Троицкого, и

прошу её узнать его номер телефона, чтобы я могла его поблагодарить от всего сердца. Через пару дней она мне позвонила, сообщила номер телефона Николая Алексеевича Троицкого, рассказала ему про меня, про мою благодарность ему и про мою просьбу насчёт телефона. И ещё рассказала ему интересную историю, как-то связанную с ней самой, со мной, с её ленинградской тётёй и некоторым образом... с Пассовером. Попробую вкратце эту историю поведать...

Марочка - давняя моя подруга. Познакомились мы с ней в ту далёкую пору нашей молодости, когда она выходила замуж за моего приятеля – однокурсника Анатолия Иванчука. До этого мы не пересекались: она оканчивала филологический факультет ленинградского университета, я – физический факультет саратовского университета. Марочка, Толя, я и мой муж Борис тесно общались, были в одной компании. Несмотря на наш переезд из Саратова в Ленинград в 1964 году дружба наша сохранялась, а после того, как мы обе потеряли свои любимых мужей, она ещё более укрепилась.

Однажды Марочка прилетела на пару дней в Ленинград оппонировать на защите диссертации в Ленинградском Университете. Позвонив мне, она сказала, что прилетела на короткое время и не сможет зайти ко мне. Не могла бы я после моих вечерних занятий зайти к ней туда, где она остановилась, так как поздним поездом она уезжает в Москву? Как раз в тот день у меня вечером была только одна «пара», адрес, который она указала (Литейный, 46), был совсем близко от места моей работы, и я уже в начале девятого звонила в старую петербургскую квартиру. Эта квартира принадлежала её двоюродной тётё, с которой она меня тут же познакомила, а сама ушла готовить ужин.

Это был 1974-й год, её тётё в ту пору было 84 года. Мы с ней разговорились. Оказалось, что она ещё работает. В те годы издавался так называемый «Блокнот агитатора», на последних страницах которого всегда было напечатано что-то интересное из истории Ленинграда. Я спросила её, над чем она работает сейчас. Она ответила, что будет описывать историю дома на набережной Кутузова, д. 30.

Я затаила дыхание: я знала этот голубенький трехэтажный дом в двух шагах от Летнего сада, в котором жил сам М.И. Кутузов. Она продолжала: «Дело в том, что в этом доме в разное время жило

много известных людей». (Моё волнение достигло апогея!). «Перечислите, пожалуйста», - попросила я. Среди многих фамилий она назвала фамилию моего деда, А.Я. Пассовера. Что дед жил в этом доме, я знала раньше, мама об этом рассказывала.

После того, как я сказала, что Пассовер мой дед, в шоке была уже она. «А Вы знаете, что Ваш дед был в этой квартире и сидел на том месте, где сидите Вы?! Мой отец был юристом, и он работал с ним. Я хорошо помню Вашего деда, хотя мне было всего пять лет!» - сказала она.

Мара пришла из кухни, услышав наши возбуждённые голоса, и присела, поражённая содержанием нашего разговора. Далее выяснилось, что сама хозяйка училась в одно и то же время с моей матерью в гимназии Таганцева, хотя лично с ней знакома не была.

Мы немного успокоились, я начала рассказывать Маре о недавней свадьбе моей дочери Кати и показывать слайды. В это время в прихожей позвонили, в комнату вошёл сын хозяйки, Марочкин троюродный брат, нас познакомили. Это был профессор Б.Г. Беленький. Он лениво рассматривает на столе слайды Катиной свадьбы и вдруг видит знакомое лицо: «Георгий Васильевич Самсонов! Он-то что здесь делает?» Оказалось, что профессора Б.Г. Беленький и Г.В. Самсонов работают в одном институте - Институте высокомолекулярных соединений. Стало веселей, вдруг ещё звонок в прихожей, входит юноша - внук хозяйки и сын моего нового знакомого, Б.Г. Беленького. Знакомимся, разговариваем. Оказывается, он окончил 239-ю школу и знает моего сына Андрея! Ужинаем, все крайне возбуждены невероятным стечением обстоятельств. В течение двух часов в старой петербургской квартире пересеклись четыре поколения:

1) А.Я. Пассовер и отец хозяйки, 2) хозяйка и моя мать, 3) Мара, Беленький, Самсонов и я, 4) внук хозяйки и мой Андрей. Фантастика!

Итак, узнав номер телефона от Марочки, конечно, я тут же позвонила в Саратов Николаю Алексеевичу Троицкому и от всей души горячо поблагодарила его за найденную им фотографию Пассовера. Позже Николай Алексеевич переслал мне по электронной почте улучшенный портрет А.Я. Пассовера. Я послала

ему свою книгу «Преодоление» и портрет бабушки, Софьи Семёновны.

Из книги Н.А. Троицкого «Корифеи российской адвокатуры» я узнала, что А.Я. Пассовер в качестве вольнослушателя осваивал юридические дисциплины в Гейдельбергском, Лейпцигском и Тюбингенском университетах Германии. По возвращении из-за границы Пассовер блестяще выдержал экзамен на степень магистра государственного права. 29 ноября 1866 г. был зачислен кандидатом на судебные должности при Московской судебной палате. Некоторое время он служил судебным следователем 8-го участка Москвы, а затем секретарём прокурора Московской палаты Д.А. Ровинского (другим секретарём у Ровинского был тогда юный А.Ф. Кони). 12 августа 1867 г. Александр Яковлевич был назначен товарищем прокурора Владимирского окружного суда и после двух лет добросовестной службы, вероятно, понял, что карьера юриста на государственной службе - не для него.

Летом 1869 г. он вышел в отставку и уехал в Одессу, где жили его родители. Именно в Одессе Пассовер стал адвокатом. В 1871 г. он был принят в число присяжных поверенных Одесского судебного округа. Там он скоро выдвинулся в первые ряды адвокатов. В 1873 г. Пассовер переехал на постоянное жительство в Петербург, и через год был оформлен присяжным поверенным при Петербургской судебной палате. Всероссийскую известность как выдающийся адвокат он завоевал уже через год, выступив защитником по делу своего коллеги, присяжного поверенного. Председатель суда, увидев перед собой молодого и малоизвестного адвоката, предложил ему не повторять уже сказанного на суде. Пассовер возразил: «Иной раз без повторений не обойтись. Судебное дело – тот же калейдоскоп. Как встряхнешь его, так из тех же стекляшек получается новая фигура. Так и в этом деле: при новой группировке те самые факты, о которых уже шла речь, могут получить совершенно иное освещение» (Л.Д. Ляховецкий).

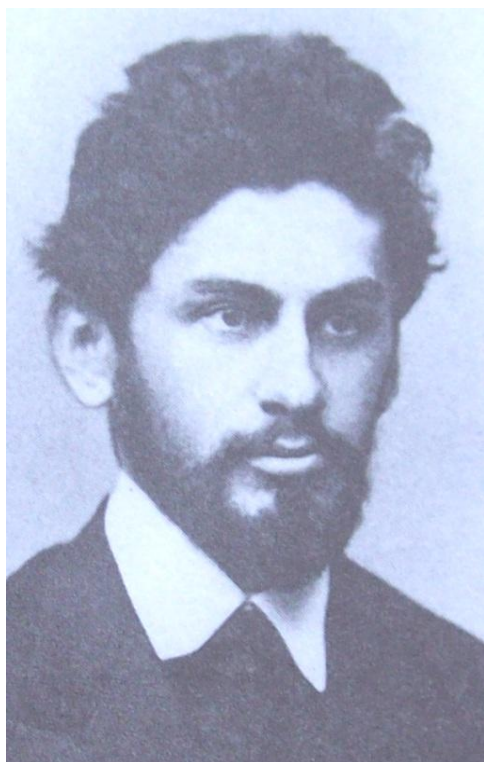
И ещё из книги Н.А. Троицкого: «Пассовер был, бесспорно, самым оригинальным представителем отечественной адвокатуры: юрист широкого профиля, редкостный эрудит и учёный – правовед; полиглот, знавший «в совершенстве почти все европейские языки» (цитата из книги О.О. Грузенберг «Вчера. Воспоминания», Париж, 1938. с.46.); джентльмен-англоман, всегда – в прямом и переносном смысле – застёгнутый на все пуговицы; чопорный и чудаковатый

педант, никогда не имевший ни семьи, ни друзей; наконец, уникам, лишенный честолюбия до такой степени, что никогда не соглашался ни на издание, ни даже на записывание его речей. Именно патологической замкнутостью Пассовера юрист И.В. Гессен объяснял тот поразительный факт, что от него «не осталось почти ни одной письменной строчки, *нет и фотографии его*».

Далее Н.А. Троицкий пишет: «Лишь в 1998 г. мне довелось разыскать в архиве А.Ф. Кони фотографию А.Я. Пассовера, на обороте которой значится: «Одесса. 13 сентября 1871 г.» (см. Троицкий Н.А. «Находка в архиве А.Ф. Кони», «Отечественные архивы», 1999, №2). Когда же Петербургский совет присяжных поверенных заказал лучшему из русских художников-портретистов В.А. Серову портрет Пассовера, Александр Яковлевич наотрез отказался позировать художнику, а затем взял да и умер («Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современниках», Л., 1971, т.2, с.446)».

Скончался А.Я. Пассовер в Петербурге 21 апреля 1910 г. на 70-м году жизни.

Конечно, очень бы хотелось взглянуть на портрет кисти Валентина Серова. Скорее всего, он висел бы там, где находится библиотека А.Я. Пассовера, то есть в Библиотеке Академии наук. Но главное: семья обрела, наконец, казалось бы «несуществующую» фотографию своего выдающегося предка, Александра Яковлевича Пассовера.

А.Я. Пассовер

С.С. Иванова

Судья поздравляет контрабандиста - грека Вальяно. Рядом, выигравший процесс адвокат А.Я. Пассовер.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ ИЛИ НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Зазвонил телефон:

«Татьяна Борисовна, здравствуйте! С Вами говорит директор книжного клуба на Австрийской площади Петроградской стороны. Ко мне обратилась женщина, купившая вашу книгу «Возвращение». Она просит меня дать ей Ваш телефон. Без Вашего разрешения я этого сделать не могу. Как мне поступить?»

«Здравствуйте. Кто она? И что ей от меня надо?»

«Это Татьяна Ермолаева, переводчица с английского языка, журналистка, и ещё водит англичан по Эрмитажу. Остальное она сама Вам расскажет».

«Конечно, дайте. Всего доброго!»

Через некоторое время Татьяна Ермолаева мне позвонила и рассказала следующее. Она переводчица, в данный момент переводит книгу английского писателя Брайана Мойнахена (Brian Moynahan) о блокаде Ленинграда. Книга будет называться «Седьмая симфония Шостаковича». Два года тому назад Брайан с издательскими документами из Лондона посещал Петербург для того, чтобы собрать нужные документы о блокаде.

В Обществе блокадников Ленинграда он ещё запросил сведения о группе ленинградских профессоров, арестованных во время блокады в 1942 году. Его направили в общество «Мемориал», и там случайно выдали дело моего отца - Бориса Ивановича Извекова. Брайан работает в Лондоне с полученными в Петербурге документами и пересылает ей по электронной почте главу за главой своей книги для перевода на русский, так как надеется, что русские издательства заинтересуются новой книгой о блокаде, а перевод уже будет готов.

Как-то раз она купила на Петроградской стороне мою вторую книгу «Возвращение», к сожалению, первая книга «Преодоление» была уже распродана. И вот однажды, при переводе она натывается на абзац, состоящий из фамилий репрессированных ленинградских профессоров во время блокады, и среди них Извеков Б.И., а на столе как раз книга «Возвращение» (книга 2, С.-Петербург, 2008), и

автор - Татьяна Борисовна Булах-Извекова. Она пишет Брайану, что и инициалы подходят, может быть, дочь? Он отвечает: «Срочно найти её в Петербурге».

«И вот я Вас нашла! Разрешите мне через неделю Вас посетить, через неделю, потому что он хочет задать Вам несколько вопросов. Поскольку «дело» Вашего отца у него на руках, он хочет линию Вашего отца провести через весь роман».

Конечно, после этого разговора я тут же позвонила дочери в Америку, чтобы она по интернету нашла этого писателя, сама я с интернетом «не дружу». Моя дочь Катя поведала мне о том, что это известный в Англии журналист и писатель, что у него много романов и даже есть роман о Распутине.

Через неделю Татьяна Ермолаева, миловидная приятная женщина, пришла с вопросами от Брайана Мойнахена (их было 22) и с диктофоном. Она просидела у меня 6 часов, диктофон всё время ломался, так что ответы не получались. Сама я в английском не сильна и, в конце концов, предложила ей свою первую книгу «Преодоление», посвящённую моему отцу, сказав, что это поможет ей самой ответить на все вопросы. На этом мы и распрощались.

Было это в 2008 году. С тех пор написаны ещё 3-я и 4-я книги и пишется 5-я. Должна сказать, я никакая не писательница, по профессии преподавательница, последние 33 года проработала в Ленинградском Текстильном Институте на кафедре математики, откуда вышла на пенсию со стажем в 50 лет. Просто судьба подарила мне интересную биографию, временами очень тяжёлую, но богатую событиями, что побудило моего младшего внука Васю заставить меня заняться мемуарами. Все мои книги обо мне и о моих попутчиках по жизни. Сейчас мне 83 с половиной года, но, несмотря на недуги, жить хочется и, в частности, очень хочется дожить, чтобы узнать, чем эта необыкновенная история, о которой я хочу рассказать, закончится.

Я отдала Тане ещё дополнительные материалы о своём отце: «Огонёк» №5 за 1992 год со статьёй известного журналиста Ярослава Голованова «Палачи и жертвы дела №555» и воспоминания моего сводного брата Костарёва В.Н., поскольку в вопросах Мойнахена было много об Ольге Александровне, общей нашей матери. Так как писатель интересовался нашей довоенной квартирой на Васильевском острове, то лучшего описания, чем в

моей книге «Преодоление» не найти, там мой внук Вася по моему эскизу сделал прекрасный план-чертёж. Сейчас, просматривая вопросы писателя, я ещё раз убеждаюсь в том, что пользуясь моей книгой, Татьяна Ермолаева смогла всё правильно ему ответить. В одном из вопросов Мойнахен перепутал фамилию моего деда, и Танечка исправила Vassover на Пассовер. Поскольку он заинтересовался моим дедом, то я ещё передала Тане газету «Секретные материалы» №1 /283/ за январь 2010 года, где напечатано «Дело Вальяно».

Цитата из газеты:

«Выдающийся русский адвокат Анатолий Фёдорович Кони охарактеризовал дело о злоупотреблениях в Таганрогской таможне как одно из самых обширных из разбиравшихся когда-либо в русских судах. По версии писателя Званцева петербургский адвокат Александр Яковлевич Пассовер сумел защитить грека Вальяно в столь блестящей и эффектной манере, что его защитительная речь стала непревзойдённым образцом судебного ораторского искусства. Произносил прокурор свою обвинительную речь три часа. Защитительная речь Пассовера всего-то длилась около трёх минут, но, тем не менее, дело было выиграно».

Я помещаю здесь вопросы английского писателя с моими переводными пометками, сделанными для себя, за что приношу извинения.

Questions for Boris Izvekov's daughter:

1. What memories does she have of her father? How he looked, his pet name for her, the treats he gave her, the stories he told her, etc.

ygolad.com

2. What happened to her father? Was he shot? Or did he die in prison, and if so, from what? Starvation? *naestense*
← rorages

3. Does she remember her father's arrest and could she describe it? Both the physical details – the time of night, if the men were in uniform, if she remembers anything they said or her father said before they took him (did he kiss her goodbye?) – but also her impressions of the arrest in general: fear, shame at his arrest (we know now of course that he was totally innocent, but did the neighbours/school friends etc treat her and her mother as outcasts), anger, fear of men in uniforms, etc.

How old was she then? *ср/х*

4. Was the family living at Flat 14, House 44, 11th Line?

Dmitri: if you have the chance could you describe the house and the street and trace the route they will have taken to the Bolshoi Dom?

5. Can she describe the flat? How large it was, if it was full of her father's books, if it had a piano, gramophone, flower pot, if they shared it with other people: any detail that makes it come alive *memloir* *genet*

6. Did she stay in the flat after the arrest with her mother?

refuse - Stokov
7. How did she survive the siege? What are her memories of it? Which friends, relatives, died?
was not, (T.A.)

8. When did she know her father was dead? How was she told? Who told her? What was her reaction: grief, of course, but mingled with fear or anger?
life ? coffee 3 months, 2nd

9. Does she know what happened to the professors who were condemned with him? These were:

SENTENCED:

Koshliakov N. S., Muravsky A. M., Stroganov V. G., Svetlov A. V., Postoev N. I., Izvekov B. I., Sokolov P. A., Ruzov S. S., Zegzhd J. A., Hudekov N. N., Timofeev V. A., and Tretiak, G. T., are sentenced to the highest criminal sentence – SHOOTING, and their personal belongings should be confiscated.

10. Her mother: was she called Olga Alexandrovna?

11. Does she remember her maternal grandfather? Was he a distinguished lawyer called Vassver?

12. Does she remember her mother's arrest in 1935?

13. Where was she when her mother was in the camps between 1937 and 1940? Did she share her mother's exile in Saratov?
pasgerune in cherny c met

14. Does she remember what her mother said about her arrest and exile?
obuz, Sarah, more even *chance*

15. Does she remember her parents getting married in 1940?

1928₂.

16. What happened to her mother when her father was arrested in February 1942?
Was her mother arrested? Either then, or later?

17. Was her mother interrogated, either then or later?

гонимые гоним

18. Did her mother go to the Bolshoi Dom with food or money for her father?

19. Was she herself ever questioned about her father? Did she suffer because of his repression: being called the daughter of an enemy of the people, etc.? Was she conscious of her parents having a bourgeois background, and did she suffer because of this?

20. Is it correct that her father was a professor of geophysics at Leningrad Technical University, and that her mother had been chief scientific assistant at the observatory? Is Leningrad Technical University the correct name? Was the observatory the Pulkovo Observatory?

21. How did she learn of her father's rehabilitation? Did it mean anything to her? Had she ever thought of her father as guilty, or had she always realised that the charges against him were pure fabrication?

обвинение

3 месяца

5 лет

22. What did her mother do for the rest of the war and after it? What has her own career been?

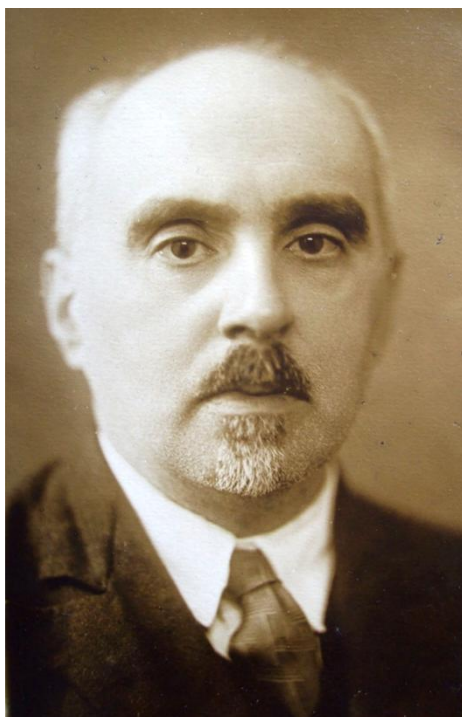
работала

А потом наступила чёрная полоса в жизни Брайана. Всё это я знаю со слов Тани. Брайан был весел и энергичен, собирался в октябре 2013 года прилететь в Петербург на презентацию своей книги, уже было выбрано место, где это будет происходить. На той Австрийской площади в «Книжном клубе» на Петроградской стороне, куда буду приглашена и я, и где куплена Таней моя книжка, по которой она нашла меня. А перед этим он пригласил Таню с мужем погостить у него две недели. Нет, не в Лондон, а на Французскую Ривьеру, где у него вилла, и где он показал Тане главу, где она прочла начало моей первой книжки «Преодоление» со словами: «Милый мой Малик, хорошо ли тебе в своём гнёздышке?»

И тут случилась страшная беда: У Брайана обнаружился рак пищевода. Была тяжелейшая операция, длившаяся 8 часов. Он похудел на 20 кг, перенёс два сеанса химиотерапии, и в каком он сейчас состоянии, я не знаю.

Как-то позвонила Таня и попросила меня помочь ей с одним делом. Ей очень некогда, а велено сделать вот что: взять лист формата А-4 и разделить его на четыре части: первая часть для моего деда А.Я. Пассовера, вторая для моей бабушки С.С. Ивановой, третья часть для моего отца Б.И. Извекова и четвёртая часть для моей матери О.А. Извековой. Очень сжато и кратко о них написать. Я как могла это сделала и переслала ей по электронной почте.

Поскольку в рассказе речь идёт о моём отце – вот краткие сведения о нём.

Б.И. Извеков родился 22 июля в г. Калуге в семье священника, происходившего из дворян Калужской губернии. В 1909 г. окончил гимназию с золотой медалью. В 1914 г. окончил физико-математический факультет Петербургского университета с дипломом 1-й степени и был призван на военную службу в качестве вольноопределяющегося. В младших офицерских чинах служил в Петербурге, Пскове, воевал под Ригой и Двинском. В должности заведующего автомобильным парком 59-го тяжёлого артиллерийского дивизиона он оставался и после революции, будучи выборным командиром. Демобилизован был в феврале 1918 г. и осенью того же года поступил на службу в Павловскую магнитно-метеорологическую обсерваторию. В 1919 г. вступил в должность преподавателя авиашколы лётчиков Красного Воздушного флота, сначала работая в качестве частного преподавателя, а потом в качестве призванного на службу в Красную Армию.

В 1920 г. был демобилизован и перешёл на службу в Главную геофизическую обсерваторию (ГГО) в Ленинграде. С 1922 г. состоял штатным преподавателем Высшего военно-морского инженерного училища и Государственной Морской Академии. При этом продолжал непрерывную службу в Главной геофизической обсерватории последовательно в должности

адъюнкта и физика. В 1925 г. назначен учёным секретарём Обсерватории и избран старшим физиком ГГО.

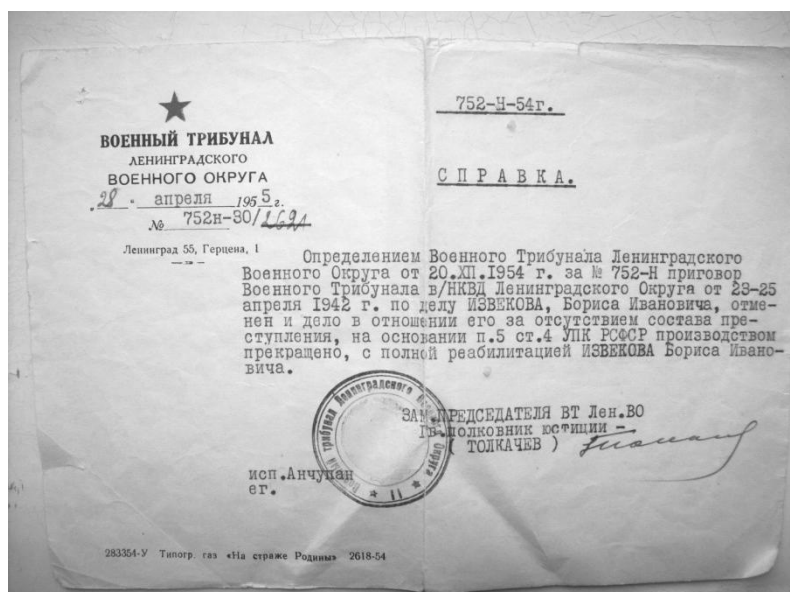
В 1925 г. в течение трёх месяцев находился в заграничной командировке в Норвегии, где занимался динамической метеорологией у профессора Бьёркнеса.

В 1928 г. находился в течение 2 месяцев во второй научной командировке в Германии во Франкфурте на Майне, где занимался динамической метеорологией в Геофизическом институте, руководимом проф. Штюве. Здесь, в Германии начался роман с Ольгой Александровной Костарёвой, коллегой из Обсерватории, которая также была в служебной командировке. По возвращении они повенчались. Она к тому времени была разведённой 39-летней женщиной - с тремя детьми в придачу! Ему было 37 лет, и он был холост.

4-го мая 1929 г. родилась их дочь Татьяна Борисовна Извекова, рассказавшая о судьбе родителей в книге «Преодоление».

Суд по сфабрикованному «делу № 555» 23-25 апреля 1942 г. приговорил Извекова к расстрелу, который заменили 10-летней ссылкой в Соликамск. 22-го июня 1942 г. Борис Иванович умер в тюрьме НКВД на улице Каляева через 5 месяцев после пыток и унижений. 28-го апреля 1955 г. он был полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления, как указано в приведённой здесь справке военного трибунала.

СПРАВКА ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА.

Брайану стало лучше, и он продолжал писать, были закуплены права на издание его книги в Германии и США.

И, наконец, ещё один эпизод. Варю как-то обед на кухне и при этом, как всегда, слушаю «Эхо Москвы». Журналистка разговаривает с директором Ленфильма:

- Вот Вы теперь поднимаете из руин Ленфильм, у вас столько долгов, как вы справитесь? Может быть Москва поможет?

- Не нужно нам помощи Москвы, у нас сейчас есть очень хороший проект, финансировать будут американцы. В Москву, может быть, один раз съездим сфотографировать Кремлёвскую стену, все съемки будут проходить в Ленинграде. У нас сильная команда: Фёдор Бондарчук, Александр Сокуров, Алексей Герман...

- О чём будет фильм?

- О блокаде Ленинграда.

Тут уж я прислушалась...

- А как будет называться фильм?

- Седьмая симфония.

Я так и села, суп мой «убежал». Позвонила Тане. «Странно, - говорит, - Брайан книгу ещё не закончил».

А потом у Сокурова был конфликт с министром культуры Медынским, и он вышел из совета Ленфильма, так что неизвестно, что будет дальше. Да к тому же начальство настроено больше на патриотические фильмы вроде «Бородино».

Подождем. Только, к сожалению, не у всех в запасе много времени.

Я сейчас, как и все последние 15 лет, в декабре и начале января в гостях у дочери Кати в Америке. Моя дочь Катя с 1995 г. живёт в США. До этого после защиты докторской диссертации на степень доктора физико-математических наук в России, она работала в Германии и Голландии. В Америке я бываю почти каждый год в день её рождения в декабре, остаюсь на Рождество и Новый год в

г. Питтсбурге, штат Пенсильвания, куда на праздники прилетают мои внуки и правнуки из Лос-Анжелеса и Нью-Йорка.

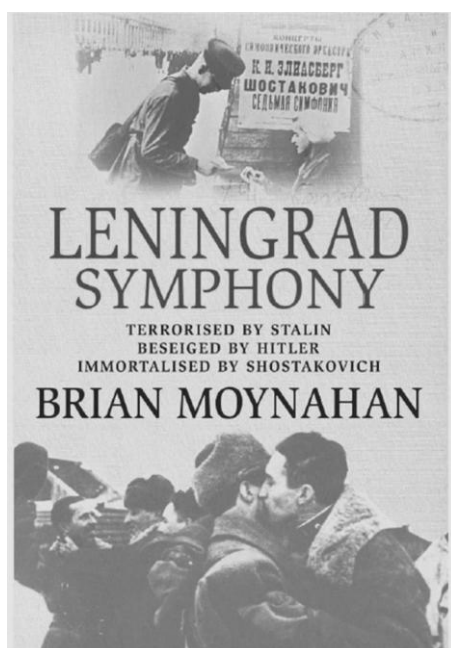
Этот год особенный – ей исполнилось 60 лет. Какая же я старая! Она же встречает шестидесятилетие в полном блеске своей научной карьеры: Екатерина Борисовна Жулина – физик-теоретик, доктор физико-математических наук. Казалось бы, в таком возрасте женщина заканчивает всякую деятельность, а она, наоборот, процветает, несмотря на то, что старается по возможности уделять время своим внукам, любима мужем и детьми.

В гостях у неё были друзья, «море» цветов, но самый лучший, самый красивый букет оранжевых роз был от мужа.

Я её поздравила своим четверостишием:

*Знать, не зря тогда я постаралась,
Труд вознаграждён мой во сто крат.
Ты - моё неоценимое сокровище
В бесконечное количество крат!*

Через год, прилетев в Америку на день рождения дочери, подарок на этот раз получила уже я - от своего зятя. Это была книга, содержащая 576 страниц, выписанная для меня из Лондона. Вот её выходные данные: First published in Great Britain in 2013 by Quercus Editions Ltd. 55 Baker Street, 7-th Floor, South Block. W1u Sew.

Неоконченная повесть, начатая лет пять тому назад, как будто, приходит к своему концу...

Есть такой альманах «Воля», издательство «Возвращение», Москва. Я привезла две своих книги в это издательство: «Преодоление» (2007 г.) и «Возвращение» (2008 г.). Я очень просила главного редактора С.С. Вилленского напечатать в своём альманахе о сфабрикованном политическом деле №555, по которому была приговорена к расстрелу группа ленинградских профессоров во время блокады Ленинграда в 1942-м году.

Общество «Возвращение» возникло в 1962 году и стало первой и единственной организацией, объединившей в своих рядах участников сопротивления в Гулаге, репрессированных в 1920-50 годах. Главной целью общества является обнародование мемуаров неизвестных авторов, документов и художественных произведений, созданных бывшими узниками советских концлагерей.

Я не узница – я дочь узника, приговорённого к расстрелу лично Иосифом Сталиным 23-25 апреля 1942 года. И я принесла свои воспоминания с соответствующими документами. Но ничего в течение последующих двух-трёх лет, несмотря на обещания, ничего не было написано о сфабрикованном деле №555.

Я позвонила главному редактору и выразила ему свою обиду.

Трагическая история моего отца появилась в 2013 году, но не на своей родине, которая всегда не хотела вспоминать своих мучеников, чтобы не каяться. Появилась она за рубежом, в Англии, в книге английского журналиста и писателя Брайана Мойнахена.

Жаль, что не в России. «Нет пророка в своём отечестве...»

P.S.

Как я узнала от Татьяны Ермолаевой книга о ленинградской блокаде (Brian Moynahan) переводится на русский язык и будет напечатана в России. Кроме того, корпорация BBC ставит фильм по этой книге. Фильм выйдет на экран в феврале 2015 года.

«МОЯ» КАРТИНА

Всё началось 25 лет тому назад, в 1989 году, когда я со своим приятелем, купив две одноместные путёвки на теплоход из Ленинграда до Саратова и обратно, поплыли по Мариинской системе до Рыбинска, а затем по Волге.

Как всегда на остановках, мы выходили в городах погулять, и вот однажды в Горьком мы пошли с ним в Художественный музей. В одном из залов я воскликнула «Моя картина!» Редкие посетители с удивлением посмотрели на меня. На стене висела картина Поленова, на которой был изображён берег Венеции. Мраморные ступени спускались к серебристо-серому морю, вдали желтел парус. У папы были две такие картины, они немного разнились размером. По-моему, эта была авторским повторением более крупной (лежащей в «запаснике») и была лучшей, потому и висела у папы в кабинете справа от входа над книжным шкафом.

Мы спустились к директору музея, затем с ней в архив музея. Она (директор) нашла соответствующую карточку в картотеке, на которой было написано, что картина поступила в музей в 1948-ом году из Комитета по делам искусств.

Я списала содержание карточки:

Поленов В.Д. Венеция 1844 – 1927 Инв. №1098 Х.М. 55 X 132	Морской пейзаж. Слева небольшой каменный выступ. набережной со ступенями, доходящими до воды. Вдоль берега – связки брёвен, выступающих из воды. Справа лодка с жёлтым парусом, несколькими людьми; левее ещё лодка, вдали белые и жёлтые паруса; на горизонте слева смутные синеватые очертания другого берега. Небо бледно-серое, темнеющее ближе к воде.
Подпись слева внизу 1844-1927 Поленов 1897 К.П. 399 Передано комитетом по делам искусств при Сов.Мин.РСФСР актом от 14/ХП – 48 г. по приказу... 5000 руб. 391540 Малкова Людмила Константиновна Зам. директора по науке Шарун Н. Ивановна т. 391134	

Всё сходилось. Папа арестован 3 февраля 1942 года, суд по «Делу №555» состоялся 23-25 апреля 1942 года. Приговор был

краток, прост и безыскусен: «подвергнуть высшей мере уголовного наказания – расстрелять, а лично принадлежащее ему имущество конфисковать». Акт описи имущества составлен 10 октября 1942 года. Папа, не дождавшись расстрела, заменённого впоследствии десятилетней ссылкой, умер в тюрьме НКВД после допросов и пыток 22 июня 1942 г.

Директор Горьковского музея Нина Ивановна Шарун оказалась очень милой женщиной, с которой у меня завязалась переписка после того, как я всё ей рассказала и которая сообщила мне уже потом в Ленинград, что вторая картина Поленова висит в кишинёвском Художественном музее. В одном из писем ко мне она прислала мне открытку с картины вверенного ей музея. Я была очень благодарна ей за эту открытку, хотя краски (по моим воспоминаниям), изображённые на ней, были очень далёки от оригинала (поскольку производство качественных цветных фотографий ещё только начиналось тогда в нашей стране).

Я попросила сына попробовать воспроизвести картину с открытки. Мой сын Андрей по профессии математик, старший преподаватель Политехнического института, но это не мешает ему неплохо рисовать.

(Внизу открытка с картины Поленова в горьковском Художественном музее.)

Конечно, здесь много розовато-рыжего, а картина в моей памяти была серебристо-серая, Андрей-то её никогда не видел, но

всё равно я была очень довольна, попросила вставить в раму и повесить.

Теперь оставалось выяснить, каким образом картины попали в эти музеи.

По приезде в Ленинград я пошла к адвокату. Адвокат сказал, что если я прослежу ниточку, связывающую конфискованную картину с фамилией моего отца Б.И. Извекова, то картину мне возвратят. Адвокат дал мне бумагу в Министерство Культуры РСФСР с просьбой оказать мне помощь в поисках нужных документов. Для этого надо ехать в Москву в архивы. Так хотелось из пятидесяти (приблизительно) конфискованных картин таких мастеров, как Репин, Поленов, Маковский, Кустодиев, Бенуа, Серебрякова и так далее, вернуть хотя бы одну... Я просидела три дня в московских архивах, но фамилию Извеков в документах Комитета по делам искусств я не обнаружила.

Всё было сделано «шито-крыто»!

Через несколько лет в Ленинграде была выставка Поленова, на неё привозили картины из всех городов страны, привезли и «мою» картину из Горького. Я, наверное, раза четыре ходила в Русский музей, чтобы лишний раз её увидеть, к тому времени я уже сама побывала в Венеции и сидела там на набережной, откуда открывался знакомый мне вид.

Через некоторое время я оказалась в Кисловодске в санатории научных работников. Там я познакомилась с академиком АН МССР из Кишинёва Берсукером Исааком Борисовичем. Я рассказала ему свою историю с картиной Поленова, попросив его при случае зайти в Художественный музей и посмотреть, висит ли там вторая картина Поленова «Венеция». И уж если он будет настолько любезен, узнать от администрации музея, откуда появилась картина и когда, то тогда не будет меры моей ему благодарности. Он взял мой адрес и пообещал выполнить мою просьбу. Вскоре я получила от него письмо.

Он написал мне о том, что картина «Венеция» действительно находится в музее, разговаривал с директором музея Ставила Фёдором Васильевичем, тел. 24-17-30, и тот сказал, что картина была куплена у московского коллекционера Вишневого (умер в

1982 году). Последний, скорее всего, купил картину в антикварном магазине.

Я стала переписываться с кишиневским Художественным музеем. Мне опять повезло на хороших людей, правда, они побаивались, что я захочу забрать у них картину, но я их успокоила по этому поводу. В результате я получила прекрасную фотографию из альбома кишинёвского музея.

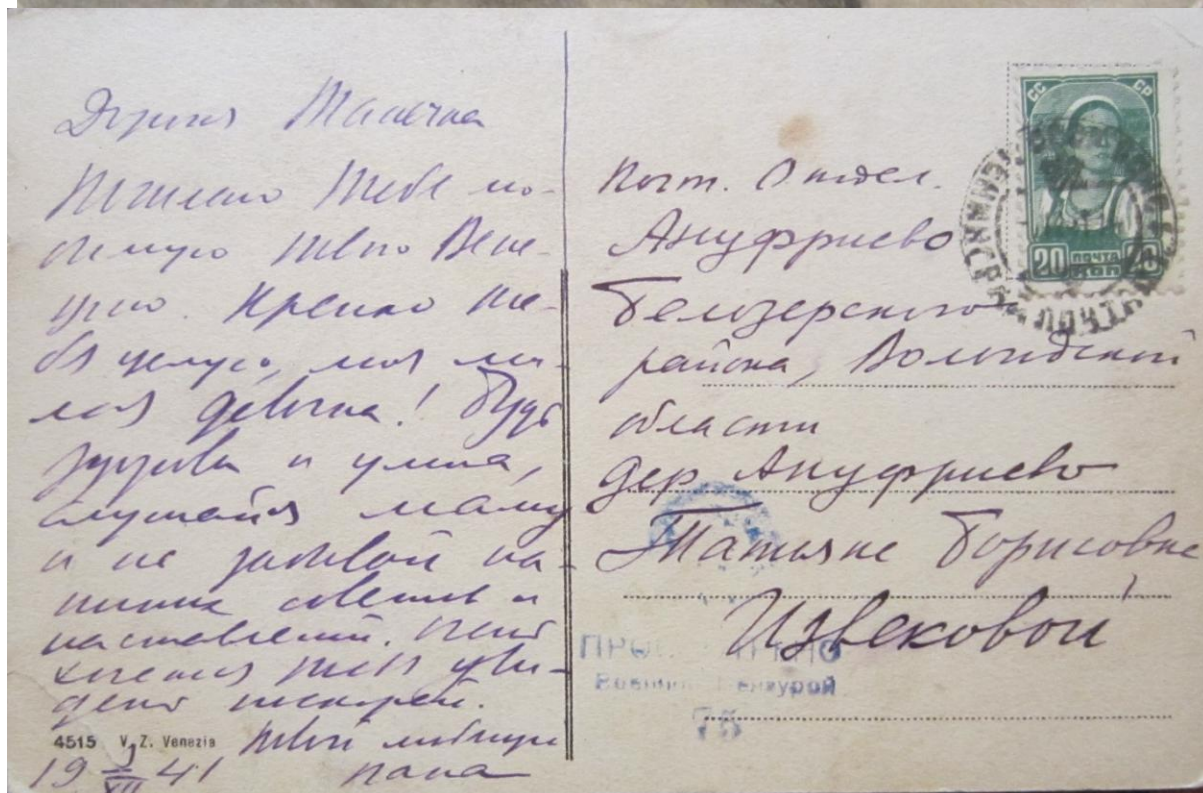

Фотография картины из кишинёвского музея

И всё-таки сама картина лучше!

Помню, в далёком детстве, когда мне было лет семь, папа купил и повесил над моей кроватью большую карту мира, два полушария; мир вокруг меня расширился, и появилась мечта – побывать в разных странах. Но во всех странах разные языки, как же общаться с разными людьми? Хорошо бы люди всего мира придумали один общий язык! Папа показывал на точку земли в правом полушарии и говорил: здесь в стране Италия самый красивый город на земле – Венеция. Бедный папа, он никогда этого города не увидел! Да и не только он, даже Пушкин не смог осуществить свою мечту – побывать в Италии. А я, простой человек, ничего из себя не представляющий в общественном смысле, была почти во всех странах Европы и даже на других континентах!

Сохранилась папина открытка, которую он послал мне в деревню из блокадного Ленинграда за два месяца до своего ареста 1 декабря 1941 года:

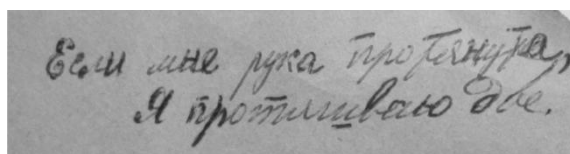
«Если Бог нас своим могуществом после смерти отправит в рай», как писал Константин Симонов, и я встречусь там с самыми близкими мне людьми, жившими на земле - отцом, матерью и мужем (мы все четверо особенно не грешили), то к кому я в первую очередь брошусь на шею?

Пусть остальные будут не в обиде... к отцу!

ПОВЕСТЬ О МАТЕРИ

Самый интересный образ в воспоминаниях Т.Б. Извековой-Булах - образ её матери.

Брайан Мойнахен

Написано О.А. Извековой...

Мама... «Как много в этом звуке для сердца» каждого «слилось, как много в нём отозвалось...» Почему-то мне о ней, казалось бы, о самом близком человеке, писать труднее, чем о ком-либо из других близких мне людей.

Моя мать была личностью, а я всегда была мелка по сравнению с ней, как, впрочем, и остальные её дети. Как я сейчас жалею о том, что мало расспрашивала её о невероятно тяжёлой жизни, что недостаточно её ценила и не понимала её великой души. Как же я была глупа, не поняв того, что Бог дал мне в матери необыкновенного по уму и мудрости человека.

Моя мать - Ольга Александровна Вернер-Костарёва-Извекова, 1889 года рождения. Её мать, а моя бабушка, Софья Семёновна Иванова - русская потомственная дворянка, дочь разорившегося помещика, врач по специальности. Мамин отец Александр Яковлевич Пассовер - известный российский адвокат. Будучи студенткой, собирая средства для землячества, Софья познакомилась с Александром Яковлевичем. С этого знакомства начался их роман.

Вот выписка из автобиографии Ольги Александровны:

«Я родилась в 1889 г. 29-го мая в г. Лондоне, в столице Великобритании. Отец мой Пассовер Александр Яковлевич был известным юристом. Будучи евреем, он не мог жениться на моей

матери законным браком по законам царизма, так как мать моя была русская, Иванова Софья Семёновна. Чтобы на моих документах не было написано, что я незаконнорожденная, мать меня родила в Англии и немедленно вернулась в Россию, где работала врачом в Надеждинской больнице Петербурга. Она была из первого выпуска женщин-врачей в России.

Кончив в 1907 г. среднюю школу, я поступила на физмат на математическую специальность Высших женских курсов в Санкт-Петербурге. В 1908 г. я вышла замуж за студента Костарёва Н.Н., с которым прижила трёх детей (рожд. 1909 г., 1914 г. и 1916 г.). В 1925 году я развелась с первым мужем и вышла замуж за Извекова Бориса Ивановича, с которым прижила одного ребёнка (рожд. 1929 г.)».

(Нетрудно догадаться - это была я.)

Конец автобиографии был таков: «Пользуюсь отменным здоровьем и отличаюсь большой трудоспособностью». Подпись: О. Извекова. 30 октября 1954 г.

Мама писала автобиографию при поступлении на работу в Минск. Это было тяжёлое время, поэтому она постаралась скрыть некоторые вехи своей биографии, как-то: тюрьму, ссылку, лагерь. В ту пору ей было 65 лет. Не так-то легко в её возрасте, с её настоящей биографией, в незнакомом городе устроиться на работу преподавателем вуза. Но моя мать могла преодолеть все трудности, стоящие на её пути. Это была героическая женщина...

Всё-таки гены что-то значат!

Если бы Александр Яковлевич, устроивший фиктивный брак Софьи с англичанином Вернером, знал, как тяжело отразится всё это на судьбе его дочери впоследствии... Но он умер в 1910 г., и откуда ему было знать про революцию и всё то, что за ней последовало.

Софья Семёновна умерла в 35 лет от чахотки и перед смертью завещала Пассоверу не оставлять денег дочери, но дать самое лучшее образование: деньги человека портят, считала она. Он свято выполнил её волю, правда, «дрогнул» в одном случае.

Когда Александр Яковлевич умер, маме был 21 год. Она только после его смерти узнала, что он был её отцом, до тех пор он представлялся опекуном, оберегая её репутацию. После смерти матери Ольгу воспитывала тётка, родная сестра Софьи Семёновны - Надежда Семёновна.

Пассовер купил дом в Гатчине, считая, что местный климат лучше, чем в Петербурге. Всё детство мама провела там. И сколько денег можно было потратить на мамино образование, столько он потратил. Мама в совершенстве владела тремя языками — английским, французским, немецким, с листа играла музыкальную классику, у мамы были учителя по рисованию, вышиванию, плаванию и даже по верховой езде. И всё это упало на благодатную почву. Мама окончила гимназию Таганцевой, лучшую гимназию в Петербурге.

Из воспоминаний моего сводного брата Владимира Николаевича Костарёва:

«Мама училась хорошо. Об этом свидетельствуют аттестаты элитной женской гимназии. В гимназии предъявлялись высокие требования к ученицам, и давалось отличное образование, в том числе хорошее знание трёх иностранных языков. В гимназии Таганцевой учились дети известных деятелей Санкт-Петербурга. Мама как-то сказала, что начальство гимназии, возможно, знало, что за «британскоподданная» учится в их гимназии, но сделать ничего не могло или не хотело. Действительное происхождение Ольги Вернер тщательно скрывалось. Пассовер был лишь официальным опекуном.

Вся семья Таганцевых состояла из очень достойных людей. Осуществлению стремления Лидии Степановны Таганцевой хорошо учить детей помогла редкая и счастливая случайность. Она выиграла на один лотерейный билет 10000 рублей. Все эти немалые деньги пошли на организацию гимназии, которая стала лучшей в империи. Обучение было очень дорогое, 100 рублей в месяц (ровно столько стоила потом снимаемая пятикомнатная квартира на Васильевском острове).

В 1907 году, окончив гимназию, мама поступила на физико-математический факультет, на математическую специальность Высших Женских Курсов, которые закончила в 1912 году. «Опекун» очень уговаривал её не выходить замуж в 1908 году, а

продолжать образование за границей, обещая для этого необходимые средства. Однако свадьба всё же состоялась.

В 1913 году она сдала Государственный экзамен по полной программе Санкт-Петербургского университета, так как диплом университета ценился выше диплома Курсов, а в университет женщин в то время не принимали. После этого мама продолжала работать на Курсах, готовилась к кандидатским экзаменам.

В двадцатые годы на 11-й линии В.О. в нашей квартире в деревянной шкатулке у мамы была фотография её с Пассовером, на которой ей лет десять. В белом платье с тёмным кушаком на талии, она крепко держала за руку давно небритого Пассовера. Мне запомнилось его лицо, и кажется, что наши с братом Алёшей лица и форма голов, особенно к старости, стали похожими на дедовские.

На мои расспросы мама сказала, что они гуляли с опекуном в какой-то праздничный день. Она, увидев фотографическое ателье, стала его уговаривать сняться вдвоём. Уговорить было чрезвычайно трудно, даже ей с её характером. Почти силой затащив в ателье, она его крепко держала, пока закончилась съёмка. Пассовер вообще избегал фотографироваться.

Ещё я видел у мамы красивый юбилейный адрес Пассоверу от гильдии адвокатов. Мама сказала, что Пассовер прогнал представителей гильдии. Они ушли, но адрес оставили».

Оля Вернер

Итак, мама выходит замуж за Николая Николаевича Костарёва. До революции целых 10 лет! Десять лет весёлой, беззаботной жизни! Конечно, родятся дети: Соня, Вавака (Владимир), Алёша – один за другим с небольшими перерывами, но ведь есть няни, кухарки...

О.А. и Н.Н. Костарёвы

Судя по фотографиям, сплошные весёлые компании, балы, маскарады, яхт-клуб и вместе с этим – окончание мамой университета, а муж кончает Путейский институт, ныне Петербургский государственный университет путей сообщения. У них собственная яхта, на которой Николай Николаевич с Вавакой спускаются по Волге из Рыбинска до Саратова.

Но всё хорошее, к сожалению, быстро кончается. Происходит революция...

Мама с детьми на четыре года уезжает из Петербурга спасаться от голода. Муж остаётся в Петрограде, изредка навещаясь к семье в Вятку. И неудивительно, что за несколько лет разлуки Костарёв обрёл новую связь. Это было для мамы катастрофой. Видимо, она всячески старалась сохранить брак, но не удалось. Мне она рассказывала, что Николай Николаевич был неплохим человеком,

неплохим отцом и как будто разводиться не хотел, но и связь не прекращал. Такой вариант жизни маму не устраивал, и она предпочла остаться одна с тремя детьми. Из воспоминаний Ваваки я узнала, что мама очень страдала, но на разводе настоял Николай Николаевич.

Из воспоминаний В.Н. Костарёва: «С раннего детства родители нас никогда не миловали, не целовали. Не было принято. Лишь однажды мама меня поцеловала при первой встрече в Саратове, после шестилетней разлуки и войны, после чуда, что мы остались живы. Заботу и любовь родителей я чувствовал всегда. То, что они разошлись ещё молодыми, была их общая огромная ошибка и общая наша беда. Мне кажется, что виновата в этом больше умная, но не всегда разумная и дальновидная мама. Её характер, резкие необдуманные высказывания на фоне трудной голодной жизни, когда она временно стала основным кормильцем семьи, а отец оказался безработным. Это и другие обстоятельства способствовали разводу.

На Знаменской, наоборот, энергично и с умом боролись за отца, создавая для него наибольший комфорт и привлекательность быта. Инициатором развода был отец. Ему было трудно. Но он решился. Помню тихие мамины слёзы при переговорах и непреклонное выражение отцовского лица.

Позже в разговоре с мамой в 1924 году я с детской непосредственностью высказался о том, что отцу на Знаменской живётся лучше, чем на В.О. Она очень обиделась. Родители до самой своей смерти были вольно или невольно связаны друг с другом в мыслях и в сновидениях. Этому были доказательства».

Бедная, бедная мама... Зря не послушала своего отца. Уехала бы в Париж учиться, вышла бы там замуж, не было бы для неё революции, не было бы трёх детей, которых надо было спасать от голода, не была бы брошена мужем с тремя детьми (это был 1922-й год: Соне - 13, Ваваке - 8, Алёше - 5), не было бы второго брака и меня, не было бы ссылок и лагерей - была бы другая жизнь, во всяком случае, не такая на редкость тяжёлая...

В 1964-м году мама праздновала своё 75-летие. Это было в Ленинграде в Вавакиной квартире на Таврической. Была большая мамина семья (моего отца не было в живых уже 22 года), было много гостей, и среди них Николай Николаевич с супругой. Я приехала специально на мамин праздник из Саратова, где жила с мужем и детьми. Моё место за столом оказалось рядом с Н.Н. на противоположном конце стола, напротив мамы.

Мама, в новом сером платье (я сама сшила его и привезла ей в подарок), встала, чтобы произнести «тронную речь». Начала она так: «Да... Николай Николаевич, зря я рассталась с Вами, надо было перетерпеть... всё-таки трое детей...» За столом гробовое молчание, и тут я вскакиваю: «Мама, что ты говоришь! Ведь меня тогда бы на свете не было!»

Николай Николаевич приобнял меня, усадил на место, говоря во всеуслышанье: «Была бы, только моя...» Обстановка была разряжена, юбилей продолжался.

Из воспоминаний Владимира Николаевича Костарёва («Ваваки»):

«В начале 1918 года, спасая от голода, решительная и бесстрашная мама повезла нас, троих детей, на родину моего крёстного отца И.С. Яговкина в Вятскую губернию. Тогда же она получила разрешение открыть в большом селе Коса школу второй ступени для крестьянских подростков. Мама стала организатором и директором этой школы. Ей дали рядом с исполкомом большой дом с хлевом и амбаром, большой огородный участок, отделённый от усадьбы молодым лесом, шириной примерно 150 метров. Вскоре в хлеву появились две коровы, свиньи и куры.

Мама преподавала математику. Для преподавания русского языка и литературы она выписала из Петрограда давнюю знакомую А.И. Червинскую с детьми. Для преподавания музыки и пения была выписана Л.В. Алексеева-Грибоедова. Ещё в 1919 году была вызвана для преподавания учившаяся ранее вместе с мамой Лебедева и, возможно, другие учителя. Получился весьма сильный преподавательский состав. Для учеников из дальних деревень были созданы общежития. Преподавание велось на высоком уровне. Многие выпускники школы успешно учились дальше. В тридцатые годы маму навестил выпускник школы, член-корреспондент Академии наук Скрябин.

Жизнь в Косе была достаточно сытной. Наш отец, Николай Николаевич, также приезжал и сфотографировал нас (мы в нашем доме в селе Коса...1920г.).

Соня, Вавака и Алёша

В январе 1922 года мы вернулись в Петроград в теплушке с козой, с бочкой засоленной говядины и с другими припасами».

Продолжаю и добавляю я.

Итак, мама одна с тремя детьми. Время было очень тяжёлое, устроиться на работу трудно, хотя образование у неё было хорошее, она окончила университет с красным дипломом. Но троих детей надо было кормить и одевать. Мама как-то рассказывала мне, что когда они вернулись в Петроград, то дети, увидев на столе сыр, удивлялись, зачем мыло положено для еды...

Наверное, муж помогал, но всё равно было очень тяжело и морально, и материально. Потом она даже помогала Н.Н., будучи с ним в разводе, написать кандидатскую диссертацию, чтобы увеличилась его зарплата, в чём она была заинтересована.

С большим трудом она устроилась старшим ассистентом на кафедру экспериментальной физики Политехнического института, которой заведовал Абрам Фёдорович Иоффе, и проработала там с 1923 по 1930 год (в книге, посвящённой А.Ф. Иоффе, есть снимок коллектива физической лаборатории, на котором О.А. Костарёва - крайняя справа во втором ряду). С большим трудом - потому что А.Ф. Иоффе очень серьёзно относился к подбору своих сотрудников. Он обладал замечательной способностью почти безошибочно обнаруживать научное призвание у тех, кто действительно его имел.

Физическая лаборатория ЛПИ. Сидят (слева направо): И. В. Мещерский, А. Ф. Иоффе, С. Н. Усатый, С. И. Щегляев, В. В. Скобельцын, А. А. Шапошников, А. И. Тудоровский, В. М. Филиппов, Ф. А. Миллер, М. В. Иванов; второй ряд: Д. А. Рожанский, Н. Н. Семенов, С. И. Зилитинкевич, Л. Куликова, Я. Р. Шмидт-Чернышева, В. Ф. Миткевич, В. Р. Бурсиан, Т. Ф. Боровик-Романова, Н. Я. Селяков, П. С. Тартаковский, К. Ф. Нестурх, Д. В. Скобельцын, М. А. Левитская, Л. С. Мысовский, В. В. Безикович-Дойникова, О. А. Костырева, А. И. Тхоржевский; последний ряд: А. Ф. Вальтер, Е. Н. Горева, А. И. Лейпунский, В. Н. Кондратьев, М. И. Корсунский, Н. Н. Миролюбов (1927 г.).

О.А. Костарёва во втором ряду последняя справа

Затем мама перешла на работу в Главную Геофизическую Обсерваторию (ГГО), в отдел теоретической метеорологии. Заведующим отделом был выдающийся физик и математик А.А. Фридман, тот, которому удалось внести поправку в теорию относительности Эйнштейна.

Из воспоминаний брата: «Однажды, выполняя поручение мамы, я был у Фридмана в доме. Я его хорошо запомнил, хотя, конечно, не знал тогда, что он такой большой учёный. Фридман совместно с Иоффе и другими создали физико-механический факультет Политехнического института. Фридман умер в 1925 году».

В обсерватории мама познакомилась с моим будущим отцом Борисом Ивановичем Извековым. Вероятно, их роман начался в 1926-1927 годах, судя по тому, что я родилась в 1929 г. В свои 37 лет мама была «одиночкой» с тремя детьми. Как-то она говорила мне потом: «Женщина должна половину жизни жить для себя, вторую половину для других». Я, кстати, до сих пор не могу разобраться в этом афоризме.

Во всяком случае, она решила (по-мичурински), что личная жизнь её на этом не кончается и «не надо ждать милостей от природы, взять их – наша задача».

Вот что она мне рассказала: «Работая в ГГО, я заметила одного молодого красивого профессора. В отделе кадров мне удалось узнать, что ему 35 лет и он не женат. Это было то, что мне надо».

«Ну а дальше, как ты смогла получить то, что тебе надо?» - спросила я.

«Дальше было дело техники...» - отрезала моя мама.

Ясно, как нелегко было маме с тремя детьми, далеко не красавице, с полным пренебрежением к одежде, женить на себе красавца-мужчину, моложе себя на два года, профессора, доктора физико-математических наук, талантливого учёного и просто замечательного, доброго, высокоинтеллигентного человека.

Это могла сделать только моя замечательная мать с её необыкновенным умом, решительным характером и терпением. Она мне рассказывала: «В то время, когда мы познакомились, у него были две любовницы: одна «на каждый день», кухарка, это там, где он жил; и вторая – ни много ни мало, а примадонна Мариинского театра, певица Кобзарёва, впоследствии по настоянию твоего отца ставшая твоей крёстной матерью. Говорят, Шаляпин про неё сказал, что сопрано великолепное, но уж больно толста, обнять её на сцене не просто (это Шаляпину-то!).

Когда твою сестру Соню повели в первый раз на «Пиковую даму», она спросила, не сидят ли в Лизе две тётки». После этого рассказа я впервые была озадачена папиным вкусом.

Но мама была последовательна. По-видимому, техника заключалась в следующем: сначала она «ликвидировала» кухарку, перевезя папу на другую квартиру к своим друзьям Калачёвым, затем, в конце концов, и Кобзарёва исчезла с папиного горизонта.

Я не вполне уверена в том, что рассказанный мамой следующий случай относится к Кобзарёвой (она не назвала фамилию), но рассказ был такой: «Ты уже родилась, но связь у твоего отца не прекращалась. Как-то он задержался, телефон «особы» был мне известен, и я попросила твою няньку Мэри позвонить по этому телефону. Я стояла рядом и подсказывала ей, что надо говорить. К трубке кто-то подошёл, Мэри под мою диктовку говорит: «У вас в квартире находится Борис Иванович Извеков, жена просит передать ему, что она очень беспокоится, как он будет поздно возвращаться домой, и просит его переночевать там». Через час твой отец возвращается взбешённый: «Ты компрометируешь женщину!» Я ему: «Голубчики, сами себя компрометируете». По-видимому, это была коммунальная квартира. Этот эпизод был уже после моего рождения, я забежала на пару-тройку лет вперёд.

За год до моего рождения, осенью 1928 года Извеков по рекомендации академика Фридмана был послан в научную командировку в Швецию и Германию. Маме удалось присоединиться к этой группе учёных.

В порыве откровенности мама как-то сказала мне: «И вот в Германии, в городе Ульме, где всё было очень красиво и интересно, мы сблизились с твоим отцом, и ты была зачата. Ты понимаешь, конечно, что четвёртый ребёнок мне совсем был ни к чему, но я понимала, что отца твоего мне не удержать, если я не рожу...»

Далее, по её рассказам, они по настоянию папы повенчались. Венчание происходило у Калачёвых, куда был тайно приглашён священник – время было такое... Мне потом показывали в квартире Калачёвых коврик, на котором венчались мои родители.

Итак, я удостоила этот мир своим появлением 4 мая 1929 года.

Ну что же, спасибо моим дорогим родителям, что будучи уже немолодыми (папе 38, маме 40) они отважились на такой смелый поступок!

Мама оказалась права. Для отца я стала центром вселенной.

В своём детстве я очень плохо помню присутствие матери. К сожалению, жизнь сложилась так, что только до 1934 г. мы жили вместе. Так что все мои детские воспоминания связаны с отцом. Моя детская любовь и привязанность были полностью отданы ему. Отец был для меня всем на свете: отцом, матерью, другом. Всего двенадцать лет за всю мою долголетнюю жизнь я провела рядом с ним, из них девять сознательных. Но в течение двадцати лет после того, как он ушёл из моей жизни, я не могла спокойно о нём говорить, к горлу подкатывал ком - и слёзы, слёзы, слёзы...

Мама говорила: «Я тебя родила и бросила на отца и няньку, мне с тобой заниматься было некогда, были другие заботы: не были поставлены «на ноги» старшие дети, и надо было писать докторскую». К 1934 году она была доцентом и готовила докторскую диссертацию.

В доме были две прислуги: Катя – кухарка и Маня - моя няня, которая прожила у нас десять лет. Мама работала с утра до вечера, надо было зарабатывать деньги, она принципиально не хотела, чтобы дети от её первого брака были бременем для моего отца, тем более что у них был свой отец.

Сводная сестра Соня к тому времени жила отдельно - была замужем, имела сына Вовку – Рыжика, который был всего на год моложе меня. Соня была старше меня на 20, Вавака на 15, Алёша на 13 лет. Мама называла Катю и Маню по-английски: Кэт и Мэри. Как-то к Мане приехали гости из деревни и спрашивают: «Манька, пошто хозяйка тебя меринком кличет?»

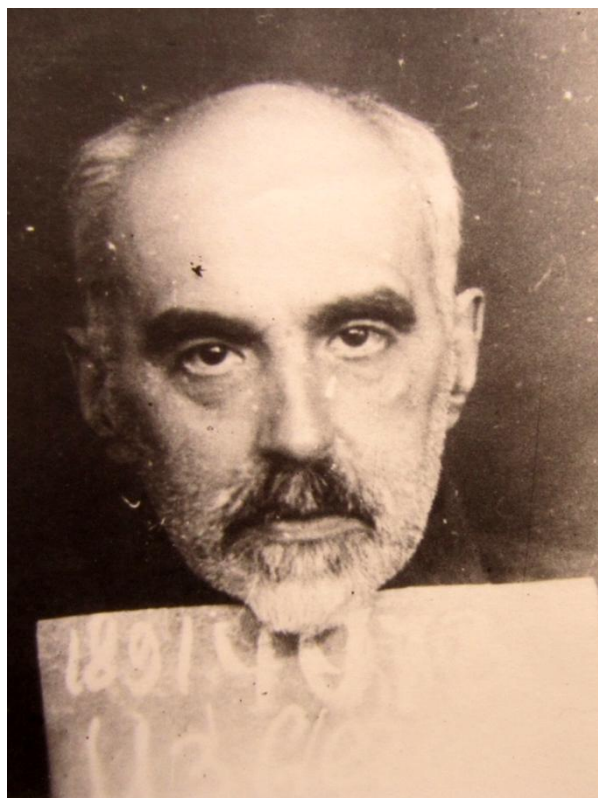
Тем не менее, нельзя сказать, что мама совсем отстранилась от моего воспитания. Например, я помню, что именно она учила меня отличать левую сторону от правой. Завязывали на правой ноге красный бант, заставляли маршировать, и по команде я должна была поднимать правую ногу. Оставалось самой сообразить, что нога без банта – левая. Надо сказать, что вся законодательная власть в нашей семье осуществлялась мамой, исполнительная – папой.

Итак, 1934-й год. Папа мне много читает и рассказывает. Рассказывает и читает Священную Историю, учит меня молитвам (мы молимся перед моим сном – «Отче наш» и «Богородица-дева, радуйся»), читает мне наизусть стихи своих любимых поэтов, а это Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Полонский.

Почти каждое воскресенье в первой половине дня мы идём в Русский Музей, где папа показывает любимые свои картины и рассказывает о них. К этому времени у него самого уже хорошая коллекция картин, в основном русских художников. За столом в папином кабинете в большой картонной папке у стены был «запасник», где находились не вывешенные картины без рамок. Как-то папа вынул оттуда и показал мне большой картон с овальными фотографиями, это был первый выпуск врачей-женщин Медицинского института. «Вот твоя бабушка – мамина мама, вторая в овале», – сказал он. Во втором овале на меня смотрела красивая женщина с широченной русой косой вокруг головы.

Фотографии дедушки-священника и бабушки-попадьи стояли у папы на письменном столе. Слишком поздно родители мои решились произвести меня на свет – ни дедушек, ни бабушек своих я не застала.

В общем, отец вложил в меня всю душу свою. И когда лет через тридцать в конце 60-х годов после отцовской реабилитации и моей – «дочери врага народа» – мне удалось взять дело моего отца в «большом доме» на Литейном, я прочла там и приговор к расстрелу, подписанный Сталиным, и собственноручные показания обвиняемого Бориса Ивановича Извекова от 31-го марта 1942 года, написанные за три месяца до смерти.

Б.И. Извеков в тюрьме НКВД

В конце этих показаний он пишет, что он хотел бы кончить свою жизнь в мире с самим собой. Эти слова: «Жить в мире с самим собой» были девизом всей папиной жизни, и это чувство - «потребность жить в мире с самим собой» - я унаследовала от него.

Но вернёмся в 1934-й год. Убийство Кирова. Массовая высылка ни в чём не повинных людей из Ленинграда. Ломка судеб, в том числе судьбы моей семьи.

А. Солженицын, «Архипелаг Гулаг», часть 6-я, глава 3, «Ссылка густеет»: «За какие же преступления гражданин нашей страны в 30-40-е годы подлежал ссылке или высылке? Наиболее частые преступления указать легко: 1) принадлежность к преступной национальности; 2) уже отбытый тобою лагерный срок; 3) проживание в преступной среде (крамольный Ленинград...). Нам недоступно изучить и описать все те дифференциальные толчки, которые в разные годы разных людей вдруг направляли не в лагерь, а в ссылку. Мы только наблюдаем, как пёстро

смешивались тут переселенцы из Манчжурии, какие-то иностранноподданные одиночки...»

К сожалению, у мамы место рождения - Лондон, но она совсем не британская подданная. Весной 1935 г. её высылают из Ленинграда перед самой защитой докторской диссертации. К тому времени она была доцентом, но без степени.

Место ссылки – Саратов.

Из воспоминаний В.Н. Костарёва: «...тогда, после убийства Кирова, происходила массовая очистка Ленинграда от всех тех, у кого можно было найти для этого хоть малейший повод. Высылали и без повода. Было задано количество и сроки. У мамы поводом могло быть указанное в паспорте место рождения - Лондон, дворянство и несдержанный острый язык. Незадолго до ареста в квартире на В.О. (при мне) побывал директор ГГО. Сравнительно молодой партиец, рыжеватый и несимпатичный, он как-то неприязненно озирался на стены, увешанные дорогими и прекрасными картинами. Во время ареста ни меня, ни Алёши, ни Сони, слава Богу, в квартире не было».

Итак, мы остались без мамы. Вавака и Алёша переехали к своему отцу. Они были уже совершеннолетними, но на всякий случай Николай Николаевич отослал их на время в Москву в целях безопасности, так как многие семьи высылались полностью. Меня вполне могли выслать с мамой, так как гражданского брака у моих родителей не было, только церковный. Возможно, помогла моя скарлатина. После всевозможных мытарств и хлопот было решено в отношении троих старших детей ссылку в Саратов отменить.

Из воспоминаний В.Н. Костарёва: «Мы вернулись в Ленинград. Это дало нам возможность продолжать жить и учиться в Ленинграде, а возможно, спасло нам жизни, потому что из Саратова была прямая дорога в концлагерь, а может быть ещё дальше».

Перед высылкой в Саратов была тюрьма. Когда и где маму арестовали, я не знаю, сколько месяцев она просидела в тюрьме,

тоже не знаю, но помню такой эпизод. По-видимому, маму перед высылкой на какое-то время выпустили из тюрьмы домой, возможно, за зимними вещами, ведь ссылали маму в Саратов на 5 лет. Так вот, помню у папы в кабинете такую сцену: в кабинете папа, мама и Николай Николаевич, который срывает с маминой шеи золотую цепочку. Дело в том, что у мамы была замечательная золотая цепочка работы знаменитых венецианских мастеров по золоту, унаследованная от матери (подарок Пассовера). Мама всегда говорила, что работа по золоту там дороже, чем само золото. Она носила её не снимая, так как замок цепочки был сломан. В тюрьме пытались сорвать с неё цепочку, но не смогли. Папа и Н.Н. пытались снять её с маминой шеи, боясь, что в дороге и ссылке её могут убить из-за золота. Николаю Николаевичу удалось порвать цепочку, не причинив маме вреда. Кстати, эта цепочка пролежала порванной до моих 16 лет, когда мама наконец отдала её починить и подарила мне. Теперь она подарена моей дочери Кате. Может, у неё будет когда-нибудь внучка, и она передаст её ей. Эта цепочка – единственная вещь, хранящая память о нашем предке - Александре Яковлевиче Пассовере...

Ни за что, без суда и следствия высланная из Ленинграда, оторванная от семьи, от больного пятилетнего ребёнка, от интересной успешной работы, мама ехала на поезде в совершенно незнакомый ей город Саратов. В поезде, разговорившись с проводницей, рассказав, что ей и ночевать-то негде (а поезд в Саратов прибывал к вечеру, а вечера в Саратове тёмные, город-то почти южный), разжалобила её, и та дала ей адрес своей сестры Нюры Желваковой. Добралась туда мама только к ночи.

Нюра с мужем Васей, речным механиком, жила на окраине Саратова, «на горах». Мама поселилась у этих замечательных людей, почти в деревенской избе. С тех пор Нюра стала первым другом нашей семьи. Она часто потом приезжала к нам в гости в Ленинград, помогала нам с мамой в тяжёлые военные годы, когда волею судеб мы снова оказались с мамой в Саратове...

Мама устроилась на работу в Сельскохозяйственный институт, расположенный на 2-й дачной остановке. Это, конечно, было не близко, но моя мать никогда не боялась трудностей и умела «обуздать» свою судьбу.

Пока мама в ссылке, в Ленинграде в мамину 24-метровую спальню въезжает семья Семёновых из четырёх человек, вдовец с двумя девочками со своей матерью. Ещё до этого в комнату уехавших к отцу сводных братьев вселилась семья Беликовых: Павел Данилович и Клавдия Владимировна со взрослыми детьми - Шурой, который вскоре уехал инженером на Беломорканал, и Таней, которую я звала Таня Белик.

Из наших остались я с папой, Маня, Катя и Анатолий - школьный товарищ Ваваки. Мама прописала Анатолия в нашей квартире в связи с уходом его от родителей, которые хотели, чтобы он работал, а не учился после окончания школы. Квартира стала в полном смысле коммунальной - из 13 человек.

Через некоторое время папа, я и Таня Белик готовимся к большому событию: поедem поездом до Рыбинска, затем поплывём по Волге в Саратов к маме. Мама в деревне Агафоновке под Саратовом сняла для нас дачу на лето. Мне в мае исполнилось уже 6 лет, и я очень хорошо помню это замечательное путешествие. Когда наш пароход подплывал к Саратову, на берегу стояло много встречающих, среди них моя мама. Но сколько мне папа на палубе ни показывал на маму, стоящую на берегу, я не могла её отличить от других женщин, стоящих там же. Я и раньше-то редко её видела, разве что по праздникам, а в последнюю зиму 1935 года и вовсе не видела, так как перед ссылкой была ещё тюрьма. Не мудрено в таком малолетнем возрасте после разлуки не узнать собственную мать!

Лето 1936-го года мы живём опять у мамы в Саратове. На этот раз дача на 8-й дачной остановке. Это было весёлое лето, всегда много народу, впрочем, где мама, там всегда люди. В отпуск сюда приехали мои сводные братья с Анатолием и папа. Как мама сумела организовать быт, диву даюсь! Ведь сама она в своей жизни ни одного обеда не сварила, ни одной пелёнки не выстирала, при четырёх-то детях. Так или иначе, было весело, молодёжь крутила романы, папа, как всегда, страдал от нашествия народа и ходил со мной гулять по окрестностям, рассказывая мне обо всём или читая стихи Пушкина и Лермонтова.

И вот кончилось весёлое лето 1936-го года. Все вернулись домой в Ленинград, кроме мамы, конечно. Надвигался страшный

1937-й год. И хотя жизнь текла без особых перемен по прежнему руслу, люди старшего поколения чувствовали усиливающуюся напряжённость. Я занималась в группе французского языка, бегала во дворе с ребятами. По-прежнему мы с папой часто ходили в Русский музей.

Лето 1937-го года, в отличие от предыдущего лета, было неинтересным и тревожным. Мама и на этот раз сняла дачу на 8-й дачной остановке. Папа вообще в это лето в Саратов не приезжал, мама все дни проводила на работе. Как-то рано все с дачи разъехались, и мы остались одни. Почему-то мы с Маней в этот раз не спешили в Ленинград, и 1-го сентября мы ещё жили на даче. Может быть, моей маме захотелось побыть лишнее время со мной, может быть были другие причины, не знаю. Так или иначе, она стала меня учить арифметике. Через какое-то время она решила отдать меня в школу, ведь в мае мне исполнилось уже 8 лет.

Школа была на 5-й дачной остановке. Но в школе мне, по-видимому, делать было нечего, да и с дачи было пора съезжать, мы переехали в Саратов. Маня уехала в Ленинград, наверное, так было нужно, уехала без меня, оставив меня с мамой. Мама в Саратове сняла на Мичуринской улице подвальное помещение, в котором мы поселились.

Сейчас я думаю, что мама боялась, что папу могут арестовать (начались репрессии 1937-го года), а меня отправить в детский дом. Она вообще очень боялась за папу, ведь он был сыном священника, а таких забирали в первую очередь. Очень страшно было жить в то время... «Чёрный воронок» появлялся то здесь, то там. Уже в наш дворик приезжал «чёрный воронок» и забрал родителей мальчика Кима и его сестры Октябрины. За ними должны были приехать, чтобы забрать их в детдом, но что-то не приехали, и они ходили на базар продавать стул, чтобы купить что-нибудь поесть.

На другой день - был уже вечер - и я с ними и с другими ребятами играла во дворе, когда с работы пришла мама. «Собирайся скорее, пойдешь ночевать к Вале Долниковой», - сказала она. «Не пойду» - сказала я. «Собирайся быстро!» - повторила мама. «Я сказала, что не пойду, - значит, не пойду» - отпарировала я. Моя мама спустила с меня штаны и при всём честном народе отшлёпала меня. Мне было ужасно стыдно не за то,

что она отшлёпала меня, а за то, что она сделала это, спустив с меня штаны при моих товарищах по двору. Так или иначе, такого оборота речи – «я сказала, не пойду, – значит, не пойду» - я за всю свою дальнейшую жизнь ни разу не произнесла.

Мама отвела меня ночевать к своей студентке Валечке Долниковой и как будто в воду глядела. Ночью Валя подняла меня с постели, в прихожей стояла мама между двумя незнакомыми мужчинами. Она была арестована. Как ей удалось договориться на «чёрном воронке» заехать к Валечке, я не знаю, и очень корю себя за то, что никогда не спросила её об этом, времени было предостаточно. Наверное, сказала, что с дочкой надо проститься, поэтому и подняли меня с постели для доказательства, но на самом деле ей надо было передать Валечке, чтобы мамина знакомая Александра Михайловна Астраханова отвезла меня к отцу в Ленинград, что и было сделано.

Умница мама! Спасла меня от детдома, папа никогда бы меня не вызволил оттуда, ведь брак у них не был зарегистрирован.

Из рассказа Александры Михайловны, переданного мне её дочерью Лилей: «В Ленинграде нас с Танюшкой встречал Борис Иванович. Этот статный красавец-мужчина плакал, обнимая своё сокровище».

Да, всё могло сложиться по-другому. Видно, меня прятали в Саратове, боясь, что в случае ареста папы я попаду в детдом. Мама, должно быть, считала, что раз она уже в ссылке, то её не тронут. Не тут-то было! Слава Богу, хоть папа 37-й год проскочил.

Это была страшная осень для всей интеллигенции вообще, а для ленинградской в особенности. Мама после ареста сидела в саратовской тюрьме, затем её перевели в лагерь под Нижним Новгородом, в котором она провела больше двух с половиной лет. Впоследствии, когда был напечатан рассказ Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича», всколыхнувший всю общественность, мама говорила, что на самом деле всё было гораздо тяжелее, вероятно, Солженицыну не разрешили написать всю правду до конца.

Помню, что один раз в месяц разрешались посылки в лагерь. Папа их собирал, а Анатолий относил на почту. С лагерем была какая-то связь кроме посылок. Например, помню такой случай. В нашей квартире случилось ЧП: кухарка Катя по секрету призналась тётке Клаве, что она беременна от Анатолия, тётя Клава сказала об этом папе, папа сообщил об этом маме в лагерь. Из лагеря пришла телеграмма: «В 24 часа жениться или вон из нашего дома!» А следующая сцена была при мне, я хорошо её помню. Папа пригласил Анатолия к себе в кабинет, и, будучи крайне деликатным человеком, смущаясь, сказал: «Анатолий Александрович, здесь вот телеграмма, касающаяся Вас», и протянул Анатолию телеграмму. Результат был таков: Анатолий и Катя поженились, папа отдал им свою спальню, родился маленький Толик, мы с Вавакой были крёстными родителями (крещение происходило в церкви на Смоленском кладбище). Так что мама наводила порядок и из лагеря.

Ну а я по приезде в Ленинград поступила в школу, сразу во второй класс, французский язык продолжался, прибавился немецкий (с маминой подачи), позже музыка. Придя домой после школы, мы обменивались школьными впечатлениями с подружкой-соседкой Женей, которая была классом старше.

Одной из папиных работ было заведование кафедрой математики Военно-Морской Академии им. Ворошилова, хоть отец и был штатским человеком. Эта академия находилась на нашей 11-й линии В.О. между Большим проспектом и набережной. Папа иногда водил меня туда. Папу всегда все очень уважали и любили, и я хорошо помню, как эта доброжелательность его коллег и курсантов распространялась и на меня, маленькую девочку, так похожую на него. Его коллеги ничего не знали о маме, наверное, считали, что он вдовец и поэтому папе приходилось не раз отбиваться от очередного сватовства.

Однажды зайдя к нему в кабинет, я увидела его гостей: это были морской офицер и с ним две дамы – одна постарше (видимо, жена), вторая, расфранчённая и красивая, сказала: «Борис Иванович, ребёнку пора спать», на что папа ответил, обнимая меня за плечи: «Этому ребёнку можно всё, что он захочет». Больше этих людей я никогда не видела. Вообще, создаётся впечатление, что с моим рождением,

действительно, главным в его жизни стала я, всё свободное время он старался уделить мне, и, по-моему, все дневные перерывы в работах (а это были ЛГУ – напротив нашего дома на 10-й линии в здании Бестужевских курсов, Морская академия и ЛЭТИ на Петроградской) он старался проводить дома, и я каждый раз с радостью бежала в переднюю, услышав его трёхкратный звонок. А уже после того, как он прощался со мной на ночь, начиналась его научная работа, картины, книги...

Зимой 1939-1940 гг. я учусь в 4-м классе. Взрослею, няньчусь со своим крестником Толиком, мне уже 10 лет. Надвигаются в нашей жизни большие события. Ближе к весне приходит папе телеграмма: «Буду один день, Оля». Папа созывает всех домочадцев, показывает им телеграмму, предупреждает о том, чтобы не говорили ничего мне (боится, что это какая-нибудь провокация), а сам срочно едет в Москву выяснять обстановку в соответствующих органах.

Дня через два Маня приходит ко мне в школу, меня отпускают с уроков, по дороге домой она рассказывает: «Звонок в парадной, мы с Женей одни в квартире, я открываю на цепочку, вижу: стоит шпана в кепке, ватнике, ватных стёганных штанах, в валенках. Я испугалась и закрыла дверь. Опять звонок, я опять открыла дверь на цепочку, только по золотым зубам я узнала твою маму, так она изменилась за те два с половиной года, что я её не видела».

Из рассказа соседки Жени: «она хочет пройти в кабинет, а я её не пускаю, говорю, сюда нельзя, она мои руки отвела и говорит: «Я пришла к себе домой» - и прошла». Когда мы с Маней пришли домой и я, не раздеваясь, встала у порога в кабинет, то увидела такую картину: мама, сбросив валенки, во всей вышеописанной одежде, в том числе и в кепке, лежала на диване и читала английскую книжку. Она ещё не посмотрела на меня, как в этот миг ворвался папа, сбросив в передней шубу на пол (он только что вернулся из Москвы, узнав, что маму выпустили из лагеря без права жительства в Москве и Ленинграде), бросился к ней, упав на колени, целовал ей руки, ноги, а она лежала не шелохнувшись, и только две слезы покатались на диванный валик.

Мы не видели маму два с половиной года, она всегда была полной женщиной, сейчас это была девочка. Маня раздела её и на руках отнесла в ванную. За всю почти 80-летнюю мамину жизнь я

видела всего два раза слёзы у этой сверхмужественной женщины. Второй раз это было в 1942 году во время войны, когда она узнала о папином аресте.

Маму мы проводили на другой же день, она, будучи уже «свободной», поехала в Саратов и в Самару. В Самаре в это время жил брат Алёша. Папа же в это время поехал опять в Москву хлопотать в «органах» о полном освобождении, с правом жить в Москве и Ленинграде. Наверное, через месяц разрешение было получено, и мама возвратилась на постоянное жительство в Ленинград. Предстояло получение нового паспорта и регистрация брака родителей. Папа умолил маму записаться в паспорте еврейкой, считая, что все её беды произошли от того, что в прежнем паспорте было: дворянка, русская, место рождения – Лондон (другой причины ссылки и лагеря, по его мнению, не было, ведь суда и следствия в 37-м, как правило, не существовало). Кстати, это обстоятельство дало право маме писать в анкетах, что под судом и следствием никогда не была, что вызывало удивление у тех, кто знал, что 6 лет маминой жизни украдено (украдено у неё, у папы, и у меня).

Дай Бог, чтобы это проклятое сотнями тысяч людей время никогда не повторилось, чтобы ни у кого, никогда не было ярлыка «дочери врага народа», которое мне было «присвоено» в 1942 году после ареста и гибели отца.

Вернулась мама, и весь уклад нашей жизни радикально изменился. Если раньше всю мою школьную арифметику делал за меня папа, а меня в это время посылал на кухню «смотреть, как готовят суп» (я до сих пор помню белые, хорошей бумаги листы, исписанные красивым папиным подчерком, с вопросами, действиями и ответами на письменном столе у папы), так как папиным кредо для женщины было «Kinder, Küche, Kirche» (дети, кухня, церковь), то мама, наоборот, заявила, что литература не нужна, а математика необходима, и стала за меня писать заданные в школе сочинения. Получился полный «ералаш» в моей бедной голове, основ математики я уже не знала, я её упустила, зато литературу любила и даже, подражая Пушкину, пыталась сочинять стихи.

Русский музей - хорошо, но где Эрмитаж? Мама ведёт меня в Эрмитаж, мне очень нравятся белый павильон и малахитовый зал, но меня водят с познавательной целью в отделения Греции и Египта, а когда мы проходим залы с картинами и я прошу объяснить сюжет, например, картины «Сусанна и старцы», мама мне «бросает»: «Отец тебя учит Священной Истории, пусть тебе и объясняет». Теперь я читаю мифы древней Греции, а папе вменяется в обязанность читать мне на ночь историю Востока.

Я вижу, что папе иногда бывает тяжело под маминым напором, мне тоже. Я жалуюсь папе, что мне очень трудно привыкать к маме, что мама почти чужой для меня человек, он хорошо меня понимает, успокаивает, говоря «это твоя мама, она очень тебя любит, ты привыкнешь, всё будет хорошо». Разве это «любит», если никогда не обнимет, никогда не поцелует, а иногда даже обзовёт «поповной»! Но зато как здорово, что она придумала «четверги»!

Теперь по четвергам я могу привести из школы друзей, приходит Гога Кароль, Изя Рабинович, Женя-соседка, дети папиных и маминых приятелей, словом, каждый раз набирается человек десять-пятнадцать. Сначала мы сидим за большим столом в моей комнате, и мама учит нас штопать носки. У нас в руках электрические лампочки и специально вырезанные круглые дыры на носках. Мама научила нас двум способам штопанья, в своё время эти навыки пригодились.

Пока мы штопали (и мальчики, и девочки), мама нам читала «Вечера на хуторе близ Диканьки», а в следующем году повести Лермонтова. После этого был чай, очень скромный, с булочками из булочной, внутри намазанными джемом, – предполагалось, что все придут пообедавшими. А после чая наступало главное веселье – игра в шарады. Открывались все сундуки (под роялем стояло два и один в прихожей), там можно было подобрать любой костюм – от ризы священника до костюма Маргариты из «Фауста». Использовались обе наши комнаты: моя и папин кабинет (папа не любил моих шумных «четвергов» и старался в этот день уйти к своим друзьям-коллекционерам).

Но мама и его взяла в оборот. Мама решила пересмотреть почти все театральные постановки, которые она пропустила за 6 лет. Так что весной 40-го и в театральный сезон 41-го года вечером либо театр, либо у нас гости, либо родители идут в гости -

можно себе представить, какую «светскую» жизнь пришлось выдерживать моему дорогому папе. Но папа был всегда в полном и безропотном подчинении у мамы, искренне признавая её превосходство.

Мама проработала доцентом математики почти до 80 лет, не уходя на пенсию. Она гордилась тем, что никогда не получала пенсию от государства, а, следовательно, ничего ему не должна (в то время существовал закон: если зарплата превышала определённый уровень, то пенсия не выдавалась). И это был единственный год в её жизни, когда она не работала, и её кипучая энергия должна была найти себе применение.

Лето 1940 года мы проводим по приглашению соседей Семёновых в их родной деревне Ануфриево уже вместе с мамой. Это третье лето, которое я провожу там с Маней.

В середине лета приехали папа с мамой. Помню, как папа и мама купались в озере: папа в каких-то Маниных панталонах, а мама голышом. У мамы вообще отсутствовал комплекс стеснения. Помню, как какой-то мужик шёл в воду за ними и, разводя руками, восхищался маминым задом (мама снова за полгода растолстела), но ей на всё было наплевать. Когда ей говорили: «Ольга Александровна, Вы надели платье наизнанку», она, нимало не смущаясь, парировала: «Да? Значит завтра будет налицо».

Я вспоминаю обо всех, может быть, неординарных моментах маминого поведения, которые часто шокировали папу, а затем и меня, но мне хочется создать достоверный образ этой выдающейся женщины.

Ещё один штрих к портрету моей матери. Вскоре после возвращения мамы из лагеря приходил какой-то мужчина, который, кажется, работал вместе с мамой до её ссылки в Саратов. Маня доложила маме, кто её спрашивает (всё это было при мне, мы с мамой были в кабинете). Мама близко подошла к двери кабинета, ведущей в прихожую, где стоял этот человек, и сказала так, чтобы тот слышал: «Мэри, скажи этому человеку, что меня нет дома». Вероятно, этот человек был как-то причастен к маминой высылке в Саратов.

Лето заканчивалось, мы часто ходили в лес за грибами. Ещё были заплывы по озеру на лодке на острова, прогулки по окрестностям, красивые закаты.

Но всё хорошее быстро кончается, и мы возвращаемся в Ленинград. С этим счастливым летом кончалось моё детство.

Осень и зима прошли очень насыщенно. Теперь мама водит меня по театрам, но в отличие от папы она покупает билеты подешевле, и сидя в 12-м ряду партера я плохо воспринимаю «Горе от ума», хотя и заранее прочитала. Мама ведёт меня в оперу на «Евгения Онегина». Мы сидим в ложе во втором или третьем ряду (папа водил меня в этот же Мариинский театр в самую близкую к сцене ложу на первый ряд). «Мама, почему у тебя глаза закрыты?» – спрашиваю я. «Если бы ты знала, в который раз я слушаю эту оперу!» - отвечает она.

Очень интересно мама организует «ёлку», с соревнованиями и призами. В конце 5-го класса экзамены, я получаю четвёрку по географии. «Почему?» - спрашивает мама. «Я не ответила на вопрос, какая промышленность в Горьковской области» - ответила я. «И тебе не стыдно? Я там два с половиной года валила лес! Лесная промышленность, лесная!»

Мучительно вспоминаю, что было ещё интересного в моей жизни в последние месяцы перед войной. Всплывает интересное воспоминание: забегаю к папе в кабинет, у него в гостях академик Владимир Александрович Фок, они весело смеются, даже хохочут (Фок – глухой, папа ему в трубочку говорит). Не в тот ли момент они сочиняли своё знаменитое стихотворение, которое я каждый раз, начиная практические занятия по теории вероятностей, декламирую своим студентам (студенты серьёзно слушают «условие» задачи, чтобы потом её решить, затем дружный хохот):

*На дне глубокого сосуда лежат спокойно n шаров,
Поочерёдно их оттуда таскают двое дураков.
Занятие это им приятно, они таскают t минут,
И каждый взятый шар обратно они опять в сосуд кладут.
Ввиду условия такого как вероятность велика,
Что первый был глупей второго, когда шаров он вынул k ?*

Об академике Фоке всплывает ещё одно воспоминание. Это произошло в 60-х годах. Мама имела обыкновение под Новый год писать всем друзьям и знакомым поздравительные открытки. И вот, написав адреса и забыв написать содержание, попросила кого-то из своих студентов бросить пачку открыток в почтовый ящик. От Фока приходит открытка: «Дорогая Ольга Александровна, я получил Вашу открытку, кроме адреса там ничего не было, но я всё понял и поздравляю Вас тоже с Новым годом».

Мама вернулась из лагеря в конце апреля 1940-го года, война началась 22-го июня 1941-го года. Это был последний год моего детства. Мне исполнилось 12 лет. Да и вообще, если разобраться, то этот последний год перед войной был единственным сознательным годом моей жизни, который я провела вместе с обоими моими родителями. Как же было весело и счастливо!

И как это всё в одно мгновение оборвалось...

Мама вернулась из лагеря перед войной...

Началась война. Моя жизнь раскололась на две части: «до войны» и «после войны».

Я должна признаться, что не поняла всей трагедии начавшейся войны. Вероятно, в силу инфантильности я не восприняла её должным образом. Помню, было досадно, что вовремя не уехали в Ануфриево, ведь там лодка ждёт. Куда-то нас с Маней отправили, как будто в Пеллу, там у хозяйки была корова. Смутно помню, что потом мама с большим трудом отправляла нас с Маней в

Череповец. Народ осаждал поезд, билетов уже не было, мама подняла вверх руку с красненькой тридцатирублёвкой, и проводник «загрёб» нас с Маней в вагон. В конце концов, мы добрались до Ануфриева. Поздней осенью в Ануфриево приехала мама с Гогой Каролем и зимними вещами.

Летом 1941-го года и я, и Игорь работали в колхозе. Маме в ту пору было 52 года, она была очень ослаблена после лагеря и физически работать не могла. Она захватила в деревню нитки для вышивания и за молоко вышивала деревенским девушкам кофточки.

Осенью мы с Игорем пошли в школу в Фетинино (это в полукилометре от нашей деревни), я в 6-й, он в 7-й класс. Это была семилетка. Мама – учительница в этой школе. Игорь вспоминал, что ему очень повезло, что математику в деревне преподавала Ольга Александровна Извекова.

Папа остался в блокадном Ленинграде. От него регулярно приходили денежные переводы маме и открытки мне. 14 адресованных мне открыток я храню до сих пор и до сих пор мне трудно их перечитывать. Папа писал, что он страдает от голода и от холода, ест клей... Очень трудно об этом писать, хотя прошло с той поры 72 года. Отца своего я больше не видела. Самые светлые воспоминания о человеке, с которым я провела всего 9 лет сознательной жизни, будут со мной до конца моей жизни.

Наступила зима рокового 1942-го года. Надвигалась самая ужасная катастрофа моей жизни: арест и смерть моего дорогого отца. Мне удалось в 1955 году после полной папиной реабилитации взять в КГБ копию сфальсифицированного дела 13 ленинградских профессоров, якобы составляющих «антисоветски настроенную группу лиц, которая организовано ведёт работу против Советской власти и проводимых ею мероприятий, связанных с военной обстановкой в Ленинграде». За этим процессом шли следующие сфабрикованные процессы, и всё это вылилось в дело №555. А. Солженицын в последних изданиях «Архипелага ГУЛАГ» в главе 11-ой «К расстрелу!» пишет о возникновении этого сфальсифицированного дела, и ещё подробнее пишет журналист Ярослав Голованов в статье «Палачи и жертвы «дела № 555» (журнал «Огонёк» за 1992 год).

Суд по этому делу состоялся 23-25 апреля 1942-го года. Приговор был вынесен судом в следующем составе: председательствующий — военюрист 2 ранга Лапшов, военюрист 3 ранга Мальчиков и батальонный комиссар Коршунов. По тогдашним канонам он был краток, прост и безыскусен: «подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять, а лично принадлежащее имущество конфисковать». Скончался папа, не дождавшись расстрела, 22-го июня 1942 года в тюрьме НКВД на улице Каляева.

Зима 1942 года была очень тяжелой - голодной и холодной. О некоторых вещах писать крайне неприятно, но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Приходилось есть дохлую конину, хотя мама уверяла, что лошадь в последнюю минуту закололи.

Вспоминается один эпизод, связанный с лошадью. Маме не удавалось научиться запрягать лошадь, и однажды страшный рыжий мужик выматюгал маму за то, что она неправильно запрягла. Мы с мамой стояли на крыльце и смотрели на него. Когда он закончил, наступила мамина очередь, и её тирада была раза в три длиннее и разнообразнее. Мужик раскрыл от удивления рот, он боялся что-то упустить из услышанного, ведь это были новые словообразования, которых он никогда не слышал. Ну что там в деревне? Несколько примитивных матерных словосочетаний — и всё. Он же не получил «высшего лагерного образования», как мама. После этого мама стала для него большим авторитетом, и он всегда запрягал ей лошадь, когда было нужно.

Несколько лет назад американскому коллеге моей дочери Кати понадобились русские матерные слова (он их собирает — такое хобби). Катенька обратилась ко мне, не знаю ли я более редких слов такого типа. Я сказала, что знаю, что помню мамину тираду, но пересказать её своей дочери не могу. Кажется, она отослала в Америку сборничек Ерофеева «Москва — Петушки».

Весной 1942 года Игорь уехал (уплыл) к своей матери, которая эвакуировалась с Ленинградским университетом в Саратов. Мы остаёмся с мамой одни. Маме 53 года. Она слабая, работать в колхозе не может. Ещё бы! Три года ссылки и два с половиной года тяжелого режима в лагере! Жить надо. Мама ходит по окрестным

деревням якобы провести своих учеников, а на самом деле за подаянием. Меня взяли на работу подпаском.

Вспоминается, как поздней осенью мама заболела. У неё на ноге у щиколотки открылась незаживающая язва размером в пятак. Ничего не помогало. Я услышала, что в селе Воздвиженье живёт эвакуированная из Ленинграда врач. До «Здвиженья» - так в деревне называли это село для краткости – было по берегу километров пять, а по озеру километра три. Понимая, что пешком врач к нам не придёт, я поплыла на лодке. Погода плохая, на озере волны – «беляки». Было что-то вроде бури, ветер и дождь. Я одна посреди большого озера (Варбазомское озеро, оно есть на карте), мне 13 лет, мне страшно, но я должна привезти маме врача, у мамы высокая температура, мама может погибнуть от заражения крови. У меня кроме мамы никого нет. Я догребла до Воздвиженья, нашла врача, погода успокоилась, и я привезла врача к маме. Уже не помню, как врач добиралась обратно, кажется, с почтой на почтовой лошади.

Беда была в том, что и советы ленинградского врача не помогли. Бабы мне посоветовали обратиться к бабке-заговорщице, такая жила в пяти километрах от нашей деревни в деревне Рогачёво. Я сходила за ней и сама лично видела, что эта бабка делала с мамой. В деревне эта операция называется «с пупа сдёргивать». При этом бабка творила какие-то заклинания над мамой. Так или иначе, через некоторое время гнойная язва на маминой ноге зажила. Хотите верьте, хотите нет!

Осенью 1942 г. из Ленинграда к нам привезли маминого внука от старшей дочери Сони, то есть моего племянника Вовку-Рыжика, который жил у своего деда Николая Николаевича. Сама Соня была арестована и выслана на 10 лет после маминой ссылки в 1934-м году за то, что где-то в общественном месте высказала, что её мать выслали из Ленинграда ни за что, а затем ещё и в лагерь посадили... Вероятно, именно с Рыжиком маме переслали письмо о папиной трагедии. Я только помню мамину истерику со злыми слезами, она бешено закричала на меня, что я такая-сякая, бездельница и т.д., конечно, причину истерики я узнала значительно позже. Мне она, конечно, ничего не сказала и очень правильно сделала. Это меня сломало бы в том возрасте, в котором я была, на всю оставшуюся жизнь. Мама никогда на эти темы со мной не

разговаривала до моих 15-16 лет, когда я обо всём этом узнала, и не от мамы. Слухами земля полнится. И всё-таки мне повезло: я не осталась без обоих родителей одновременно, а, следовательно, не попала в детский дом. «Спасибо» советской власти за то, что она «последовательно» отбирала у меня родителей, а не обоих сразу.

Летом 1943-го года, когда я закончила 7-й класс, мы продали лодку, и отправились пароходом (конечно, в четвёртом классе, самом дешёвом) в Саратов сначала по Шексне, затем по Волге со всеми возможными пересадками.

О.А. с двумя дочерьми и внуком Рыжиком

Почему мы двинулись в Саратов? Ленинградскую квартиру после гибели отца у нас отняли, имущество конфисковали. В деревне я закончила семилетку, а ближайшая десятилетка была в 20 км от нас в Белозерске. Куда-то ехать надо было.

Так как мама в 1934-1937 гг. находилась в ссылке в Саратове, у неё остались там друзья и знакомые. По её просьбе в это тяжёлое военное время её друзья Астрахановы выслали нам вызов. В Саратове мы оказались в крайне бедственном положении, не было денег даже на то, чтобы выкупить вещи из камеры хранения. Хорошо, что Рыжика забрали к себе Астрахановы, ну а мы с мамой хорошо помыкались!

Крова над головой нет, никакого официального статуса у мамы нет, Саратов - не Ануфриево, без соответствующих документов и в начальную школу не устроишься. У мамы же два документа, один другого лучше: паспорт с еврейской национальностью и лагерная справка, дескать, выпущена «из мест не столь отдалённых», как тогда говорили. На руках двое детей - 13-летняя дочка и 12-летний внук. Спасибо, что пока внук пристроен.

Маме 53 года. Теперь, ставя себя в её обстоятельства, диву даюсь, какой же невероятной жизнеспособностью и энергией надо было обладать, чтобы выжить, не потерять себя, не отчаяться. Ведь нет не только крыши над головой, документов, денег, нет самого главного - доброго имени, мы семья «врага народа», мы изгои.

Сначала мама устраивается работать в прачечную при больнице при помощи знакомой – главного бухгалтера, так что документов у неё не требуют. Но жить нам негде, а снимать угол не на что. Я мыкаюсь по маминым знакомым. Вдвоём неудобно, поэтому мама устраивается на работу в «Сортсемовощ», чтобы быть всё время в разъездах, развозя различные семена по Саратовской области. Она снимает мне угол неподалёку от школы, я учусь в 8-м классе. Мама привозила мне крупу из своих поездок, но половина моих запасов куда-то улетучивалась. Хозяйка меня нещадно обворовывала.

Всё продолжалось до тех пор, пока, перепрыгивая через канаву, я не повредила себе колено. Что-то случилось с коленной чашечкой, из неё вытекла положенная ей жидкость, и меня положили в больницу. В больнице я пробыла месяц, меня навещала Валечка Долникова, бывшая мамина студентка ещё времён ссылки. Я поправилась, пора было выписываться, приехала мама из командировки и пошла к профессору Рабиновичу, который курировал хирургическое отделение. Далее, со слов мамы, приблизительный её разговор с Исааком Моисеевичем Рабиновичем: «Ты еврей и я еврейка, ты наверху, я на дне, ты выписываешь мою дочь из больницы, а мне её взять некуда. Подержи её ещё месяц в больнице, я раскручусь. Я тебе буду потом переводить медицинские статьи с английского, французского, немецкого языков». Исаак Моисеевич продержал меня ещё месяц в больнице и стал большим другом моей матери в дальнейшем.

Весной 1944-года мама увольняется со своей разъездной работы и устраивается сторожем на бахче в подсобном хозяйстве больницы, конечно, не без помощи главного бухгалтера этой больницы. Теперь, во-первых, мы были вместе, и была крыша над головой - брезентовая палатка, во-вторых, мы не отягощали никого своим присутствием, в-третьих, у мамы появилось свободное время, чтобы налаживать связи, давать уроки английского языка, так как сторожихой на самом деле была я.

В основном мама была в Саратове и ночевала у Долниковой. Зря время она не теряла, старалась налаживать связи с людьми, с которыми работала и общалась до своей ссылки в Саратов. А это были академики Николай Евграфович Кочин, Владимир Александрович Фок и Владимир Иванович Смирнов. Она попросила их помочь в восстановлении своих документов. В ходатайстве в министерство высшего образования они написали, что в разное время работали с Ольгой Александровной Извековой и просят восстановить её в должности доцента по специальности «физика и математика».

В архивах моего брата сохранилась копия важного документа, подписанного академиком Кочиним 1 февраля 1944 г.:

«Характеристика научно-педагогической деятельности О.А. Извековой:

Ольга Александровна Костарёва-Извекова работала совместно со мной в 1924-1925 гг. в Главной геофизической обсерватории в Отделе теоретической метеорологии, которым до 1925 года заведовал профессор А.А. Фридман, потом профессор Л.В. Келлер, а с 1933 по 1935 г. – я.

В отделе Теоретической метеорологии О.А. Извекова вела научную работу, причём во время моего заведования Отделом она занимала должность старшего специалиста, что соответствует теперь званию старшего научного сотрудника Академии наук или действительного члена научно-исследовательского института.

Научные исследования О.А. Извековой относились к области динамической метеорологии. В начале своей деятельности О.А. Извекова опубликовала (в 1925 г.) работу по гидродинамике, в которой применила метод, данный проф. Фридманом, к исследованию одного из случаев атмосферных движений.

В тот же период она хорошо ознакомилась с графическими методами исследования атмосферы, разрабатывавшимися в Норвегии В. Бьеркнесом. Точно так же О.А. Извекова детально познакомилась с норвежской теорией происхождения циклонов и популяризировала её, напр., в статье «Новая теория происхождения и развития циклонов» /Журнал геофизики, 1925г./.

В ряде работ О.А. Извековой производится исследование атмосферных процессов современными методами. Сюда относится, например, её работа «Опыт анализа циклона» /Журнал геофизики, 1926 г./, где изучается один из современных циклонов при помощи методов В. Бьеркнеса. В совместной работе О.А. Извековой и В.А. Давтян «К вопросу о числовых характеристиках циклонов» /Известия Главной геофизической обсерватории, 1932 г./ даётся исследование другого циклона с целью изучения его кинематической структуры. Ещё одна её работа посвящена исследованию волновых процессов в атмосфере синоптическими методами /Журнал геофизики, 1933 г./. Этими работами не исчерпывается стаж исследований О.А. Извековой. Они показывают, что О.А. Извекова была в курсе современных исследований по геофизике атмосферы и умела самостоятельно работать в этой области.

Наряду с научной деятельностью О.А. Извекова вела большую популяризаторскую работу своим участием в деятельности музея Главной геофизической обсерватории и различных кружков.

Кроме того, О.А. Извекова вела педагогическую деятельность, преподавая физику в Ленинградском политехническом институте и геофизику в Ленинградском университете. Таким образом, О.А. Извекова является квалифицированным работником в области метеорологии, могущим вести научную и педагогическую работу».

Из воспоминаний брата:

«Это письмо и присланная Борисом Павловичем Беликовым из Москвы копия аттестата доцента (решение об утверждении ВАКом в звании от 13 декабря 1934 года) сделали своё дело. Мама стала работать доцентом в Саратовском университете».

Да и с нашим общим жильём в это лето стало налаживаться. То ли мама сумела прописаться, то ли снять угол в «доме коммуны». А до этого мы были, выражаясь

по-современному, бомжами, то есть не были прописаны нигде, потому что ленинградской прописки лишились сразу после папиного ареста.

А пока на бахче мы спим на полу в палатке, едим на ящиках, но в основном я одна, без мамы. Метрах в двухстах от нашей палатки стоит другая палатка, там обитает Алим – сторож бахчи, принадлежащей госпиталю. Алим – пожилой солдат, то ли казах, то ли чеченец. Он очень хороший человек, у него на родине есть дети, и мама в своё отсутствие поручает меня ему. Он мне помогает готовить пищу на костре, выбирать спелую тыкву на бахче, запастись хворостом и т.п.

Неподалёку течёт речка с крутыми, заросшими растительностью берегами, мы там берём воду, но саму речку не видно, она в овраге. Кругом необозримая степь, где-то в километре, наверное, есть деревня, в которую ходит автобус, ведь мама как-то добиралась сюда, но я там не была, не знаю. Однажды мимо прошли трое молодых солдат, они у меня задержались, перекусили своими продуктами и меня накормили. Один из них, совсем молодой парнишка, доверительно разговорился со мной. Помню, он сказал такую фразу: «В армии белое называют чёрным, а чёрное называют белым». Кто они такие были, куда шли? Может быть, были беглыми, только вряд ли, время было военное. Так или иначе, они оставили у меня хорошее впечатление. Я была одна среди бескрайней степи, 14-летняя девчонка, солдаты не надругались надо мной, не обидели, а накормили.

Зато когда в конце нашего пребывания на бахче приехали сотрудники больницы за урожаем, а с ними и главный врач больницы, маленький толстый человек, произошёл следующий эпизод. Пока все занимались сбором урожая, он попросил меня провести его к речке. Мы пошли по степи и спустились в овраг к речке, здесь он пытался меня изнасиловать. Я столкнула его в воду. Когда мы вернулись, на вопросы своих сотрудников он отвечал, что оступился, поэтому мокрый. Об этом инциденте я никому не рассказала, даже маме, мне было стыдно. Теперь, с высоты своего возраста, анализируя эти два случая, думаю, кем же я была для этого главврача. Всего лишь дочкой сторожихи? Не он, так кто-нибудь другой! А он – «власть имущий», и работу-то мама

получила благодаря ему, так почему же не воспользоваться случаем. Вот она, власть, в миниатюре! И те, трое честных ребят!

Теперь, когда жизнь моя подходит к концу, я с большой убеждённостью констатирую: хороших людей, встречающихся в жизни, неизмеримо больше, чем плохих, как поёт об этом Людмила Гурченко в «Карнавальной ночи».

Приближалась весна 1945-го года, а вместе с нею и окончание войны, которая принесла столько горя в наши семьи. И вот наступило 9-е мая, день великой победы. Какой это был праздник! Конечно, занятия в школе отменили, саратовский цирк давал представления прямо на улицах, на грузовых машинах. Незнакомые между собой люди обнимались на улице, поздравляя друг друга. Царило ликование на улице и в душе. И хотя этот праздник был «со слезами на глазах», всё-таки радость самой победы захлестнула горе военных утрат.

Я со всеми вместе веселилась от души. Уже всё потихоньку возвращалось на круги своя, но мы с мамой, как, впрочем, и многие-многие другие, хотя и по разным причинам, оставались без крова над головой и без средств к существованию. По-видимому, эта весна и лето оказались для нас крайне тяжёлыми, если уж моя гордая мама решилась попросить помощи у сыновей. Вавака в это время работал в Сибири на оборонном заводе, он что-то прислал, а Алёша, как оказалось позднее, был в это время на фронте.

Весной маме от «Сортсемовощ» дали два земельных участка по 2 сотки в разных местах. Мама на этих участках ни разу не была, я одна их вскопала, сама засадила, прополола и к осени сняла незатейливый урожай в виде мелкой картошки и гороха. Однажды, уже поздно возвращаясь из огорода, придя домой и открыв дверь, увидела сверху, как крысы бегают по столу и нашим кроватям. Так я и просидела на верхней ступеньке квартиры до маминого позднего прихода. Крысы всегда вызывали у меня панический ужас.

Мама работает в Саратовском университете на механико-математическом факультете, получает зарплату и, главное, паёк в соответствующем распределителе. И ещё... Мама выписала к нам оставшуюся одинокой свою подругу детства Евгению Степановну

Великомскую из Кирова (Вятки), куда та эвакуировалась из Ленинграда, потеряв в блокаду сына и мужа. Она прожила всю оставшуюся жизнь возле нашей семьи, сняв с меня заботы по хозяйству во время моей юности, помогая мне растить детей в моём зрелом возрасте и умерла, любимая моими взрослыми детьми, ставшими и её внуками, в возрасте 91 года, пережив мою маму на 13 лет.

Время шло, на зимних каникулах в 10-м классе я побывала в Ленинграде. К тому времени Вавака с семьёй вернулся из эвакуации в свою квартиру на Таврической улице. В Сибири у них с Зиной родился второй сын Витя. Первый сын Алёша родился ещё до войны. Я остановилась у них. Запомнился такой эпизод. Николай Николаевич праздновал день рождения. Конечно, были приглашены Вавака и Зина, но им было неудобно оставить меня, гостью, и они попросили у хозяев разрешения взять меня с собой.

Разрешение было получено, и я, надев своё выходное лиловое бархатное платье, перешитое из мамино, с золотым маминым медальоном на шее, отправилась в гости. Потом, перед чаем, все перешли в другую комнату и на какой-то момент мы с Николаем Николаевичем остались одни. Он узнал мамин медальон, возможно, и мамино платье, и попросил меня открыть медальон. Он знал, какие фотографии в этом медальоне: там действительно были фото Николая Николаевича - гимназиста и маленькой Сони - моей сводной сестры. Я отказалась раскрыть медальон, сказав, что там другие люди, хотя это было не так. Мне было обидно за маму. У него богатый дом, нарядная жена, изысканная еда на столе, много гостей. А мы с мамой в чужих проходных комнатах стараемся избавиться от крыс. Он, конечно, не виноват в нашей доле, я даже в какой-то степени к нему была привязана с детства, и всё-таки обидно за маму. Какая же тяжёлая жизнь ей выпала на долю. Рожала меня, чтобы мужа удержать, мужа не удержала, а меня теперь надо поднимать на старости лет.

Наступило великое событие моей жизни. Моя первая любовь...

Видов любви много: и материнская, и родительская, и дружеская, и всякие виды влюблённости. Есть настоящая любовь, когда ты уверена: он и никто другой. Счастлив тот, кто её обрёл, а если она ещё и взаимна, то это и есть настоящее счастье.

К сожалению, такие совпадения случаются редко, но случаются. Первая любовь, как правило, несчастна. Она наступает приблизительно в 16 лет, человек ещё не окреп физически и духовно, не говоря уж о материальной стороне дела. По тем или другим причинам она, как правило, распадается... Вряд ли кто-либо женился или выходил замуж по первой любви, а если это и случалось, то, в конце концов, брак оказывался непрочным. Возможно, я ошибаюсь. И, всё-таки, какое это великое счастье - пережить чувство первой любви! Я его испытала.

Моим «предметом первой любви» был вернувшийся с фронта, бежавший из плена, словом, герой. Мне 16, ему 25 лет. Много ли надо девчонке в 16 лет?! Я была влюблена по уши. Моя ревность взорвалась тогда, когда я из окна увидела его идущим под руку со знакомой девочкой из соседнего дома. Разрыв! Почему? Без всяких объяснений! После всего того, что он говорил мне!

Только через лет сорок я узнала правду от своей школьной подруги. Оказывается, моя мама ходила к нему и просила его оставить меня, так что его «измена» была просто инсценировкой по маминому заказу. По-видимому, мама убедила его, что будущего у нас нет, и не будет.

Наверное, она правильно сделала, но как жестоко...

Это ещё один штрих к портрету моей матери.

Время шло, прошли выпускные экзамены, пора было подумать, на какой факультет поступать учиться. Мне хотелось идти на филологический, но мама была решительно против. Она считала, что мне как «дочери врага народа» по окончании гуманитарного факультета дороги не будет: «Надо идти на математику, там легче спрятаться от политики. «Если $a = b$ и $b = c$, то всегда и для всех будет $a = c$ ». Пришлось покориться. Таким образом, судьба моя была решена, я подала документы на механико-математический факультет.

Здесь я и познакомилась со своим будущим мужем Борисом Булахом.

Вскоре свершилось, наконец, великое чудо: благодаря маминой неуёмной энергии мы официально получили отдельную двухкомнатную квартиру. Так как денег на взятки у нас не было, а манна с неба, как известно, не сыплется, то, я думаю, немало мама дала бесплатных уроков по математике и английскому языку. На самом деле, это была однокомнатная трёхэтажная квартира.

Но это было *своё*!

Я к этому времени перевелась на 3-й курс физического факультета, а в конце 4-го курса мы с Борисом решаем пожениться.

Моя замечательная мама к нашему решению пожениться отнеслась крайне прохладно, сказав: «Если я скажу тебе «нет», ты всё равно сделаешь по-своему, выходи, разведешься, в крайнем случае». Соответственно, и на свадьбе был провозглашён тост следующего содержания: «Тут много поздравлений и подарков было, а я дарю 2000 рублей... на развод (у всех «отвисла челюсть»); не удивляйтесь, пожалуйста, сейчас надо за развод платить – и немалые деньги, допустим, молодые люди захотели разойтись, а денег нет. Так пусть у них всегда будут деньги на развод».

Моя мама всегда отличалась большой оригинальностью. Кроме денег «на развод» она подарила нам курсовки в Сочи на вторую половину августа, и мы спланировали наше свадебное путешествие: лететь из Саратова в Минеральные Воды, побывать в Пятигорске, Кисловодске, Ессентуках, Железноводске, оттуда переехать в Орджоникидзе (Джау-Джикау), оттуда по военно-грузинской дороге через перевал в Тбилиси, оттуда поездом в

Батуми, потом морским путём в Сочи, прожить там две недели по курсовкам и поездом домой в Саратов. Кое-что мы прикопили из стипендий, что-то я заработала на практике и, конечно же, нам подкинули денег родители.

Начался 5-й курс университета. Пока мы путешествовали, маме удалось обменять нашу двухкомнатную квартиру на трёхкомнатную на этом же этаже. Сама же она решила уехать из Саратова, считая, что вместе двум поколениям жить нельзя (так она нам сказала). На самом деле причина была другая: начало 50-х годов ознаменовалось известным «делом врачей», гонением на «космополитов», под которыми подразумевались евреи. Помню, была песенка: «Почему трамвайчик встал? Да под него еврей попал!» Словом, мама была уволена из Саратовского университета «по сокращению штатов». Написав и отослав в несколько городов заявления о приёме на работу, она, в конце концов, уехала работать в Гурьев на Каспийском море, оставив тётю Женю с нами.

Как русская дворянка она побывала в ссылке и в лагере, а записавшись по возвращении оттуда в новом паспорте еврейкой, тоже получила сполна уже как еврейка! Ничего не упустила в жизни моя дорогая матушка....

После смерти Сталина в 1955-56 годах начинается реабилитация невинно осуждённых людей. Мы получили документы о папиной реабилитации в 1955 году. К этому времени мама перебирается в Минск и работает доцентом на кафедре высшей математики в Минском политехническом институте.

Таня, Борис, мама и её близкая подруга Е.С. Великомская

В конце 50-х годов мама и тётя Женя как реабилитированные получают жилплощадь в Ленинграде: мама 14-метровую комнату в двухкомнатной квартире на Московском проспекте, тётя Женя - 8-метровую комнатушку в коммуналке на улице Жуковского. Я же никакого права не имею на получение жилплощади, поскольку я обзавелась семьёй в Саратове. Позже мама обменяла свою комнату на бóльшую в Вавакиной квартире на Таврической улице.

К этому времени у нас с Борисом было уже двое детей. Старшая – Катя, и Андрей, на три года младше. Мама по-своему любила моих детей. Она баловала Катю и строже относилась к Андрею. Когда тетя Женя, прожив зиму в Ленинграде, отправлялась к нам в Саратов, мама передавала подарки таким

образом: Кате 30 руб. на спальник для походов, а Андрею 30 копеек на солдатиков. У неё было кредо: девочек баловать надо, мальчиков нет!

Андрея она называла не иначе, как мерзавец. «Где этот мерзавец? - спрашивала она, входя в комнату. «Да, бабушка, что бабушка?» - отвечал внук. «Я в нём искорку вижу», - нередко говаривала она. «Хотела бы я знать, когда эта искорка возгорится в пламя» - так думала я, когда Андрею было 10 лет.

Мои дети не были похожими друг на друга. Катя была вылитый отец, в то время как Андрей был похож на меня. Мой муж говорил: «Катя так похожа на меня, что это меня иногда даже раздражает: все свои недостатки я вижу в ней». Ещё он говорил мне: «Если бы ты была еврейкой не на четвертинку, а чистокровной, то мои дети были бы ещё способнее». Теперь, когда обоим моим детям в районе шестидесяти, можно сказать, что по характеру моя Катя - вылитая моя мать, Ольга Александровна. Вот как играют гены!

А насчёт способностей, куда уж больше? Она учёный, давно уже доктор наук, физик-теоретик. Жаль только, её отец всего этого не застал, умер слишком рано, в 57 лет.

А насчёт «искорки», предсказанной Андрею бабушкой, так она всё-таки «сверкнула». Наряду с тем, что он преподаватель в Политехническом институте, он рисует...

1964 год — год «великого перелома»: мы переезжаем из Саратова в Ленинград!

После блестяще защищённой в МГУ докторской диссертации мой 33-летний муж, профессор Борис Михайлович Булах, пройдя по конкурсу, был приглашен на работу в Ленинградский электротехнический институт связи им. Бонч-Бруевича с предоставлением двухкомнатной квартиры на проспекте Космонавтов.

Свершилось великое чудо!

Моему счастью не было конца и края!

Наш переезд в Ленинград был результатом огромной работы моего талантливого мужа, моей двадцатитрёхлетней мечты о

возвращении на мою малую родину и цепью счастливых случайностей, которые возникли вроде бы сами собой. Но эту цепь сотворил Господь Бог в возмещение всех горестей и бед, которые выпали на мою долю.

Спасибо Ему...

В те годы вопрос прописки в Москве и Ленинграде стоял очень серьёзно. Не имея жилплощади, прописаться было нельзя. Нужно было быть «очень нужным» специалистом, чтобы город выделил площадь «чужаку», иногороднему. Борис успел вовремя защититься и стать профессором - тогда профессоров в вузах не хватало, и ректор ЛЭИС в них очень нуждался. Поэтому нам и повезло.

У мамы на Таврической были заведены «четверги», и мы с Борисом были там постоянными посетителями. Народу набиралось до 15-20 человек, комната была большая, 19 метров. Угощение, как правило, состояло из ветчины с зелёным горошком, очень вкусных пирожков, которые приносила мамина приятельница, пирожных из «Норда», мороженого в большом термосе. Мама могла себе позволить еженедельный приём гостей, она работала доцентом математики в институте.

Мне надо было подыскивать себе работу. И хотя ректор ЛЭИС предлагал мне её, но я предпочла работать с мужем в разных местах. Я так соскучилась по Ленинграду и по Невскому проспекту, что мне хотелось найти работу где-нибудь в центре города. Мне повезло с работой, я устроилась на кафедру математики в Текстильный институт, в двух шагах от Невского проспекта, и проработала там 33 года.

Мы обустроились в новой квартире: мама подарила нам мебель – «жилую комнату» немецкого производства и для Кати купила пианино (в Саратове Катя закончила музыкальную школу - студию при Доме учителя).

Через три года, в 1967-м году, мы съехались с мамой в трёхкомнатную квартиру на Московском шоссе. У мамы 11-метровая комната, у детей 16-метровая, у нас с Борисом 18-

метровая проходная комната, она же и гостиная, и кабинет. Жизнь идёт в устойчивом русле: я работаю ассистентом на кафедре, Борис заведует кафедрой теоретической механики в Электротехническом институте, дети учатся в школах: Катя в физико-математической, Андрей в английской.

Весной по окончании Катей 9-го класса мама дарит мне и Кате две путёвки по Прибалтике. Это было увлекательное путешествие по Эстонии, Латвии, Литве в течение 21 дня.

Мама с сыновьями у Л.В. Грибоедовой

1968 год оказался очень тяжёлым: мама серьёзно заболела. Ей 79 лет, она ещё работает в институте. У неё была мечта – доработать до 80 лет и умереть на институтской лестнице, но судьба распорядилась иначе. Ещё в конце пятидесятых известный ленинградский хирург Жукова ставила ей диагноз: рак нижней части пищевода и верхней части желудка. По-видимому, в преклонном возрасте раковые болезни замедляются в своём развитии, и мама довольно спокойно прожила эти годы, но сейчас положение стало ухудшаться.

Кроме своей основной работы мама по-прежнему занималась переводами медицинских статей с иностранных языков. Один из её клиентов, профессор Ключарёв, посмотрев её анализы, поставил диагноз: рак. Несмотря на страшный диагноз, образ жизни она не изменила, продолжала работать в институте и давала массу частных уроков.

Время шло, но однажды утром выйдя на кухню к завтраку, она мне сказала: «Знаешь, ты не смотри на то, что я не плачу, но мне так плохо, как никогда». Оказывается, произошло следующее: её любимый внук Коля, будучи студентом её института, сам ставил себе отметки в зачётку (не хотел учиться, но и бабушку огорчать не хотел). Всё это открылось в деканате, и маму поставили в известность. На другой день мама проснулась с «желтухой». Склеры глаз были жёлтыми, тело при прикосновении кровоточило. Большой друг нашей семьи Ариадна Николаевна Ардамацкая, хирург Мечниковской больницы, прооперировала маму. После операции она вышла ко мне и сказала: «Рак поджелудочной железы, опухоль, бугристую, типичную раковую, я держала в руках. Её оперировать нельзя, кроме того, метастазы в печени. Ольги Александровны через полгода не будет».

Я очень тяжело переживала это известие, конечно, втайне от мамы. Муж уговаривал меня принять это как должное, нельзя так убиваться, у меня семья, дети...

Я говорила: «Дай мне выплакаться, на похоронах у меня слезинки не будет».

Маме становилось всё хуже и хуже. Она говорила: «Наверное, это всё-таки рачок». «Ну что ты мама, если бы это было так, Ариадна Николаевна мне обязательно сказала бы об этом!» И она верила, что это не рак (больные всегда надеются на лучшее). Два раза мы её клали в больницу на переливание крови. Когда начались сильные боли, я колола промедол каждые три часа. Когда я была на работе, приходила медсестра. Отпуск за свой счёт мне зав. кафедры не дал (якобы жалея меня). Помню, за два дня до её смерти поздно вечером я готовилась к занятиям по теме «двойной интеграл» и не смогла взять какой-то интеграл. Я поднесла листок к маме. Мама: «Это так просто, смотри...» А держать карандаш в руках у неё сил не было, и я подумала: «Как это ужасно, когда вместе с немощным телом умирает

хороший мозг. Человек умирает, и с ним умирает целый мир, и ничего нельзя поделаться!»

Маме не спится.

Я: «Мамочка, хочешь я прочту тебе последнее папино письмо?» (то самое, в котором он писал: «Олечка, прости мне мои вспышки ревности, я всегда признавал твоё превосходство и т.д.»). Мама отвечает: «Нет, не надо. Твой отец составлял малую часть моей жизни, лучше достань с верхней полки «Фауста» Гёте и прочти мне монолог Фауста». Я достала маленький трёхтомник Гёте с готическим шрифтом и, открыв на монологе Фауста, начала читать. Потом, уже после маминой смерти, я специально перечитывала переводы Лозинского и Пастернака, чтобы узнать, что именно маме хотелось услышать в монологе Фауста. По-видимому, слова, в которых он говорит, как он стар и его друзья и современники давно ушли из жизни...

Может быть, я ошибаюсь.

Мама умерла через два дня в больнице. Я была на работе, когда Ариадна Николаевна, которая была около мамы, вызвала «скорую», чтобы в больнице в очередной раз сделать переливание крови, чтобы облегчить её страдания. На гражданской панихиде и на поминках было очень много народа. Мама пережила моего отца на 26 лет, не дожив до 80 лет семи месяцев, так что мечта её - в 80 лет умереть на рабочем месте - не осуществилась...

Из воспоминаний брата:

«У мамы обнаружили рак поджелудочной железы. Оперировать железу тогда было нельзя. Сделали проход для желчи из желчного пузыря в кишечник и зашили. Желтуха прошла, и мама больная, физически слабая, но духом, как всегда, сильная, ещё почти год работала в своём институте. Она говорила, что когда входит в аудиторию, ей становится опять 35 лет. И в этот период, как и прежде, мама собирала у себя гостей. В последние дни работы в институт её возил на автомобиле брат Алёша. Мама умерла 28-го октября 1968 года, после двухдневного пребывания в больнице. Она похоронена на Александровском кладбище».

О.А. со студентами

На лекции

Безусловно, мама - сильная личность.

Мой покойный друг, профессор Олег Мишарёв, проникновенно о ней написал. Именно такой она была, какой она ему запомнилась. Замечательная характеристика, она очень тонко отражает мамину суть:

«Некоторые люди, даже отдельные встречи, глубоко врезаются не только в память, но сами того не ведая, влияют на миропонимание, оценку происходящего, служат примером личности, обладающей ярким «я».

Такой была Ольга Александровна.

Я всё помню: и её появление в нашей семье, и её работу в прачечной саратовской больницы, и многочисленных её знакомых, и её уроки по самым различным предметам. У меня в памяти и её клеёнчатая тетрадь в мелкую клетку, где в каждой клеточке разноцветными карандашами было обозначено, чем в этот час она должна заниматься. Перед глазами её минский портрет - в мужской шляпе, полузастёгнутом пальто, с незастёгнутым, перетянутым портфелем, из которого торчит конец вышиваемой скатерти. Хорошо знаю её судьбу, непреодолимое желание склеить вашу большую семью. Окружающих тянуло к ней, она была магнитом, хотя трудно конкретно объяснить, что же нас всех тянуло к этой старой, неряшливо одетой женщине, которую не тревожили заботы и трудности жизни. Она жила в других сферах и прикоснуться к ним было большим подарком судьбы».

Всё-таки я не до конца понимала её.

Кое-что меня в ней раздражало, кое-что шокировало, она была не такая как все, не мещанка, а я была самым обыкновенным человеком со всеми своими недостатками.

Одно бесспорно: она очень любила своих детей и до конца своей жизни их опекала.

Ольга Александровна Извекова

Дорогая мама, спасибо тебе за всё: за жизнь, которую ты мне подарила в очень нелёгких обстоятельствах своей жизни, за твою самоотверженную всепрощающую любовь ко мне, за твою заботу и любовь к моим детям и к моему мужу.

Я благодарна тебе за унаследованные мной некоторые черты твоего характера. От тебя мне достались неиссякающий интерес к людям, коммуникабельность, общительность. Твоя жизнь была на редкость тяжёлой, но ты взяла в ней такую высокую планку, до которой мне никогда не дотянуться.

Пусть земля тебе будет пухом!

АНУФРИЕВО

Деревня Ануфриево плотно вошла в мою биографию после того, как в нашей квартире на Васильевском острове в 1934 году поселились Семёновы - вдовец с матерью и двумя девочками, родом из этой деревни. Мы подружились с ними, и они пригласили нас в свою родную деревню.

Эта деревня находилась в Белозерском районе Вологодской области. Мне было тогда 8 лет. Помню, как в 1938 году мы первый раз добирались туда. Сначала поездом из Ленинграда до Череповца, затем по реке Шексне до Гориц, потом переправлялись через Шексну на пароме и на подводе добирались уже поздно вечером лесом до Ануфриева. Это воспоминание живо до сих пор ещё и потому, что мужик-возница замечательно пел песню «Шумел камыш, деревья гнулись». Запомнились непонятные по смыслу слова, но красивые: «и не одна трава помята, помята девичья краса». Смысл этих слов был понят значительно позже, но как это важно – получить первое впечатление при хорошем исполнении. С тех пор для меня это одна из любимых песен, как бы её ни опошляли.

Итак, мы в деревне Ануфриево. Здесь большое красивое озеро. Природа замечательная, на озере, говорили, 15 островов, со стороны нашей деревни видны три: «ближний», очень красивый «дальний» и остров Воздвиженья с разрушенной белой церковью и кладбищем, на котором до сих пор хоронят деревенских. До чего же красиво озеро на закате, когда в зеркальной воде отражаются «кудрявые» острова!

Теперь мы с моей няней Маней и пригласившими нас соседями по квартире каждое лето ездим в Ануфриево.

Ранней весной 1940 г. вернулась из лагеря мама. Перед своим днём рождения в мае, обыскав в папином кабинете все шкафы, я убеждаюсь, что никакого подарка мне не заготовлено, как это всегда было в прошлые годы. Странно. Подходит моя дата - 4-е мая, папа говорит: «Милый мой Малик, мой подарок ждёт тебя в деревне на озере». По приезде летом в Ануфриево бегу к озеру. На озере меня ждёт большая красивая голубая лодка, на носу которой написано крупными красными буквами: «ТАНЯ». Внутри два сиденья, в середине одного из них круглая дырка для мачты. Папа заочно заказал постройку этой лодки в Ануфриеве. Вот это подарок! Я думаю, что если бы можно было луну с неба достать для меня, он бы это сделал. Можно себе представить, сколько радости доставила мне эта лодка. В это лето в Ануфриеве я подружилась с ленинградским мальчиком, племянником нашей хозяйки, Валея Кузнецовым, на 2-3 года старше меня. Заранее накопав червей, часа в четыре утра он свистел под моим окном, я вылезала в окно, мы шли к лодке и уплывали к островам, там всегда был хороший клёв, часам к семи возвращались с рыбой (на уху хватало).

В середине лета приехали папа с мамой. По воде из Саратова к нам прибыли мамины друзья Астрахановы, которыми она обзавелась во время своей трёхгодичной ссылки в Саратов ещё до 1937 года.

«Ура, ел жаренину!» (пшённая каша, запечённая в русской печке), «Для милого дружка семь вёрст – не крюк!» - так расписались Фёдор Иванович и Александра Михайловна на маминой белой скатерти. В Ануфриеве им понравилось.

Мама вышила эти надписи, а заодно и свою:

«Люблю пасьянс. О.А.»

Но мама была не оригинальна, такую же скатерть я видела в музее в Абрамцеве под Москвой, в бывшем имении Мамонтовых, где художник Серов рисовал знаменитую «Девочку с персиками».

Это было последнее счастливое лето моей жизни. Вспоминаю себя, смотря на фотографию.

Таня (1940 год.)

На меня смотрит счастливая 12-летняя девочка с роскошными длинными косами, большими чёрными глазами, довольно хорошенькая, с живым характером, избалованная слепым обожанием своего отца.

22-го июня 1941-го года была объявлена война. Множество людей уезжало на восток, подальше от фронта. Мама с трудом посадила нас с Маней на поезд в Череповец, откуда мы добрались уже до Ануфриева. Сама же она приехала в Ануфриево только поздней осенью с Гогой Каролем. Теперь, в деревне, его звали Игорем. Детство кончилось. Зима 1942-го года была очень тяжелой.

Итак, в эвакуации в деревне Ануфриево, мы оказались втроём: мама, я и Игорь (моя мама забрала его из блокадного Ленинграда. Его мать Берта Петровна Кароль, как и мой отец, работала в Ленинградском университете, и они должны были эвакуироваться с университетом. К тому времени Маня уже не жила с нами, уже было не до домработниц, и мама её рассчитала).

Летом 1941-года и я, и Игорь работали на колхозной работе. Он научился запрягать лошадь, возил навоз на поля, работал на других колхозных работах, я ломала веники на зиму – корм колхозным овцам, дёргала лён, полола на колхозных полях, работала на уборке сена, только что не косила (мы ещё были малы для косьбы).

Осенью мы с Игорем пошли в школу в Фетинино (это в полукилометре от нашей деревни), я в 6-й, Игорь в 7-й класс. В Фетинине была семилетка, она обслуживала более десяти деревень в округе. Десятилетка была только в Белозерске, в двадцати километрах от нашей деревни. Мама преподавала математику в 7-м классе. У меня в 6-м классе была другая учительница математики, я её не помню, как не помню и саму математику. В школе давали завтрак: немного каши и маленький кусочек чёрного хлеба, посыпанного сахарным песком.

Весна 1942-го года. Голодно. Как эвакуированным нам дают паёк: 400 г хлеба, дают мукой, выпекает хлеб хозяйка Татьяна. Мама от своего пайка половину даёт мне (мне неловко перед Игорем). Она меняет вещи на картошку, вышитые кофточки на молоко. Уже зимой перестали приходить письма и деньги от папы. И вот маме пришло письмо о папиной трагедии - он был арестован по сфабрикованному делу и умер в тюрьме.

После отъезда Игоря к его матери в Саратов мы остаёмся с мамой одни, до той поры, пока осенью нам не привезут Рыжика, маминого внука от её старшей дочери Сони. Меня берут на работу подпаском в колхозное стадо (сейчас я думаю, что из жалости). Начисляется «трудодень» в день. Это хорошая зарплата. Повезло! Не всякий мужик даже на пахоте (а это очень тяжёлая работа) заработает «трудодень» в день. Дело в том, что работа пастухом в деревне далеко не престижная, поэтому хорошо колхоз и платит. Мужики в деревне все на фронте, в том числе и наш хозяин, бывший пастух. Теперь его заменяет жена Татьяна, хозяйка нашей избы. Наверное, она была ещё нестарая женщина, хотя и выглядела старухой, но беда была в том, что она была почти слепая. Нужен был зрячий подпасок, и вот почему. Шла война, нужно было молоко. Молоко, как известно, бывает только у стельной, то есть отелившейся коровы. Надо ли объяснять, что для того, чтобы корова отелилась, нужен её «контакт» с быком. В колхозном стаде более 30 коров, нужно знать их по кличкам, чтобы в конце дня сообщить в правление колхоза за какой конкретно коровой «ухаживал» бык в этот день. Вот для этого нужен был «зрячий» подпасок, знающий по кличкам всех коров в стаде, и этим подпаском была я.

Итак, ни одна корова не должна остаться яловой, то есть без телёнка. Что и говорить, я рано узнала правду жизни. Вектор жизни 13-летней девочки повернулся на 180 градусов. Балованная, единственная профессорская дочка в одночасье очутилась на нижней ступеньке социальной лестницы! Конечно, были всякого рода насмешки, были издевательские частушки:

*Как на нашей-то деревне
Живёт Таня-пастушок,
Она ходит по деревне
И разносит запашок.*

Приходилось терпеть. Мама утешала:

*Орлу бывает ниже кур спускаться,
Но курам до орла вовеки не добратся.*

Несмотря на войну, жизнь в деревне шла своим чередом. На досуге «беседы» и гуляния. Гуляния преимущественно летом, в праздники: в разных близлежащих деревнях по очереди собираются парни и девки из окрестных деревень, гуляют по деревне (парни и девки отдельно), поют частушки под гармонь, позже расходятся парами. На гуляния меня мама не пускала, а вот на «беседы» я заскакивала иногда. Беседы проходили в избе, собирались парни и девки и под гармонь плясали и пели частушки. Пляска заключалась в «дроблении». Надо было уметь ногами «выбивать дробь», и кто искуснее это делал, тот считался лучшим танцором. При этом надо было петь частушку. В деревне был парень Володька Николахин, который мне нравился. Я выходила на середину избы и, приплясывая, пела (частушки сочиняли сами):

*Соловей перелетает с веточки на веточку,
Ягодиночка кончает в школе семилеточку!*

Вылетает в круг «мой предмет», Володька Николахин, и отвечает мне:

*Чернобровая сударушка, глазком не наводи!
Ты сама неладно сделала – сказала «не ходи»!*

Тут надо пояснить слово «ягодиночка» - милый, то есть тот, которого я выбрала. «Глазком не наводи» - не ревнуй. Ну а «чернобровая» я была одна на деревне, спутать с кем-то другим было нельзя. Вот так объяснялись в деревне.

Поздняя осень 1943-го года, вода в озере замёрзла. Как же здорово кататься на коньках по прозрачному толстому слою льда, пока его не замело снегом. А какие в лесу грузди, пока не грянули холода! Они бело-жёлтые, растут семействами, спрятанные под опавшими, уже чёрными листьями. На «святках» - ряженые, и я участвую в этом веселье, похожем на довоенные шарады.

С хлебушком стало получше, к зиме выдали зерно на заработанные трудодни, и часть зерна я собственноручно перемолола на жерновах на крупу, можно было кашу варить, словом, молодость взяла своё – «жить стало веселей».

Я ездила вместе с другими бабами в город Кириллов на мельницу за 13 км от нашей деревни. На обратном пути в Горицах на часть полученного зерна купила по маминому совету маленькую козочку. Горицы на Шексне, в 8 км от Ануфриево. Уже и я могла бы разобраться в том, что, если в округе нет козла, то молока у нашей козочки, когда она подрастёт, не будет. А моя умная мама, что она думала? Но козочка прожила с нами в избе всю зиму, беленькая, чистенькая (фекалии – «горох» - легко подметались веником).

Зимой 1943-го года я училась в 7-м классе. Школьные уроки, если и готовились, то при лучине. Читать при лучине из-за неровного света очень трудно. Читала я много, особенно когда в колхозе меня перевели на другую работу. Вероятно, сочли, что прежние мои обязанности не очень-то подходят 13-летней девочке. Меня перевели к телятам. Кроме того, что я должна была их пасти в поскотине (загон для скота), я должна была убирать стойла в хлеву, вывозить на тачке навоз, стелить чистую солому. Зато летом, когда я пасла своих телят (их было 15-20), в то время как они, наевшись сочной травы, укладывались переваривать пищу, я перечитала всего Шекспира от корки до корки. Дело в том, что в школе была отличная библиотека, вывезенная из «Березняка», бывшего помещичьего имения. Как сейчас вижу себя – 13-летнюю девочку в красном сарафане, пасущую телят в обществе белой козочки (Эсмеральда из «Собора Парижской Богоматери» В. Гюго), с двумя длинными косами, с большим зелёным томом Шекспира подмышкой.

Мыла никакого не было, появились белые отвратительные бельевые вши, а уж о головных вшах и говорить было нечего. Я очень серьёзно заболела. Мама, опасаясь сыпного тифа, обрезала мне мои великолепные косы. Вычесано было что-то около трёхсот головных вшей. Маме запрягли лошадь, и она повезла меня в больницу за 20 км в Белозерск. Через три дня мы вернулись, тифа не было, но и кос прежних уже никогда не было.

Чтобы учиться дальше, из Ануфриева придётся уезжать. Ближайшая школа-десятилетка в г. Белозерске в 20 км от Ануфриева. Но мы переехали в Саратов, где у мамы были знакомые со времён её ссылки.

Прошло 22 года. За это время я связи с Ануфриевым не теряла. Мы переписывались с Васей Семёновым, который был моим одноклассником в 6-м и 7-м классах в Фетинине и с которым мы сидели за одной партой. Тот самый Вася, который слагал про меня обидные частушки. Тот самый Вася, с которым мы, облив большое решето водой, катались с большой горы, как на санках. За эти 22 года и он, и я обзавелись семьями. Он никуда из Ануфриева не уезжал, женился на учительнице Фетининской школы, имеет трёх дочерей. Я тоже замужем, у меня дочь и сын. Я живу в Саратове.

На весенних каникулах 1964 г. я еду с дочерью Катей к своей маме, которая к тому времени после своей и папиной реабилитации получила комнату в Ленинграде. Катюша учится в 6-м классе, ей 12 лет, она такая же, какой я была в Ануфриеве во время войны. И я решила прокатиться с Катей туда, показать ей деревню, где во время войны я пасла коров и телят. У меня давно эта мысль вертелась в голове. Борис, мой муж, очень боялся, что я повезу дочь в деревню. Он помнил мои рассказы о том, что Ануфриево – глухомань, что от Шексны надо километров восемь пробираться лесом, и всё это казалось ему ужасным. Он требовал, чтобы я эту мысль выбросила из головы, а если уж я сумасшедшая, то чтобы девчонку не таскала с собой: ведь могут напасть, изнасиловать, убить...

Я взяла билеты из Ленинграда до Череповца в общем вагоне. У нас с Катей были верхние плацкартные места (всё-таки ехать ночь), а на нижних полках сидело по четыре человека. Мною руководили не экономические соображения, скорее воспитательные. Катенька, профессорская дочка (какой когда-то была и я), уже привыкла ездить в хороших купейных вагонах, мне же хотелось ей показать, как передвигаются по стране обыкновенные люди.

В Череповце мы сели на «Ракету» (судно на подводных крыльях) и поплыли по Шексне по направлению к Белому озеру. Мы должны были сойти в Горицах, но к Горицам почему-то не причалили, пришлось плыть до следующей пристани Волохово. Люди, сходившие на этой пристани, ничего не могли нам сказать про деревню Ануфриево, но одна подвода везла семью приплывших до села Воздвижение. Такое название мне было знакомо из прошлой жизни, когда-то я везла оттуда эвакуированного врача из Ленинграда на лодке к больной маме.

Наше Ануфриево в пяти километрах от Воздвиженья. До Воздвиженья около 10 километров, но выхода другого у нас нет, мы идём с Катей за подводой.

Когда мы пришли в Воздвижение, я это село узнала. На противоположном берегу уже «нашего» озера стояло Ануфриево, но до него надо было идти ещё 5 километров. Но теперь уже легче, знаешь куда идёшь! Катюшка – молодец! Сильная девочка – 10 км в 12 лет (первые 5 км без отдыха, от подводы оторваться нельзя, иначе затеряемся).

Мы шли теперь не спеша, не надо было держаться лошади, шли вдоль берега озера, минуя деревни Москвино и Надкобово. Наконец на пригорке показалось Фетинино – уже почти пришли... Кругом бушует весна. Что особенно мне запомнилось - несмолкаемый гул стрекоз, пчелиное жужжание, рои пчёл над распускающимися цветами в высоких травах. Интересно, помнит ли всё это Катя?

Но вот и Фетинино, вот моя школа, в которой я кончала шестой и седьмой классы, только сейчас она не работает. Детей в округе не набирается, деревни в большинстве вымерли, стоят заброшенные избы с заколоченными окошками, больно всё это видеть...

«А теперь, Катюша, смотри вниз, вон в полукилометре отсюда раскинулась моя деревня!» - сказала я. Мы подошли к деревне и первой избой оказалась почта. Мы дали нашему папе телеграмму в Саратов:

«Привет из Ануфриева!» (подпись: «Таня Катя».)

Стоя на почтовом крылечке, я обратила Катю на внимание на человека, рубившего дрова возле избы, находившейся на противоположной стороне «проспекта» через три-четыре избы от нас. «Катя, мы сейчас подойдём к этому мужику. Он, наверное, меня узнает, и мы бросимся друг к другу на шею!» – сказала я. «Мама, нельзя обниматься с незнакомыми мужчинами», - ответила мне моя благонравная дочка.

Мы подошли и встали возле него. Он распрямился и оторопело стал вглядываться в меня. Мы действительно обнялись. Он (а это был Васька, с которым мы сидели на одной парте) теперь уважаемый тракторист Василий Иванович Семёнов, повёл нас с Катей к себе в дом, познакомил с женой Сашей и с девочками

Милей и Валей, немногим младше Кати. Мы прожили у гостеприимных хозяев три дня.

Я показала Кате мою любимую деревню, красивые окрестности, конечно, скотный двор, где я ухаживала за телятами. С грустью видела, что колхозного стада уже нет, держали коров только несколько семей. Но, главным, конечно, было озеро, вот оно всё так же было прекрасно!

У Васи была моторная лодка, и все эти три дня мы катались с ним, проверяя его сети на рыбу. А какие вкусные пироги с рыбой пекла Саша! В тесто из ржаной муки запекались леши целиком. А какие рогульки с творогом!

Нагостившись, мы с Катей собираемся в обратный путь. Вася организовал для нас попутную подводу (какой-то мужик ехал в Волохово через нашу деревню). В итоге мы напрямую поехали в Волохово лесом, по таким ухабам, что я, чтобы удержаться в телеге, схватила бедного мужика за штаны, да и стянула их! Тут-то я и вспомнила предостережения своего мужа: как это можно вдвоём с девочкой отправляться путешествовать, куда Макар телят не гонял. Долго мы смеялись над этой историей.

Мы благополучно вернулись в Ленинград, а затем и в Саратов.

Следующий визит в Ануфриево состоялся, когда мы уже перебрались в Ленинград на постоянное жительство. Летом 1967-го года мы совершили незабываемое путешествие в Ануфриево водным путём. Наконец-то я, записавшись в очередь за полгода, дождалась единственной четырёхместной каюты 4-го класса. Плыли мы из Ленинграда по Мариинской системе через Ладожское и Онежское озёра, затем по Шексне до Белозерска. Дети впервые совершали водное путешествие и, конечно, были очень довольны. Окно нашей каюты выходило на нижнюю палубу, заставленную бочками. Мы вылезали из него на эти бочки и загорали на них. В Ануфриеве поселились на этот раз в избе, стоящей у самого озера, хотя Вася приглашал нас к себе, но нас было четверо, и мы бы его семью очень стеснили. По-прежнему у Васи была моторная лодка, он завозил нас на остров Благовещенье, который был усыпан маслятами, а потом приплывал за нами.

В Ленинград мы привезли ведро солёных маслят. Конечно, ходили в лес за грибами, купались, наедались свежей рыбы, рыбных пирогов, рогулёк с творогом. Борис и Андрюшка впервые в Ануфриеве, и им там очень понравилось. Я им показала «свою» деревню, где я провела два с половиной года во время войны, где

пасла коров и телят. Перед отъездом в Ленинград мы побывали в Горицах, в Кирилло-Белозерском и Ферапонтовом монастырях. Ферапонтово славится знаменитыми фресками Дионисия.

Прошло ещё 15 лет. В 1982-м году состоялся третий визит в Ануфриево. В том году Борис поменял машину. Старая уже никуда не годилась после автокатастрофы, произошедшей с нами в 1975 году. Я очень тогда пострадала и страдаю до сей поры. Тогда в больнице в Опочке Борис, гуляя со мной по больничному коридору (я на костылях), грустно пошутил, к всеобщему удовольствию больных: «Я думал, мне надо менять только машину, но оказывается, и жену тоже!»

На новой машине в «нашу» деревню поехал с нами и Игорь Кароль, с которым мы были там во время войны. План был такой: пожить дня три в Ануфриеве, затем через Белозерск переехать на другую сторону Шексны, посетить Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри, далее проехать в Вологду и здесь с Игорем расстаться. Он поездом вернется в Ленинград, а мы дальше через Ярославль и Москву – в Пущино на Оку, где у нас с друзьями на две недели была забронирована гостиница от ленинградского Дома учёных. Я заранее заказала для нас троих гостиницы в Кириллове и Вологде. Мы чудесно провели время в Ануфриеве, фотографировались в Фетинине возле нашей школы-семилетки, гуляли по деревне.

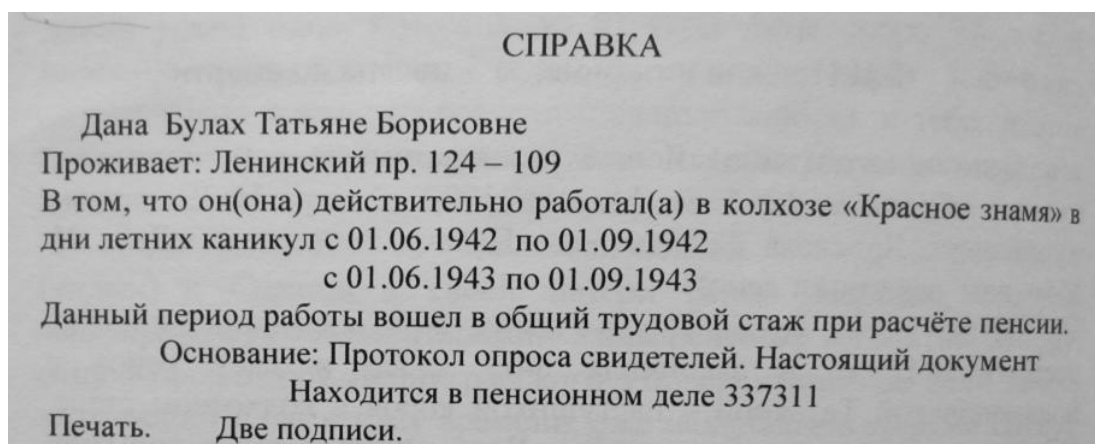
Как-то зимой у нас в Ленинграде поочерёдно побывали гости из Ануфриева: Вася и Саша Семёновы. Вместе уехать из деревни они не могли – корову оставить не с кем. Сначала был Вася, потом его жена Саша. Мы сидели втроём на кухне: Борис, я и Вася. Надо сказать, что Вася, по деревенской привычке, каждое нормальное русское слово перемежает матом. В это время из школы приходит Андрюшка и ничего не может понять: папа, мама и дядя Вася сидят на кухне и разговаривают, при этом дядя Вася сыплет матом, а папа с мамой улыбаются.

Саша в свой приезд поведала нам грустно-смешную историю. Опять мы втроём на кухне: Борис, я и на этот раз Саша. Саша: «Васька-то мой по бабам стал бегать, баб-то в деревне много, а мужиков - раз, два и обчёлся! Всё у него, вишь, партийное собрание в Кукшеве. Запрягает лошадь и туда по озеру на санях.

Я подождала, как он уехал, запрягла коня и тоже в Кукшево. Захожу в избу, где должно быть партсобрание, смотрю: в сенях мой Васька какой-то бабе подол задирает... Ну, твою мать, на другой же день я заявление в партию подала, теперь езжу на партсобрания с ним!»

Мне удалось ещё дважды побывать в Ануфриеве.

В первый раз я ездила туда на короткое время для получения справок для себя и Игоря, подтверждающих нашу работу в колхозе во время войны. Этот документ помог увеличить стаж и получить некоторую прибавку к пенсии по указу Б.Н. Ельцина.

Второй раз я ездила по приглашению Вали, младшей дочери Васи и Саши. Это было в 2014-м году, когда их уже давно не было на свете, как и очень давно нет моего Бориса. Я провела целую неделю у гостеприимной Вали. Дом отца и деда сохранён, хотя сама Валя живёт в Череповце, где заведует лучшей гимназией в городе.

С грустью я прощалась с Ануфриевым. Вспоминала, как тяжело и голодно жилось во время войны, а всё-таки была и жила деревня. Был скотный двор и стадо коров, колхозных и частных. Была конюшня и кузница, были лошади. Была маслодельня или сыроварня. Правда, в ней ни масла, ни сыра не производили, но там был сепаратор, который отделял сливки от обраты. Сливки ежедневно сдавались государству, а обратом кормили телят. Был магазин. Был сельсовет. Почти на каждом дворе была корова. Я не поклонница советской власти, но определённый порядок был.

Сейчас деревни нет. Те избы, что стоят, используются как дачи. Сами хозяева работают в Череповце или Вологде и только на лето приезжают. В деревне три или четыре коровы. Магазина нет. Два раза в неделю из Белозерска приходит машина с молоком, дачники сбегаются покупать. Земля вокруг деревни в частной собственности.

Сейчас идут разговоры о возрождении сельского хозяйства в нашей стране. Я себе очень плохо представляю на примере Ануфриева, как это может осуществиться. Но я очень хочу, чтобы деревня возродилась.

Вот так. Не было бы в моей жизни любимого Ануфриева, если бы не было маминых ссылки и лагеря, а значит и коммунальной квартиры, и соседей, пригласивших нас в свою деревню.

Так всегда: одно цепляется за другое.

Я – 18-ЛЕТНЯЯ АВАНТЮРИСТКА

Учась на третьем курсе физфака Саратовского университета, в зимнюю сессию из трёх серьёзных экзаменов я всё-таки сумела один - электродинамику - завалить. Готовясь к переэкзаменовке, я иногда прислушивалась к разговору трёх женщин в соседней комнате. Мы жили втроём: мама, её подруга, тётя Женя, и я, а сейчас из Ленинграда к маме приехала ещё одна подруга детских лет - Ольга Матвеевна Бер.

Как слышно было из разговоров, Ольга Матвеевна очень была обеспокоена моим будущим. Она внушала маме, что я должна выйти замуж так, чтобы «возвратиться в прежнюю грядку», и у неё есть для этого подходящий жених для меня. Жених этот - не кто иной, как Серёжа Лозинский, сын известного поэта-переводчика, ему 38 лет, он доктор физико-математических наук, профессор, заведует кафедрой в Военно-воздушной академии, живёт в огромной квартире на Петроградской вместе со своим знаменитым отцом и матерью. Родная его сестра Наташа замужем за Никитой Толстым, сыном писателя Алексея Толстого. Сама Ольга Матвеевна, как я поняла, была приятельницей стариков Лозинских. Вот какое заочное сватовство, усмехнулась я. У меня к тому времени уже был «герой романа», мой однокурсник Борис.

Экзамен я, в конце концов, пересдала, наступали зимние каникулы, и мы большой компанией (человек семь-восемь) собираемся в Ленинград. Я заранее получила разрешение поселить у родственников трёх мальчиков. А нас, девочек, - меня и трёх моих подруг - в комнате моего брата Алёши, которая в это время была свободна. Но вдруг Борис заболевает скарлатиной, и его кладут в больницу, в палату с маленькими детьми. Итак, Борис отпадает, но остальные-то все собрались, и если я не поеду из-за своего Бориса, все планы остальных рухнут. Это я всех пригласила, и для них это первая встреча с Ленинградом. Значит, я должна ехать, и Борис тоже так считает. И мы поехали.

Итак, нас 6 человек, заведует общей казной Толя Иванчук, гуляем все вместе, знакомимся с достопримечательностями моего родного города и весело проводим время. По вечерам собираемся у нас, девчонок, и я от нечего делать предложила игру – «хохму». Я рассказала ребятам, как маминой подруге не терпится выдать

меня замуж за Лозинского, которого я и в глаза не видела, и мы решили пошалить. В справочном узнали его телефон, а из тех «сватовских» разговоров я поняла, что во время войны он был эвакуирован в Йошкар-Олу. В комнате был телефон, я ему позвонила и наплела, что мы, дескать, с ним виделись в Йошкар-Оле и хорошо бы встретиться в Ленинграде, куда я приехала на неделю.

Он стал меня расспрашивать, кто я такая, но я отшучивалась, встретимся, мол, узнаете. Мы решили назначить ему свидание у Медного всадника, посмотреть на него, но себя не обнаружить, словом, хулиганили. Он не соглашался на такое свидание, говоря, что несколько раз был обманут. Между прочим, Ольга Матвеевна рассказывала, что у Серёжи очень плохой характер, что он завидный жених в Ленинграде, что ему без конца назначают свидания, что родители очень хотят, чтобы он поскорее женился и т. д. В общем, мы несколько вечеров проговорили впустую, скоро уезжать, уже все мои родственники знают о моей безобразной выходке, надо интригу как-то заканчивать. И вот наступает решительный разговор, я звоню с Таврической в присутствии жены старшего брата:

- Здравствуйте, Сергей Михайлович. Я хочу Вам открыться. Мы с Вами ни в какой Йошкар-Оле не встречались, просто я знала, что Вы там были в эвакуации. Дело в том, что одна наша общая знакомая, я не буду называть её имени, очень хочет, чтобы я вышла за Вас замуж. Согласитесь, я должна была посмотреть на Вас, поэтому и были мои предложения насчёт Медного всадника. Конечно, Вы были правы, я бы себя не обнаружила, простите меня.

В трубке молчание, потом ответ:

- Вы интересная девушка, я хочу с Вами познакомиться. Только на свидание я всё-таки не пойду, приходите Вы ко мне.
- А Вы меня с лестницы не спустите?
- Нет, обещаю!
- Я уезжаю послезавтра, могу завтра в 5 часов.
- Я жду Вас, адрес такой...

На другой день у нас были билеты в Мариинку на балет «Красный мак», начало в 8 часов. Заранее подготовившись к театру, я надела недавно сшитое светло-серое шерстяное платье, повесила на шею аметистовый кулон и была «ничего себе» в свои 18 лет. Всею саратовской компанией из 6 человек мы отправились на «моё свидание». Ленинградцы знают этот дом на Петроградской стороне, на нём мемориальная доска в честь Михаила Лозинского, к сыну которого я шла. Ребята остались внизу «болеть» за меня, всё-таки дурачились мы вместе, а отвечать мне одной придётся. Я поднялась по лестнице и позвонила в указанную квартиру. Дверь открыл мне высокий человек в форме полковника с удивительно знакомым голосом (ведь неделю до этого мы почти каждый день разговаривали с ним по телефону). Он снял с меня пальто и предложил мне пройти в его кабинет.

Это была большая комната с мебелью красного дерева, вся уставленная книжными шкафами. Посреди комнаты вдоль стоял большой письменный стол, позади которого было рабочее кресло, а перед столом стояли друг против друга два глубоких мягких кресла и торшер.

Сергей Михайлович предложил мне занять кресло, сам сел напротив в другое, взяв лист бумаги и карандаш. Ну, сейчас начнётся допрос, труханула я.

- Как Ваша фамилия?
- Извекова.
- Вы не родственница известному профессору Извекову?
- Я его дочь.

Он с интересом посмотрел на меня, извинился и вышел из комнаты. Ну, думаю, сейчас позвонит в милицию и меня заберут. Нет, возвращается с подносом, на котором две чашки чая, пастилы, мармелад, и приглашает к маленькому столику. Мы пьём чай и разговариваем.

- Я уже Вам сказала, что общая наша знакомая ну просто очень хочет, чтобы я за Вас замуж вышла, мне было интересно на Вас посмотреть. Но Вы не беспокойтесь, у меня есть жених, правда, он сейчас скарлатиной болеет, но у меня в планах выйти за него замуж.

- Как это скарлатиной болеет, сколько же ему лет? – расхохотался он.

- Он мой ровесник – студент 3-го курса механико-математического факультета Саратовского университета, вовремя не успел переболеть скарлатиной.

Рассказала ему, что живу и учусь в Саратове на 3-м курсе физического факультета, приехала на зимние каникулы в Ленинград. А сейчас я должна извиниться, поблагодарить его за чай, я сегодня иду в Мариинский театр на балет «Красный мак».

- Могу ли я проводить Вас в театр? - спросил он.

- Вы знаете, там внизу у Вашего дома меня ждут шестеро моих саратовских друзей, которые приехали со мной и мы вместе идём в театр.

Он проводил меня в переднюю, подал пальто, попросив: «Дайте мне слово, что когда Вы приедете в следующий раз в Ленинград, Вы мне позвоните». Я пообещала, но обещания своего не выполнила. Эта была шутка юности, может быть, даже в какой-то степени неприличная, но на то и юность человеку дана, чтобы не только благоразумные поступки совершать.

Прошло 15 лет. У меня семья: муж и двое детей. Мы переехали из Саратова в Ленинград, благодаря тому, что муж был приглашён на работу в Ленинградский электротехнический институт связи с предоставлением двухкомнатной квартиры на проспекте Космонавтов. Мама после своей реабилитации уже жила в Ленинграде, получив прописку и комнату.

У мамы на Таврической были заведены званые вечера - «четверги», и мы с Борисом были там постоянными посетителями. На одном из таких четвергов я познакомилась с Гришей Д. При разговоре выяснилось, что он доцент кафедры математики в Военно-воздушной академии, где заведует кафедрой профессор С.М. Лозинский. Я попросила Гришу передать Лозинскому привет от меня, Татьяны Борисовны Извековой. Рассказала ему, что я дочь хозяйки, Ольги Александровны, что только что переехала с мужем и детьми в Ленинград, что муж мой – профессор

Электротехнического Института, а я собираюсь заняться поисками работы.

Как-то я опять встретила на мамином «четверге» с Гришей. Гриша поведал мне о том, как он передавал мой привет С.М. Лозинскому, и как тот просил его задержаться после заседания кафедры, чтобы поподробнее услышать обо мне.

Спустя некоторое время из Москвы приехала погостить наша близкая приятельница Нина, и мы вместе пошли на очередной мамин «четверг». В метро Борис и Нина прошли несколько вперёд, а я нос к носу столкнулась с С.М. Лозинским. Я его сразу узнала, хотя с момента нашей встречи прошло 17 лет. Надо сказать, что несколько лет тому назад был в Москве Международный математический съезд, и Борис участвовал в нём, а я увязалась за ним в Москву. В программе докладов я увидела фамилию Лозинского. Мне было интересно на него посмотреть, и я пошла на его доклад, незаметно сев в последний ряд на самой верхотуре аудитории, устроенной в виде амфитеатра. На этот раз я его видела, а он меня нет. В момент же, когда мы столкнулись в метро в Ленинграде, он не сразу, но довольно быстро меня узнал. Я окликнула Бориса и Нину и познакомила их с С.М. Лозинским. Мужа представила так: «Это мой муж, Борис Михайлович Булах, тот самый, который тогда, при нашей с Вами встрече болел скарлатиной».

Борис и Нина, зная историю моего знакомства с С.М., деликатно отошли, мы немного поговорили. Последние его слова были такими: «Если Вам понадобится когда-нибудь работа, Вы найдёте её у меня в любом объёме». Я поблагодарила, но конечно, не воспользовалась его предложением. Я уже была далека от той 18-летней авантюристки, которую он видел в предыдущий раз, была солидной замужней дамой с двумя детьми. Но я действительно в работе нуждалась, и нашла её в Текстильном институте - в центре города, где так хотелось работать после долгой разлуки с Ленинградом.

Как-то придя домой с работы, муж сообщил мне, что звонил профессор С.М. Лозинский и предлагал мне разделить полную нагрузку его жены со мной в финансово-экономическом институте,

но Борис его поблагодарил и сказал, что я уже работаю на кафедре математики в Текстильном институте.

Потом я ещё раз видела его с женой в Доме Учёных, праздновался его 75-летний юбилей, это был 1989-й год. Я заходила туда в библиотеку и видела их в обществе своих знакомых в гардеробе. К тому времени прошло уже два года, как я овдовела. Мне было неудобно подойти и поздравить, привлекая к себе внимание...

СВЕКРОВЬ

Всё началось с моего поступления в Саратовский университет на механико-математический факультет. Все мои подруги из нашей женской школы поступали на разные факультеты. Вскоре начались вступительные экзамены. Из обмена впечатлениями выяснилось, что на физическом факультете очень мало девочек и сплошь красивые видные парни. Мой же ответ был таков: на моём механико-математическом факультете не на кого взгляд положить, есть, правда, один, да и тот, как коромысло с двумя вёдрами. «Коромысло с двумя вёдрами» был не кто иной, как мой будущий муж Борис Булах. Почему «коромысло»? Потому что он был высокий и какой-то согнутый, сутулый. Почему «с двумя вёдрами»? Борис жил в танковом училище, отец его был военным, школу он кончал общую (где девочки и мальчики учились вместе, в отличие от большинства школ в стране), поступал в университет с двумя своими одноклассниками и всегда находился на первых порах в их обществе.

Я же всегда ходила со своими двумя школьными подругами-красавицами, и много позже, когда мы были уже женаты, Борис мне рассказал о том, что всегда удивлялся тому, что я не понимала, как я проигрываю рядом с ними. Видно, красота - не самое главное в женщине, решила я и убедилась в этом после того, как одна из подруг, Верунька, которая с Борисом училась в одной группе, рассказала мне, как однажды она его на занятиях спросила: «Борис, ты почему из нас троих выбрал Татьяну, что мы с Тамаркой - хуже»? - «Вы рыбы»! – был ответ.

Вот и пойми мужчин...

С Борисом Булахом мы учились в разных группах, группы делились по иностранным языкам. Я выбрала группу с французским языком, Борис с немецким. Первый вопрос, с которым Борис обратился ко мне, был такой: «Какие бранные слова ты знаешь на французском языке?» Мой ответ его не удовлетворил, я не знала бранных слов на французском языке.

Со мной в одной группе училась Тамара Пискарёва, которую я знала по прежней, 8-й женской школе. Дружим с ней до сей поры, ни много ни мало, а 68 лет! Начались лекции и практические

занятия, а вместе с ними вечера на всех факультетах, которые мы с Тamarой не пропускали. С учёбой обстояло хуже: никто с тебя ничего не спрашивает, полная свобода – «гуляй, Вася!». На лекциях сидим – ничего не понимаем. Ну, ладно, до сессии ещё далеко. Зато поклонников у нас пруд-пруди. Чтобы Тamarу пригласить на танец, очередь стоит. У меня их не так много, но всё же хватает. Один делает за меня чертежи по начерталке (начертательной геометрии), другой помогает по высшей алгебре.

Тут вот по аналитической геометрии задали по задачнику Адамара доказать теоремы векторным способом, сижу случайно на лекции рядом с Борисом Булахом и пытаюсь что-то сделать. «Что, не получается?» - спрашивает он. «Да меня на осине повесь, я ничего никогда не сумею доказать», - думала я. «Давай сюда», - говорит он. Моментально все теоремы были доказаны. Я с восхищением посмотрела на него. Вот это да! Бывают же такие умные!

То ли я искру сумела заронить в его душу, то ли просто пожалел он меня, только когда я ухитрилась провалить все три экзамена в сессии, он подсел ко мне в Горьковской аудитории и сказал: «Гони всех своих поклонников к чёртовой матери, я один буду заниматься с тобой по всем предметам!». «Ну, хорошо, - сказала я, - пойдём ко мне заниматься».

Таня и Борис

То был первый визит его ко мне. Мы действительно сели работать. Пришла мама, она уже знала, что я завалила и последний

экзамен. Увидев у меня нового парня, она пришла в бешенство и выгнала его вон. Мы ушли вместе. По дороге он спросил меня, что ему делать, дескать, он воспитан в офицерских понятиях, а его выгнали из дома. Я сказала: «Ну что ж теперь, стреляться, что ли? Приходи в другой раз».

Борис, конечно, пришёл и в другой раз и стал ходить часто. Мама, видя, что мы действительно занимаемся, сменила гнев на милость. Итак, сессия была пересдана вовремя, так что я получила первую стипендию. В конце концов, первый курс с грехом пополам был окончен, и мама в награду за мои мытарства купила мне путёвку в Одессу, в санаторий «Аркадия».

На втором курсе Борис стал бывать у меня чаще. Мама, обеспокоенная частыми посещениями Бориса, послала по почте открытку родителям Бориса, приблизительно такого содержания: (сверху было написано «совершенно секретно») *«Ваш сын Борис целыми днями пропадает у нас. В результате у него будет воспаление мочевого пузыря, так как, находясь у нас, в туалет ходить стесняется. Довожу до Вашего сведения: у моей дочери голова набита только жёванными тряпками. Результат сессии будет более чем сомнителен». О.А. Извекова».*

Моя будущая свекровь говорила, что эта открытка с надписью «совершенно секретно» обошла оба танковых училища, прежде чем попала к ним. Конечно, родители Бориса были очень обеспокоены, танковые училища расположены за городом, трамваи вечером ходили плохо, пешком надо было идти через кладбище. А тут ещё один раз Борис и вообще не пришел ночевать! Возвращаясь поздно от меня и проходя мимо продуктового магазина, он попал в милицию по подозрению в краже (там в это время ловили воров, «замели» и его заодно). В «кутузке» просидел всю ночь, позвонить некуда (телефонов нет ни у нас, ни у его родителей). Да ещё такое послание от моей мамы. Причины для беспокойства были...

Родители Бориса попросили его привести меня к ним, хотели посмотреть, из-за кого их сын «пропадает». И вот после занятий мы отправились к нему. На мне было старенькое платье, перешитое из маминого, внизу по шву порванное и зашитое через край, но шубка, хоть и тоже перешитая из маминой старой

плюшевой шубы, выглядела на мне неплохо, тем более что такая же шапочка, отделанная двумя кусочками норки, остатками от воротника, была очень даже мне к лицу. Мы зашли с Борисом в прихожую, родители Бориса были на кухне, пахло пирогами. «Раздевайся!» - говорит Борис, а мне хочется, чтобы родители меня увидели в шубке, в ней я лучше выгляжу, чем в рваном платье. Но пришлось раздеться, видимо, родители не заметили нашего прихода, занятые на кухне. Познакомились, пробыла я там до вечера, отведала вкусных пирогов, словом, принята была ласково. Познакомилась с его сестрой Надей, школьницей пятью годами младше его. Его мама, Ольга Ивановна, мне очень понравилась, мне показалось, что она открытая, искренняя женщина. Потом Борис проводил меня домой. Наутро в университете я спросила его, понравилась ли я его родителям.

«А ты не обидишься, если я скажу?» - спросил Борис. «Нет, говори», - сказала я. «Они сказали, что ты такая же дура лопоухая, как и я».

После того, как они меня увидели, уже так, как прежде, за сына не беспокоились.

Итак, начался мой третий семестр в университете. Господи, как же мне тяжело и неинтересно было учиться! Как Борис ни старался что-то вбить в мою несчастную голову, всё оказывалось безнадёжным, ведь азов математики я с самого начала не знала и не хотела знать...

We like that you know and we don't like what don't know!
(Мы любим то, что мы знаем, и не любим того, чего не знаем!)
Эта английская поговорка мне запомнилась, наверное, потому, что это про меня.

На Новый, 1948-й, год получила трогательное поздравление от Бориса, оно сохранилось: *«Дорогая Ходенька! Я хочу, чтобы наступающий новый год был для тебя ещё лучше и счастливее, чтобы наша любовь стала ещё больше и прочнее. Я хочу, чтобы ты была самой счастливой на свете. Я очень хочу, чтобы у тебя было всё в порядке с лёгкими и чтобы ты была здоровой жизнерадостной девушкой, которая бы никогда не разучилась смеяться... И ещё одно нескромное желание, чтобы ты меня любила, если не всю жизнь, то хотя бы половину».*

До нашей свадьбы оставалось два с половиной года. Это была середина второго курса, женились мы после четвёртого.

Так или иначе, я с великим трудом дотянула до конца 2-го курса. Наконец, мама, видя, что «не в коня корм», отпустила меня на все четыре стороны. Правильно папа говорил мне в детстве: «Не будь лётчиком, пожарником и математиком!» Значит, два года из жизни вычеркнуто. Вся вымученная двухгодичная математика соскользнула с меня, как будто бы её никогда и не было. После окончания 2-го курса механико-математического факультета я поехала в Ленинград начинать новую жизнь.

Я решила поступать в Институт Иностранных языков на немецкое отделение и отнесла туда документы. Готовлюсь к вступительным экзаменам, но тут приходит письмо от Бориса, длинное, на четырёх страницах, с большим количеством ошибок. Конец такой: *«Милая Ходенька! Вернись! Кончу я за тебя этот дурацкий факультет!»* Помню, я подчеркнула ошибки красным карандашом, отослала письмо обратно и... вернулась.

Вернулась-то я вернулась, но надо было что-то менять в своей жизни, так дальше продолжаться не может. И я устала, и факультет от нас с Тамарой устал. Мы с ней переводимся на физический факультет, тем более что нам всё зачитывается, мы, ничего не теряя, переходим на 3-й курс. У меня, конечно, настроение неважное: если в школе в математике я немного разбиралась, то в физике я ни «бум-бум». А что делать? На филологический меня уже и не приняли бы, даже если бы я и попыталась, «поезд ушёл». Мама утешает: надо перевалить только через 3-й курс, дальше проще будет, пойдешь на геофизику. По окончании 2-го курса у нас с Борисом возникла мысль пожениться, но родители, конечно, восстали. И правильно сделали!

Начались занятия, лабораторные работы, словом, студенческая жизнь закрутилась. На физфаке, хоть и было много интересных парней, никто за мной не ухаживал, я считалась уже как бы занятой. Всё свободное время мы проводили с Борисом и, конечно, были влюблены друг в друга. Закончился 3-й курс, начался 4-й, стало значительно легче учиться. В начале июня началась практика. Я её проходила в городе, в Геофизическом тресте. Диплом у меня был по теме каротажа скважин, лаборатория

находилась в городе, смутно помню, что работа моя заключалась в расшифровке графиков.

Тамара и Толя Иванчук, как сейсмики, должны были ехать на практику в поле, в Саратовскую область. В начале июня мы с Борисом их провожали на вокзале. С подножки вагона они крикнули: «Не поженитесь без нас!» Мы что-то им ответили, вроде того, что не беспокойтесь, подождём вас, и пошли на 7-часовой сеанс в кино на венгерскую картину «Огонь». Потом Борис проводил меня домой, это было около 10 часов вечера, почему-то дома никого не было. То ли кинокартина подтолкнула нас к окончательному решению (содержание её не помню абсолютно), то ли что-то другое, но мы твёрдо решили пожениться и тут же поехали к родителям Бориса сообщить им об этом. Ввалились мы к ним часов в одиннадцать, реакцию их не помню, во всяком случае, они не очень удивились, так как речь об этом уже и раньше шла. Назначен был день свадьбы на 10 июня, в день 21-летия Бориса. Мне 21 год исполнился месяц назад, 4-го мая. Это был 1950-й год. На другой день была послана пригласительная телеграмма Тамаре и Толе Иванчуку, которая пришла раньше их приезда на место практики. Тамару отпустили, а Толю нет. У себя на работе я подала курьёзное заявление: *«Прошу дать мне отпуск на 3 дня, ввиду необходимости выйти замуж»*.

Прежде чем описывать свадьбу, расскажу о родителях Бориса.

Отец его, Михаил Дмитриевич Булах, украинец из-под Полтавы (село Пески), был кадровым военным в чине подполковника в то время, когда я вошла в их семью. Это был достойный человек, провоевавший танкистом всю войну, тяжело раненый на Курской дуге, прошедший путь от батрака до подполковника, прекрасный семьянин, может быть, звёзд с неба не хватавший, но человек очень честный и в высшей степени порядочный.

Мать Бориса, Ольга Ивановна Булах, кубанская казачка, всего-навсего с начальным образованием (позднее она ещё где-то училась, но не это важно), была замечательной женщиной, очень доброй и с душой открытой, я бы сказала, распахнутой людям. Мало этого, она, по-видимому, была очень способным человеком, но родившись в бедной семье, где отец был алкоголиком, в силу

обстоятельств проявить себя не могла, но свои способности сумела передать своим детям.

Довольны ли они были браком своего сына? Думаю, что нет. Лично против меня, может быть, они особенного ничего не имели, во всяком случае, я этого не чувствовала. На память приходит песенка Окуджавы про Ваньку Морозова: *«Ему чего-нибудь попросе бы, а он циркачку полюбил»*. Рядом со мной всегда была Тамара, прекрасная хозяйка («и шьёт, и вяжет»), и русская красавица, и родители подходящие - портные...

Ну почему же не эта, а та (то есть я)?

Ещё задолго до нашей свадьбы я рассказала Борису о моей трагедии, связанной с отцом. Борис абсолютно и беспрекословно поверил в невиновность моего отца. Единственное, что он попросил – об этом не рассказывать его родителям. Он сказал: «Они не поймут». Но, как оказалось впоследствии, они узнали об этом окольным путём (шила в мешке не утаишь), но нам о том, что узнали, тоже ничего не сказали. Так мы и жили до 1954-го года, пока после смерти Сталина не получили на руки справку о папиной полной реабилитации. А когда мы им всё рассказали, они сказали, что знали об этом, и им было обидно, что мы скрыли от них правду. Тогда я спросила: «Ольга Ивановна, скажите, положая руку на сердце, разрешили бы Вы Борису жениться на мне?» «Нет!» - ответила она чистосердечно.

«Не говорить!» - это было твёрдое решение Бориса, он лучше знал своих родителей, поэтому я не возражала. Он говорил о том, что его родители оба с 18 лет в партии, фактически строили эту партию, и для них будет ударом узнать, что их сын женится на дочери «врага народа». А я настолько уже привыкла скрывать «свой позор», что, рассказав и предупредив Бориса, считала, что моя миссия выполнена, а остальное пусть решает сам, поэтому себя виноватой в сокрытии не считала. Тем обиднее мне показались слова свекрови! И так уже у меня детство и юность отравлены, а тут и замужество было бы под угрозой. И, пожалуй, это была единственная серьёзная ссора со свекровью, конечно, были ещё какие-то взаимные обиды, но, в целом, я свою свекровь любила, за многое ей благодарна и думаю, что и она относилась ко мне не плохо.

Свадьба была на территории 2-го танкового училища, где в двухкомнатной квартире жила семья Бориса. В день свадьбы свёкор Михаил Дмитриевич подарил мне золотой перстень с каким-то камнем. Перстень просуществовал на моём пальце один день, когда я проснулась на другой день, его на моём пальце не было. Шептались: «плохая примета». Люди, не верьте приметам! Мы 40 лет счастливо прожили.

На свадьбе было много народа, свекровь Ольга Ивановна пригласила специально кондитера, чтобы тот испёк торт, хотя сама была отличной хозяйкой. Вот платья свадебного у меня не было, перешили из маминого подвенечного платья сорокалетней давности. Платье было хоть и светлое, но шерстяное и с рукавами, видно, 18-летняя мама выходила замуж зимой; в июне же, да ещё в Саратове, было в нём «жарковато». Я дала себе слово сшить себе свадебный наряд на десятилетие нашей свадьбы, что и сделала в своё время.

После свадьбы все гости вместе с молодожёнами на трамвайчике поехали в город и разошлись по домам.

Наша свадьба

В 1951 г. мы с Борисом кончаем университет. Борис как способный студент был рекомендован факультетом в аспирантуру. Но не тут-то было. Нашёлся молодой доцент-карьерист, заявивший на общем партийном собрании: «Студент Булах не может быть рекомендован в аспирантуру, так как он женат на дочери «врага народа». Когда об этом узнали родители Бориса, свёкор Михаил Дмитриевич, надев полковничий мундир со всеми орденами (к тому времени он уже был в отставке), пошел на приём к ректору университета Р.В. Мерцлину и сказал приблизительно так: «Сегодня мой сын женат на одной, завтра, быть может, на другой, а я не для того под Курской Дугой воевал, чтобы моего сына в аспирантуру не взяли». В конце концов, Борис был зачислен в аспирантуру на кафедру гидроаэродинамики к профессору Савелию Владимировичу Фальковичу.

Я защитила диплом. Но по распределению не поехала, так как Борис уже был принят в аспирантуру. Устроилась с помощью свекрови преподавателем математики в школу рабочей молодёжи при заводе «Серп и Молот», происхождение удалось скрыть. Правда, потом моей бедной свекрови здорово попало за её рекомендацию, но она оправдывалась тем, что и сама не знала всего обо мне. После реабилитации я работала в Саратовском Политехническом институте и в Саратовском институте сельского хозяйства.

В 1952 году родилась Катя. Были споры насчёт имени. Наконец, вопрос с именем был утрясён, хотя моя дорогая свекровь сказала, что девочку по имени она никогда не назовёт! Её можно было понять, она хотела назвать девочку Ольгой в честь обеих бабушек, и это было логично; но уж очень мне не хотелось, чтобы моя дочь повторила судьбу моей матери, Ольги Александровны. Потом, конечно, свекровь стала называть свою любимую внучку Катенькой.

Как-то однажды мы поссорились с Борисом (чего в семье не бывает). Насколько я помню, я была в ужасе от его занятий физкультурой с трёхмесячной Катенькой. Слово за слово, я человек горячий, собрала какие-то мужнины вещи и сказала: «Уходи!» Он поехал домой и по дороге встретил свою мать, идущую на базар.

- Что с тобой, сынок?
- Да вот с Таней поссорился.
- Ну, ладно, иди домой, я скоро вернусь.

Отослав Бориса в родительский дом, она тут же побежала к телефонной будке: «Таня, я ни о чём не спрашиваю, только скажи мне, принимать мне его у себя дома или нет?» Я говорю: «Конечно, Ольга Ивановна, у нас ничего серьёзного не произошло».

Другая бы свекровь: «Ой, мой дорогой сыночек, какая она стерва!» и.т.д. Её заботливый звонок я запомнила на всю жизнь. Конечно, мы с мужем в тот же день и помирились.

Очень хорошим, искренним человеком она была.

Вспоминаю, как она говорила мне в начале нашей супружеской жизни: «Танька, руки у тебя из ж... растут!» Я не обижалась, действительно, я ничего не умела делать и, если потом получала комплименты за то, что быстро и неплохо готовлю, то этому обязана только свекрови. Помню, как с удивлением смотря на своего сына-профессора, она шутила: «И с кем это я тебя нагуляла? Был там, правда, один бывший помещик...»

Все эту шутку понимали, так как более верной и любящей жены, чем моя свекровь, трудно себе представить. Она немного

обижалась на меня, что я не зову её мамой, но я пересилить себя не могла: мама бывает одна.

Моя свекровь с дочерью Надей и невесткой

Я со свекровью Ольгой Ивановной

В 1970-м году мы праздновали с мужем 20-летие нашей супружеской жизни. Мы с ним частенько перебрасывались шуточными стихами. К этому дню я написала такие стихи:

*Было нам с тобой по двадцать,
Вместе, значит, сорок лет.
Жили-жили, не тужили,
Славно жили, спору нет!
Ты по-прежнему мне дорог,
Был и есть в тебе весь свет...
Нам с тобой уже за сорок,
Зато вместе двадцать лет!»*

10 июня 1985-го мы праздновали день нашей свадьбы вместе с днём рождения Бориса в Усть-Нарве. Я подарила ему тогда стихи «собственного производства»:

*35 лет, как пионы слагают нам свадебный стих,
Если бы были миллионы, я отдала бы их,
Я отдала бы за счастье, за ласку, твою доброту.
Если и были ненастья, они потонули в быту.
В светлый твой день рождения в Нарву приехали мы,
И, надо сказать, что везением наполнены эти дни:
Мы избежали аварии, отличен ночлег у нас,
Чайки нас здесь поздравили, и море радует глаз!
Правда, погода не очень, дождь моросит иногда.
В здешней природе, впрочем, солнышко редко всегда...
Будем же мы благодарны за всё, что есть в нашей судьбе,
Будем просить её дать нам здоровья и счастья тебе...*

Борис остро чувствовал пульс времени и часто говорил: «Дожить бы мне до 60, о большем я не мечтаю». Два инфаркта ему тяжело дались. Хотя второй, через пять лет после первого, был значительно легче, здоровья ему не прибавил. Теперь в теннис он уже не играл, но с машиной расставаться не хотел. Пришлось сесть за руль и мне, чтобы подменять его в дороге.

21 января 1987-го года мой дорогой муж скончался от эмболии лёгкого. Он умер очень рано, прожив всего 57 лет.

Мы прожили с мужем около 40 лет, может быть, не всегда «душа в душу»; мы были слишком разные по характеру и темпераменту, но мы по-настоящему любили друг друга, и пусть читатели не сочтут меня наивной, я с уверенностью могу сказать, что всю совместную жизнь мы были верны друг другу.

«Да, такое бывает, редко, но бывает...»

ПИСЬМО МАРИНЕ

Дорогая Мариночка! Мне очень стыдно, что я до сих пор не смогла выполнить твою просьбу вспомнить что-нибудь о твоих родителях и написать тебе об этом. Конечно, помнить-то я всё помню, а вот написать значительно труднее. Почему-то так сложилось, что все свои четыре книжки я написала в Америке у Кати, наверное, потому, что там мне нечего делать, к кухне меня не подпускают (разве что вымыть посуду), и я на всём готовом: гуляю и «строчу» одним пальцем на компьютере. В прошлую зиму я даже взяла некоторые записи и старенькие фото туда и решила, что я уж там, как всегда, что-нибудь напишу для тебя, но случилось в нашей семье большое несчастье: умер отец моего зятя, с которым мы вместе собирались в Америку на 60-летие его сына, Катиного мужа. И поэтому я отложила решение написать что-то для тебя, а написала о нём, об Игоре Васильевиче Жулине - отце Володи и моём большом друге.

Но вот и дошло время и до тебя, моя дорогая щебетунья, уже бабушка...

Я начну с самого начала, с того, как появилась в нашем доме хорошенькая девушка, очень похожая на тебя - твоя мама. Как сейчас я её вижу - блондиночку с «корзиночкой» кос на затылке. Сидят с моей мамой, Ольгой Александровной, за круглым столом в нашей квартире в Саратове и переводят медицинскую статью с английского языка. Моя мама очень любила твою маму, а познакомилась она с ней через профессора Лукову, у которой твоя мама была любимой аспиранткой. Надя (по-домашнему Нана) готовилась к кандидатским экзаменам в аспирантуру на кафедре, которой заведовала профессор Лукова, она же и мамина партнёрша по «винту» (это карточная игра), кроме того, мама занималась математикой с сыном Луковой Вадимом. С ними играли ещё два профессора (кажется, один из них Лунц, другого не помню).

Моя мама (буду называть её для краткости изложения О.А.) очень полюбила твою маму, они подружились и секретов между ними никогда не было. Помню, как-то О.А. сказала мне: «Из Нади получится хороший врач, она вдумчивая!»

Мария Николаевна, твоя бабушка, даже как-то сказала моей маме: «Вы о моей дочке знаете больше, чем я!»

Я тогда была ещё школьницей и пересмотрела все спектакли в ТЮЗе по контрамаркам, которые мне давала Мария Николаевна (она была директором ТЮЗа). И вот однажды, Мария Николаевна с Василием Васильевичем, твоим дедом, отправляются на курорт. Не знаю причины (может быть М.Н. не хотела раннего брака своей дочери, но какой же он ранний, если Нана уже аспирантка!), но почему-то она попросила О.А. как можно чаще бывать в их отсутствие у них дома (по моему, на Цыганской или ул. Челюскинцев), то есть перенести туда занятия английским языком и вообще приглядывать за молодыми людьми, «как бы чего не вышло». Надо сказать, что роман у твоих родителей был к тому времени в полном разгаре.

О.А. сделала всё возможное, чтобы не выполнить просьбу Марии Николаевны, и наоборот, всячески способствовала сближению молодых людей, считая, что для Нади Бондаревой Олег Мишарёв - хорошая партия. С тех пор Олег, Надя и О.А. стали очень близкими друзьями, а в дальнейшем и мы с Борисом влились в эту дружбу.

Итак, Олег с Наной поженились, а потом в 1950-м году поженились и мы с Борисом, и в первой моей книжке «Преодоление» есть плохонькая любительская фотография нашей с Борисом свадьбы, Нана рядом со мной сидит в первом ряду, Олег стоит во втором ряду, второй слева.

Время шло, родилась ты. Выхожу я как-то из Крытого рынка (центр жизни города Саратова) и вижу: сидят твои родители в скверике напротив и «думу думают», как им назвать новорожденную дочку. Я подседа к ним, и мы вместе стали перечислять имена, какое лучше подойдёт к отчеству. Я тогда пошутила: «Сами виноваты, надо было рожать сына!»

Насчёт неблагозвучия - оно тебе не очень-то помешало в жизни. С Катиными инициалами получилось гораздо хуже. Моя дочь Катя – в замужестве Екатерина Борисовна Жулина, и когда сотрудники передавали в институте почту, адресованную ей, а это, как правило, были мужчины (Институт высокомолекулярных соединений в Ленинграде в основном мужской), то при передаче почты специально растягивались ради хохмы её инициалы: «Тут что-то неразборчиво написано: Жулиной Е...Б...»

Катя как-то высказалась нам, её родителям: «Ну что же вы думали, когда так называли?!»

Да, не сообразили, уж очень хотелось девочку назвать Катей.

Вспоминаю в Саратове такую картину: по улице Ленинской идёт очень красивый высокий мужчина, а на руках у него маленькая девочка в красном капюшоне. Не было человека, который бы не оглянулся и не восхитился этой картиной! Это был твой дед Василий Васильевич со своей любимой внучкой Маринкой. Это зрелище у меня до сих пор перед глазами.

В какое-то время мы в Саратове жили летом на соседних дачных остановках. Твои родители снимали дачу на 6-й дачной, а мы на 7-й. Наши дачи разделял большой косогор. Кате было тогда 4 года, а тебе, кажется, 5. Мы с Катей, перебравшись через гору, пришли к вам на дачу. Ты, наверное, приболела, так как тебя не спускали с кровати. Но ты была такая весёлая, ты так прыгала в кровати, держась за решётку, была такая жизнерадостная. Я бы сказала, самозабвенно жизнерадостна, в отличие от моей серьёзной Кати.

Как очутился Минск в наших с тобой биографиях?

В период с 1934 по 1937-й год в Саратове, куда мама была выслана из Ленинграда, у неё была любимая студентка Валечка Долникова. Это была очаровательная девушка. Была у мамы мечта, чтобы кто-нибудь из её сыновей женился на Валечке. Оба за ней ухаживали, но мечты сбываются редко.

Однажды осенью 1937-го, предчувствуя свой арест, мама отвела меня ночевать к Валечке Долниковой. Несколько дней я провела у Вали, а у неё в это время гостил её жених. К сожалению, я забыла его имя, отчество и фамилию. А это был заместитель министра здравоохранения Инсарова (отца Наташи Инсаровой). Валечка вышла за него замуж и уехала в Минск. Вертится в голове имя «Дима», но только он ли Дима, или их сын Дима, не помню.

Во время сталинской кампании под названием «космополитизм» мама была выгнана из Саратовского университета и уехала в Гурьев на Каспийское море, где досаживала свой десятилетний срок её дочь, и моя сводная сестра Соня. После смерти Сталина Валечка с помощью мужа сумела

вытащить маму в Минск. Первое время мама жила у них в министерском доме, где этажом выше жил министр Инсаров. Потом мама сняла комнату на площади Победы.

У твоих родителей к тому времени что-то не заладилось в Саратове с работой и квартирой, и О.А. посоветовала им перебраться в Минск. Сначала приехал один Олег, а затем, когда он устроился на работу как врач и получил квартиру, приехала Нана, тебя пока оставили у бабушек. Олег очень быстро стал профессором, и Надя тоже вскоре защитила докторскую диссертацию по инфекционным болезням. Вот я тебе вкратце, приблизительно описала события, в той последовательности, которую я себе сейчас представляю.

В 1955 году с трёхлетней Катенькой я впервые приехала к маме в Минск. Мама сняла для нас дачу в деревне Раубичи. Это живописное место под Минском с лесом и озером. Всё лето мы провели там. На субботу и воскресенье приезжала мама и с нею много гостей.

У мамы появилось уже очень много друзей и знакомых в Минске. Среди них очень приятная семья Кравцевичей, соседи мамы этажом выше: Владимир Самойлович - военный врач, полковник, его милейшая, похожая на маркизу, жена Зинаида Дмитриевна и дочка Наташа – студентка, с которой мама занималась математикой. Владимир Самойлович только что купил машину «Москвич» и обучал жену вождению, поэтому между ними часто возникали ссоры. Зинаида Дмитриевна мне жаловалась на мужа, встряхивая своими всегда наманикюренными пальчиками: «Танечка, Владимир Самойлович - это просто старая жёпа» («о» она выговаривала как «ё»).

Все были очень приятные люди, и всем было весело.

В это лето я ждала второго ребёнка. Как-то мы с Олегом отстали от всей компании, идущей на озеро, меня затошнило. Олег испугался и как врач спросил: «Что с тобой?» «Пустяки, - сказала я, – беременность». Он с восхищением посмотрел на меня и сказал: «А я Надю уговариваю, но она ни в какую!»

Помню, как-то я с Катенькой была на твоём дне рождения - на ул. Чапаева у родителей Олега. Мария Николаевна работала тогда

директором драматического театра им. Карла Маркса, а до этого она была директором кинотеатра «Победа».

И уж совсем через много лет помню вас с Мишей в Ленинграде перед вашей свадьбой. Он красивый, голубоглазый, абсолютно влюблённый, не отрывая ошалевших от любви глаз, смотрел на тебя, а ты – очаровательная щебетунья - прехорошенькая!

В тот день твои родители пригласили нас с Борисом за месяц на вашу свадьбу, но конкретный срок её был ещё не установлен. Обещали позвонить, свадьба должна была состояться в Ленинграде, но не позвонили... В чём дело, не знаю, может быть, забыли, может быть, им было неудобно, всё-таки это был не их дом, но получилось вот так. А я тем временем долго искала тебе подарок и, наконец, нашла - немецкий кофейный сервиз на шесть персон. Жаль, что так получилось, мы ничуть не обиделись и никогда об этом не вспоминали с твоими родителями, боясь их огорчить. Жаль было только сервиза, он был действительно красив, я его потом подарила на «золотую» свадьбу своим друзьям.

- Марина! Когда ты просила меня написать всё, что я помню о твоих родителях, я тебя предупредила, что не всё там будет «гладко» и приятно тебе.

- Всё равно пишите всё, как было, я вас очень прошу, - сказала ты.

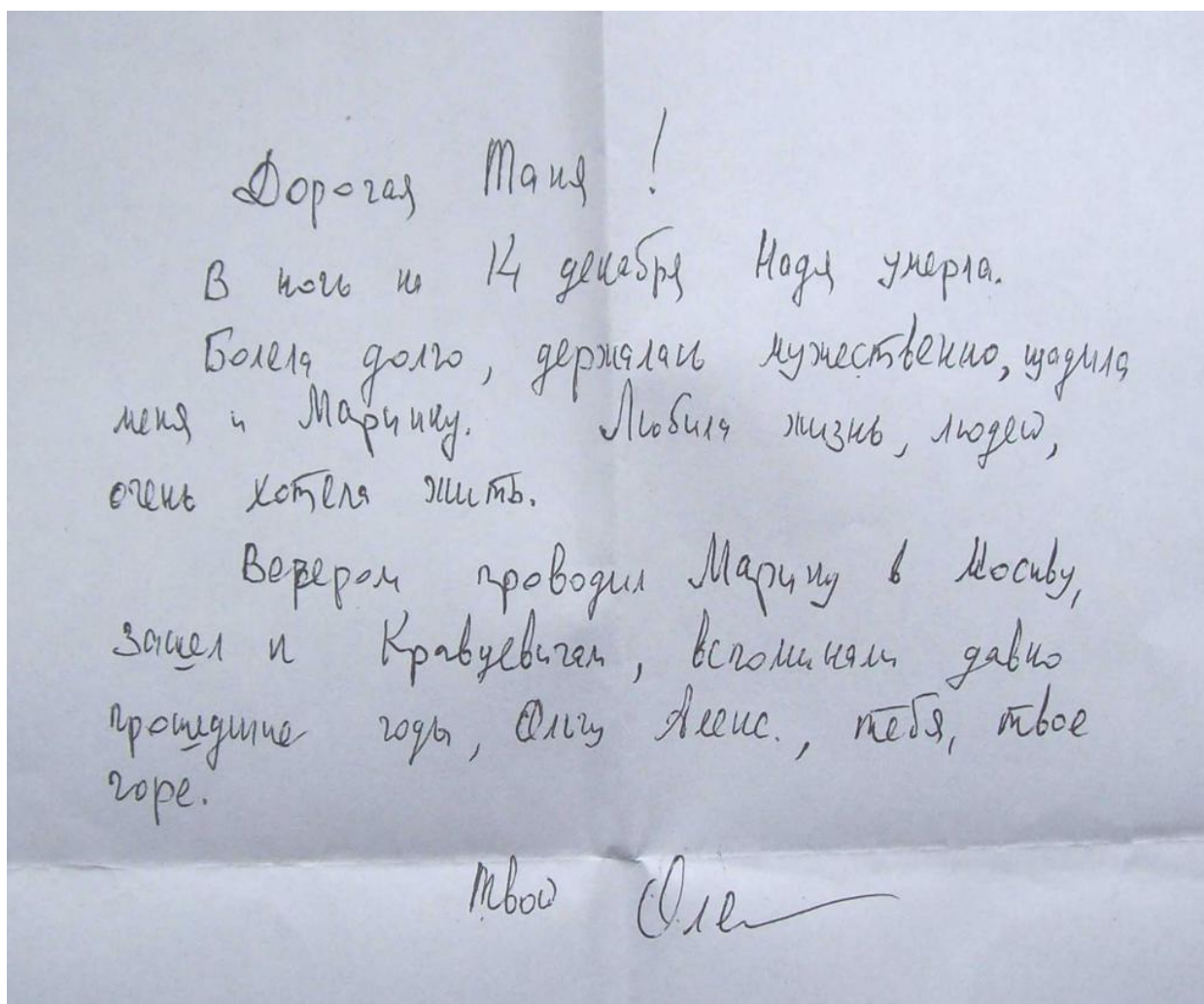
Когда я, наконец, собралась исполнить твою просьбу написать о моих друзьях - твоих родителях, я ещё раз, позвонив тебе в Москву, спросила, писать ли всё.

- Пишите! – сказала ты.

Годы шли, мы не молодели. Мой Борис потихонечку оправляется после второго инфаркта. В это время умирает его двоюродный брат, и я вместо Бориса еду в Минск на похороны. После похорон звоню и приезжаю к твоим родителям на Московский проспект. Это конец 80-х годов. Твоя мама тяжело больна. Я на другой день должна возвратиться домой, но твой отец просит меня задержаться на день, чтобы порадовать Нану поездкой

в Раубичи. Сам едет на вокзал и меняет мой билет. Я остаюсь у них ночевать. Пью чай, я впервые вижу чайные пакетики. Утром едем на машине в Раубичи. Мама твоя совсем слаба, из машины не выходит. Мы с Олегом походили по старым местам. Грустно. Вспоминали, как было молодо и весело...

21-го января 1987 года умер мой муж Борис от эмболии лёгкого, а 19-го декабря этого же года я получила от Олега письмо.

Потом мы виделись с Олегом в Ленинграде, он оперировался в Военно-медицинской академии возле Витебского вокзала, я приходила к нему в больницу. Лежал в хорошей палате, чувствовал себя нормально. Поговорили. Больше мы не виделись.

23 декабря 1994 года (очень трудно разобрать штамп) я получила от него последнее письмо.

Марина, я его сейчас перечитала.

Это - симфония...

Я безумно благодарна ему за это письмо.

Дорогая Маня!

Письмо мое необычно большое. Это связано с тем, что пишу мы друг другу редко. Очень редко. Но я не хочу, чтобы у тебя возникло впечатление, что ты и Ольга Александровна постепенно стали забываться мною и тонкая нить, связывающая нас вот вот оборвется. И еще потому, что я вступаю в последний период жизни и мне хочется рассказать тебе об этом.

Некоторые люди, даже отдельные встречи глубоко врезаются не только в память, но сами, того не ведая, влияют на миропонимание, оценку происходящего, служат примером личности, обладающей ярким "я". Такой отец и дядя Надя и дядя меня В.А. Я все помню — и ее появление в семье умирающего Вас. Вас., и ее работу в прошлой саратовской больнице и многочисленные ее знакомых, и подписанных и ее уроки по самым различным предметам. У меня в памяти и ее клангатор обитая тетрадь в мелкую клетку, где в каждой клеточке разнообразными каракулями было обозначено, что в этом час она должна заниматься...

Перед глазами ее маленький портрет — в мужской манере, полузащелкнутом пальто, не застегнутом переросшим портрелем из которого торчит конец вышивальной скатерти. Хорошо знаю ее судьбу, непреодолимое желание сделать свою большую семью — "Вавилон" Алешу, Сою, тебя.

Окружающих тянуло к ней, она была магнитом, хотя трудно конкретно объяснить, что же на всех тянуло и этой старшей, крестницей одетой женщиной, которую не тревожили заботы и трудности жизни... Она жила в грудах сараев и прикоснувшись к ним была бы счастлива подарком судьбы.

Пробежав глазами старые номера "Наука и жизнь" наткнулась на озеры истории "Ленинградская дача" и угасла

-2-

в этом прощенье. Среди жертв этого страшного времени
несколько раз упоминался проф. Извеков. Ты, конечно, зна-
ла эти строки.

Ну а ты — ты всегда была близко и знакома с Надеей
жизни. Мы, как раньше говорили, симпатизировали друг
другу и жале, что судьба так далеко разбросала нас. И
особенно у нас судьба — потерю Надеи и Бориса.

Тогда идешь. Окрад боль прихвнула. Остаток летнее ощу-
щение, то со смертью Надеи кончилась одна жизнь и нача-
лась другая. Об одиночестве я так и не смог справиться.
Много и успешно работал, сохранил старых друзей, не
было проблем с деньгами. Но все это был фантом. И разумом
я понял, что остаюсь одному мне больше некуда. С Мари-
ной, внуками сложилось теплая близость. Но у них своя
жизнь. Марина приняла свою жизнь интересом Миши. А
он вышел в свои серьезные ученые работы то во Франции,
то в Германии и там и в нашей АН как Лаборатории. К сожалению
близости у меня с ними нет, мы разные по духу люди,
играет роль и моя отцовская ревность — я видел судьбу
дочери иной.

А у меня замечательная внучка
Настя, хороший внук, студент IV курса. Но и у них
своя жизнь и в нее они никого не впускают, тем
более старого и ворчливого деда.

Мы хорошо знаем Натю и Инсарову. Я
тоже знаю ее со школьных лет. Она обдвела
в одно время со мной. Разум подсказал, что

и ей целесообразно соединить наши жизни, нашу
жизнь. Не найду более точного, ясного и очень ум-
ного, рассудочного, определенного как «свехомы». Я переехал
к ней. Предельно внимательна, заботлива, ласкова, умна.
Психологические трудности с ее дочерью. Она
кончила школу. Капризная, эгоистичная. Очень сложные

отношения с матерью. Мне удается остаться с ней в хороших отношениях, хотя это и тяжело. Наряду, что в начале я наведу то, что мне надо - семья, взаимное понимание - все то, что надо старому человеку.

Как я выгляжу сегодня: серый, на голове 18 волос, правый глаз плохо видит, левое ухо плохо слышит, заторы, плохой характер. Последние воспоминания памяти улетучиваются.

Анкету: "Крыша пока не поехала" (счета пошла от Мих. Серг), соображаю хорошо, со мной считаться куда более молодому. Сохранил эмпатию (кроме плотских), интерес и жизнь, нововому, сохраняю стремление посмотреть мир.

Недопустимо долго работал. Будучи честолюбивым сидел на трех кафедрах, лабораториях, добился определенных успехов. Тонкому отдавал кафедры, с этой осеи прекратил работу.

"Терестрабианов". Остался без дел, не испытываю ни зреть ни обид. Примило время. Неожиданно для себя получил одиночество. Нервным остаюсь на даче Натальи, один. Соседей нет. Изредка замыслил единственная в соседней деревне Коровя, закукарекает петух, где то урчит эблоко. Ты знаешь картину Толстого - "Все в прошлом". Это я в кресле. Только вместо раскрытой книжки в руках современная "Философия". Люблю когда мурчит музыка. Сам не пойму в каком я состоянии - то ли полудрема, то ли мысли шевелятся, то ли старческое оцепенение.

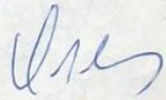
Но это одна часть моей новой жизни. Ее я хочу прерывать визитами в мир. Мы, конечно, за рубежом встречаем многоликих туристов - одуванчиков 60-80 лет оживленно убегающих, что то смышляющих или доминирующих видов вопросах. Это пенсионеры. Первую половину жизни они работали, вторую - живут в свое удовольствие.

С выходом на пенсию я заводил, но временами буду стараться быть таким туристом. "Гелотен полагает..."

Эванди провел проверку своих сил. В начале лета

-4-

по просьбе своего приятеля сел за руль ~~авто~~ "Жигуленка" и
за две ночи (вперемешку сидя за рулем) съездил в Москву
и обратно. Отлежал пока этого три дня по про-
верку (отдаю себе ~~отдаю~~ - безрассудную) выдержку. А пока
этого отправился в Испанию. Выбрал самый интерес-
ный, хотя и самый трудный маршрут - по соборам и
замкам Толедо, Трояны, Севильи и др. Сердце мое
работает от стимулятора, я по всему готов.
Мама моя замечает. Мама что я все помню,
никого не забыл и рад твоим письмам.

Обнимаю

Маринка, целую тебя родная, будь здорова и счастлива!

Привет большой Мише. Я никогда не забуду его слов, когда он меня приобнял у вас в Москве на площади Победы. Я ему сказала: «Ну что тебе за охота обнимать старуху!» «Нет, - ответил он. - Вы не старуха! У Вас глаза горят! А я в этом что-то понимаю».

Маринка, помнишь, когда в Петербурге был саммит «восьмёрки» (это было лет 7-8 тому назад, и ты как врач сопровождала президента Путина), ты забегала ко мне, благо Константиновский дворец не так уж далеко расположен от моего Ленинского проспекта. На мой вопрос, как ты себя чувствуешь в роли жены только что выбранного академика, ты, смеясь, ответила: «Приходится больше мыть посуды: много народа ходит!»

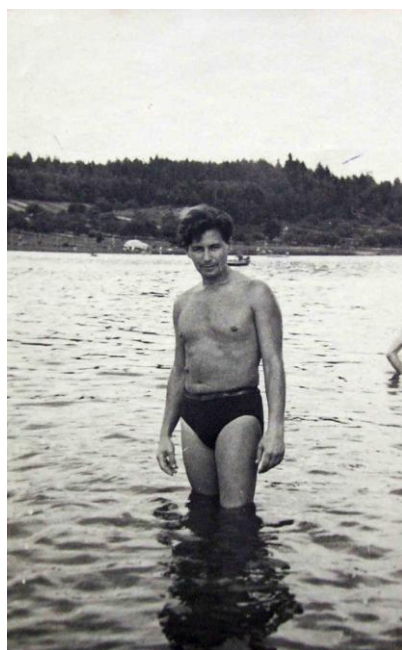
Обнимаю и целую вас обоих!

Спасибо за великолепную фотографию.

Будьте долго-долго такими молодыми и красивыми.

Марина Олеговна Угрюмова – зав. кардиологическим отделением
Кремлёвской больницы.
Михаил Вениаминович Угрюмов – академик РАН, профессор-физиолог

Твой красавец отец (Олег Северьянович Мишарёв)

КАФЕДРА

После возвращения из Саратова в Ленинград я устраиваюсь на работу в Текстильный институт, ассистентом на кафедру математики. Я была очень довольна: институт рядом с Невским проспектом, на улице Герцена. Далековато от дома, ну ничего! От института до метро на Невском минут 15 ходьбы, ехать до станции «Парк Победы», дальше автобусом, которого ещё нужно подождать. На автобусе четыре остановки, затем перейти проспект Космонавтов – и дома. Но зато я в Ленинграде, а за удовольствие надо платить!

Наши с мужем институты совсем рядом. Борис работает на кафедре теоретической механики в Электротехническом институте связи им. Бонч-Бруевича.

На работе всё идёт нормально. Контакт со студентами хороший, в основном контингент женский. У меня первый курс швейников. Пытаюсь заинтересовать их математикой, познакомила с книжкой американского математика Д. Пойа «Как решать задачу». В одной из своих книг Д. Пойа признаётся, что он сам всего на полчаса опережает студентов (это обстоятельство мне очень импонирует), поэтому он даёт действительно хорошие советы для решения задач, даже студенты это оценили. Он пишет, что любую задачу можно решить, если правильно задавать вопросы самому себе.

Мы выбрали из задачника О.Н. Цубербиллер задачу №1112 и попробовали решать её по его методу, задавая себе вопросы. Вот задача: Найти единичный вектор $\vec{P}$, одновременно перпендикулярный к вектору $\vec{A}(3;6;8)$ и к оси абсцисс.

Задаю вопросы я.

Я: «Что спрашивается в задаче, сколько неизвестных в задаче»?

Студенты хором: «Вектор $\vec{P}(x, y, z)$, три неизвестных».

Я: «Чтобы найти неизвестные, какой аппарат надо применить»?

Ответ: «Систему трёх уравнений с тремя неизвестными».

Я: «Правильно, давайте их искать, исходя из условия задачи».

Общими усилиями находим эти уравнения и составляем систему:

$$\begin{cases} (\vec{P}, \vec{A}) = 0 \\ (\vec{P}, \vec{i}) = 0 \\ |\vec{P}| = 1 \end{cases}$$

В принципе задача решена.

Я проработала в Текстильном институте 33 года и почти всегда была куратором одной из групп швейного факультета. Это «Девичье царство». Мальчиков было очень мало, они предпочитали механический факультет. Мне жаль было этих девчонок. Как и где они будут замуж выходить? Обыкновенно все отношения завязываются в студенческом возрасте, я это знала по своему опыту. Девочки почти все были приезжие из других городов и жили в общежитии. Учились они охотно и хорошо, на швейный факультет был всегда высокий конкурс, поэтому поступали в большинстве своём абитуриенты с золотыми медалями.

Отношения со студентами у меня были дружеские. Я сама соскучилась по Ленинграду, поэтому охотно водила их по городу и по его окрестностям. Приведу кусочек студенческой заметки из институтской газеты:

«Наш куратор – Татьяна Борисовна Булах. С 1965-го года она работает в нашем институте. Все эти годы занимается кураторской работой. Наш куратор всегда внимательна к нашим делам, к каждому из нас, всегда в курсе наших начинаний. В нашей группе большинство студентов приехали из других городов, и Татьяна Борисовна часто, особенно на 1-м курсе водила нас на прогулки по Ленинграду. Она очень любит город, хорошо знает его архитектуру, историю. Благодаря ей мы побывали в Доме учёных, в Юсуповском дворце, - все ли ленинградцы там были? Любовались их интерьерами. Благодаря ей мы открыли для себя малоизвестные уголки парков Пушкина и Павловска, например гранитную ванну Екатерины Второй в Баболовском парке в Пушкине. Татьяна Борисовна увлекательно рассказывала нам об истории этой

ванны. Мы вообще часто встречаемся с Татьяной Борисовной вне стен института, бываем у неё дома. В конце марта мы с Татьяной Борисовной собираемся поехать в Таллин. Это будет увлекательная поездка. С нашим куратором не скучно никогда.

Н. Зубарева, 2-ШД-4»

Как-то на 8-е марта одна из моих групп подарила мне фартук, который я очень ценю, берегу и надеваю его только по праздничным дням, когда у меня бывают гости. Секрет в том, что он сшит приблизительно из 20 различных лоскутков разной формы, по числу студентов в группе. Когда девочки мне его вручали, они объяснили это так: «Татьяна Борисовна, мы хотели, чтобы от каждого из нас был лоскут, но у четырёх парней из нашей группы их не оказалось, поэтому четыре «фрагмента» оказались размером побольше, так как пришлось их «пожелания» включить в остальные лоскутки».

Стоит ли говорить о том, что о лучшем подарке мне и мечтать было трудно!

У меня есть альбомы с фотографиями нескольких групп студентов, жаль, что они никому не будут нужны, когда меня не станет.

Пронеслись годы: в 1968-м году в 79-летнем возрасте умирает моя мать. Потом мои болезни и операции. В 1973-м году дочка Катя выходит замуж. Сын Андрей в 18 лет женится, через год расходится, затем опять женится на той же... В 1975-м году рождается мой первый внук Антон, затем второй внук Сергей. Покупается машина. Затем автокатастрофа, последствия которой я переживаю до сих пор. Поправлялась я очень долго, пришлось уйти с должности старшего преподавателя на должность ассистента, так как лекции читать у доски на костылях было трудно. Весной институтский профком выделил мне путёвку в Крым на грязевые источники в г. Саки. Потом в 1978 году был первый

инфаркт у мужа. Очень было тяжелое время. На работе я только отработывала часы и скорее в больницу. Инфаркт был «острый», Борис пролежал в реанимации 45 дней.

В 1979-ом году мне исполнилось 50 лет. Помню, как мой день рождения отмечался на кафедре. Я напекла пирогов и принесла всякой снеди, а вот спиртных напитков не было, время было горбачёвское, уже «безалкогольное». Кафедрой тогда заведовал капитан 1-го ранга Суздаль, оставивший после себя плохую память. Мы его звали «чёрным полковником», на кафедре он так и не прижился, кафедра его отторгла.

Глядя на красиво накрытый стол, доцент Владимир Фёдорович Проскура с грустью произнёс: «К этой закуске бы, да и...» Безалкогольная политика, может быть, и неплоха, только не для нашей страны, менталитет не тот!

Меня иногда упрекают, что я мало пишу о своей работе, о кафедральной жизни, о товарищах по работе. Нет, я не могла бы жить без работы, без общения со своими кафедральными сослуживцами. Мой покойный муж был профессором, заведующим кафедрой в институте, и ещё работал на половинной ставке старшим научным сотрудником в Академии наук, наверное, я могла бы позволить себе не работать вообще, имея двух детей и сама ведя хозяйство. Но другой жизни я себе не представляла.

Я очень любила и люблю свою кафедру, проработав на ней 33 года. Может быть, я была слишком занята своей семьёй, не вдаваясь в подробности кафедральной жизни, может быть, существовали какие-нибудь подводные течения, которых я не замечала, но право же, не говоря о том, что я за 33 года работы на кафедре ни с кем не поссорилась, я даже не заметила, чтобы кто-нибудь из членов кафедры кому-нибудь что-либо неприятливо сказал.

Наша кафедра, кафедра математики Ленинградского Текстильного института, а затем Университета Лёгкой промышленности и Дизайна, отличалась истинной интеллигентностью, и я этим очень горжусь.

Я думаю, что высокая планка, которую держала наша кафедра, кроме высокого профессионализма сотрудников, объясняется ещё и составом кафедры - приблизительно на две трети из мужчин

(предмет зависти со стороны женщин других кафедр), а мужчинам, как известно, склоки не свойственны.

А насчёт самого процесса работы, если я о нём подробно не пишу, так ведь он из года в год мало чем отличался (иногда полегче, иногда потруднее), должность у меня была самая скромная, науку я не двигала вперёд, её и без меня было кому двигать, диссертаций я не защищала и всю свою жизнь прожила счастливым «отражённым светом», гордясь сначала своим отцом, потом талантливым мужем, затем своими детьми и внуками, а теперь и правнуками, так что гордости мне на мой век хватит!

Как-то я заболела, и меня пришли навещать студентки из моей кураторской группы. У меня в тот момент не было чистой скатерти, когда мы собрались пить чай. Я достала из шкафа новую, не бывшую в употреблении простыню, и, постелив её на стол, сказала: «Девочки, вы все живёте в общежитии, напишите каждый что-нибудь на ней, затем вышейте, мне будет хорошая память о вас». Так и сделали. Через год они принесли мне «скатерть». Они даже по краям мережку сделали, чтобы простыня была похожа на скатерть.

Я этой скатертью очень дорожу, использую только в праздничные дни, накрывая её прозрачной клеёнкой. Должна сказать, что это не моя идея. Такую скатерть в своё время вышила моя мама в деревне Ануфриево во время войны.

Надписи студенток на скатерти:

- 1) Отдавая, обретёшь.
- 2) Не желай невозможного
- 3) Человек без греха, это не человек.
- 4) Не силен тот, кто радости просит, только гордые в силе живут.
- 5) Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены.
- 6) Верность в счастье, верность в беде.
- 7) Если нельзя, но очень хочется, то можно.
- 8) Нет у человека врага большего, чем он сам.
- 9) Не надо всё принимать близко к сердцу, ведь если примешь, захочется удержать, а удержать ничего нельзя.
- 10) Не позволяй душе лениться...
- 11) Думай о лучшем, готовься к худшему.
- 12) Жизнь – улыбка, даже если по лицу текут слёзы.
- 13) Ребята, давайте жить дружно!
- 14) Весну любят все, а осень только страдавшие.
- 15) «И жизнь хороша, и жить хорошо!!!
- 16) Пусть всегда будет солнце!
- 17) Всё лучшее впереди.
- 18) Счастья для всех.

19) Моя подпись: $\int e^x dx$

На углу скатерти:

Татьяне Борисовне Булах

От 3 – ШД – 4

1982 г.

Кафедра не только хорошо работала, но и интересно и весело отдыхала. Отмечали все праздники: ноябрьские, майские, новогодние, 23-е февраля с 8-м марта вместе, окончание учебного года, а если к этому прибавить юбилейные даты сотрудников (а их 35!), то читатель поймёт, что жизнь на кафедре была интересной и насыщенной.

Помню, когда я впервые стала бабушкой, а было мне 46 лет (муж шутил: «Ну ладно, я дед; но что моя жена - бабушка, мне это как-то не очень...»), я получила поздравление от кафедры:

*Баба Таня! Дорогая!
Вас сердечно поздравляем
И желаем много лет
Сохранить девичий цвет
Щёк и ярких губ улыбку,
Стройный стан изрядно гибкий!
Блеск цыганских Ваших глаз
Никогда чтоб не погас!*

Праздник 8-го марта готовили мужчины, но так как мы, женщины, задним числом поздравляли их с мужским праздником 23 февраля, мы тоже приносили из дома закуски (цветы, шампанское, напитки и сладкое были от мужчин). В ответ на их поздравление было и наше:

*Спасибо дорогим мужчинам,
Что в женский день, в который раз
По установленной причине
Вы поздравляете всех нас.*

*Мы вместе с вами год от года
Листаем дни календаря,
И незаметно жизнь проходит
Рабочим дням благодаря.*

*Мы с каждым годом не моложе,
И вы не те, и мы не те,
Но вёсны, как всегда, похожи,
И радуемся мы весне.*

*Она, лукавая, прекрасна
Сулит надежду и любовь,
Отлично знаем, что напрасно,
А всё ж надеемся мы вновь!*

*И в день весны, 8-го марта
В ответ хотим сказать и мы,
Что ценим вас, гордимся вами,
К вам уважения полны;
Что любим вас и понимаем,
Желаем счастья без кручин.
Бокал с шампанским поднимаем
Мы за здоровье мужчин!*

Помню, праздновали 70-летие нашего профессора Александра Ильича Векслера. По этому поводу мною было написано и прочтено шуточное поздравление:

*Когда Вам было 48
Я, помнится, писала Вам:
«Мне бы ваши 48, я бы знала, как мне быть,
Ну, а Вам диету бросить, пить вино и дам любить!»*

*Советам ли моим Вы вняли,
Но несмотря на все года
С тех пор стареть Вы перестали,
А промелькнуло 22!*

*Не знаю как насчёт диеты
И дамские мои советы,
Но, видно, явно помогло
Сухое красное вино!*

*Вот племя наше постарело,
А Вас и время не задело...
Вы молоды и это – факт.
Вы наш живой «инвариант»!*

*И пусть Вам жизнь не ставит мат,
И пусть она не ставит пат.
Дарю хорошую Вам дозу –
Гарант от скуки и склероза (шахматы).*

*Давайте бросим дружный клич:
«Будь молод и здоров Ильич!»*

В 1987-м году я овдовела. Насколько такой период жизни тяжёл после 40-летней счастливой семейной жизни, каждый поймёт. Спасала работа и поездки на Охту в Катину семью. Моя кафедра проявила много такта и тонкого понимания моего горя. Не было словесных сочувствий, от которых я разрыдалась бы, кто-то молча совал в карман конфету, многих с моей кафедры я заметила на похоронах.

Тяжелая морозная зима медленно проходила. Постепенно притуплялась душевная боль. Этому способствовала полная нагрузка на работе и то, что у меня появилось больше времени для моих внуков. Третьему внуку Васеньке шел 4-й год. Это был совершенно очаровательный ребёнок, умненький, весёлый, смелый, очень контактный. Антоша старше Васи на 8 лет, очень привязан к братику. Я теперь могу немного помочь дочери, у меня стало больше свободного времени.

Зимой 1989-го года Катя защищает докторскую диссертацию. Она физик-теоретик. Это было радостное событие. К сожалению, Борис не смог порадоваться успехам дочери. В этом же году Вася пошёл в первый класс, Антоша соответственно в 9-й. В 1990-м году Катю приглашают работать в Германию на два года. Дети оставались с зятем Володей, я попросила на работе только утреннюю нагрузку. Теперь я после работы ехала на Охту, в Катину квартиру, встречала детей из школы, варила обед и после возвращения Володи с работы уезжала домой. Выходные дни Володя брал полностью на себя.

После Германии Катю приглашают работать в Голландию и туда же переезжают Володя с Васей. Антон, студент 3-го курса Политехнического института, живёт у меня на Ленинском проспекте.

Мне теперь живётся легче, не надо ездить на Охту. Можно больше уделять внимания работе и своей любимой кафедре. Вспоминается один эпизод из моей преподавательской практики. Как-то раз мы с Валерием Захаровым вели параллельно практические занятия у вечерников. Захаров – очень способный молодой математик, бывший аспирант профессора Векслера, кандидат физико-математических наук, очень скоро ставший доктором наук и приглашённый впоследствии в качестве профессора в Московский государственный университет. В перерыве гуляем с ним по институтскому коридору, он мне говорит:

«Татьяна Борисовна, сейчас мне надо начинать со студентами дифференциальные уравнения второго порядка с правой частью, я могу решить любое уравнение, но как им лучше объяснить, как их надо решать, я не знаю». Я ему: «Валера, ты погуляй минут 10-15, я им объясню, потом будешь с ними примеры решать». Так и сделали. Только я в своей группе предварительно дала задание для самостоятельной работы. Это я к тому, что пусть одни двигают науку, а другие - практику.

Кафедра у нас была на редкость дружной и сплочённой. Я очень благодарна ей за всё хорошее, за то, что она всегда мне во всём шла навстречу – и моим радостям, и моим горестям. Я бы никогда в свои 67 лет не ушла на пенсию, меня никто не гнал, если бы не подкрадывающаяся глухота, мешающая мне нормально общаться со студентами. Я всегда чувствовала поддержку кафедры. Помню, когда родился Васенька, а это было в 1983–м году, я получила поздравление от кафедры в стихах:

*Трижды бабка – наша П.Б.
Завидуйте все прекрасной судьбе!
А мы в надежде, коль честно сказать,
Со славной прабабкой ещё поплясать!*

Все праздники и юбилеи сотрудников проходили на кафедре очень весело, интересно и с юмором. Например, праздновался юбилей милейшего человека, большого моего друга, доцента Владимира Фёдоровича Проскуры. Я во время застолья прочитала ему своё стихотворение, извинившись предварительно, что не могла придумать другой рифмы к его фамилии кроме слова «дура»:

*Я решила сдуру
Попросить Проскуру,
Попросить Проскуру
Починить мне шкаф.
Обещал Проскура,
Но оставил «в дурах»!
Не пришёл Проскура
Починить мне шкаф.
Где же ты, Володя?
Где ты колобродишь?
С кем ты хороводишь,
Позабыв о нас?
Будешь ждать Проскуру,
Станешь круглой душой,
Будешь круглой душой -
Так сказал мне шкаф.
Жалко мне Проскуру
И себя жаль, дуру,
И, конечно, жаль мне
Сломанный мой шкаф.
Но, теперь Проскуру
Я не жду, как дура...
Вариант нашла иной,
Чинит шкаф доцент другой!*

Через некоторое время перед очередным заседанием кафедры профессор Андрей Львович Сазонов «пристыдил» меня, прочитав свои стихи. В отличие от меня он нашёл 16 рифм к фамилии Проскура!

*П.Б.Б.: «Другой я рифмы не нашла»
(Из тоста на заседании кафедры)*

*Нет, Татьяна, Вы не дура!
Старый шкаф из гарнитура
Весь покрытый политурой,
Пот, что должен был Проскура
Протирать специальной шкуркой
Видно вместо физкультуры!
(Здесь для полного ажюра
Вставляю рифму «фурнитура»).*
*Ну так эта процедура
Вам нужна, чтобы Проскура
Знал про Ваши шуры-муры,
Что доцент Вам строит куры!
Ох, уж женская натура!*

Или, например, к юбилейной дате Андрея Львовича Сазонова, у которого день рождения 13-го февраля, но я «ради красного словца» пишу ему послание в стихах в «День влюблённых» 14-го февраля:

*В день Святого Валентина
(С опозданием на сутки!)*
*Я решила Вас поздравить
И совсем не ради шутки!
Почему в день Валентина,
Днём не позже и не ране?
На то – веская причина,
Привожу её заране...
Да не трудно догадаться,
Все же знают, в день влюблённых
Легче нам в любви признаться,
Возрастом обременённых!!!*

*Если же учесть и возраст,
Хоть «любви покорен он»,
То порыв не в день влюблённых
Показался бы смешон.
Почему же «под сурдинку»
Не признаться Вам в любви?
Вам признанья не в новинку,
И от опытной души
Среди женской вереницы
(Всех от ревности кляня)
В «Дон-Жуанский список» нынче
Запишите и меня!
Запишите мелким шрифтом,
Знаю, мест свободных нет!
Запишите сбоку, выше...
Я ЛЮБЛЮ, Я ШЛЮ ПРИВЕТ!!!*

Видно, моё послание не оставило равнодушным Андрея Львовича, и он опять талантливо мне ответил:

*Такое послание в день Валентинов!
Азартно опять стучит сердце заснувшее.
Надежды, мечты – и ушло равнодушие!
Ярчайшее солнце – нет тьмы паутины!*

Не могу не рассказать о своём главном друге на кафедре, о доценте Игоре Ивановиче Ендовицком, о самом строгом преподавателе, о человеке нежнейшей души.

С Игорем Ендовицким у нас сорокалетняя дружба (везёт мне на мужскую дружбу), наверное, потому что много общего в характере и во вкусах. Мы оба обожали Есенина. Он наизусть знал мою любимую поэму «Анна Снегина». Наши дачи находятся в одном посёлке на Приозерском направлении, и мы часто с ним даже зимой ездили туда и там на скамеечке возле нашего великолепного озера читали наперебой стихи нашего кумира. Его жена Альбина не

любила, да и не могла из-за ежедневной изнуряющей работы ездить с нами. Она работала врачом-офтальмологом в поликлинике, известно, что такая специальность врача – самая востребованная. Специфика же нашей работы позволяла нам с Игорем выбираться за город по будням. Игорь очень любил и жалел свою жену, я никогда среди своих друзей не встречала более нежной пары и с благодарностью вспоминаю его оценку нашей с ним дружбы, когда он говорил о том, что я – второй человек для него после жены.

Для студентов Игорь Иванович был «грозой», для сотрудников просто Игорь. В сущности, это был очень скромный человек с нежной душой, имеющий пристрастие к своим дифференциальным уравнениям, к большому теннису, к поездкам на дачу, на природу. Но, наверное, главным для него была нежнейшая и заботливая любовь к своей жене.

Для меня же он был ещё «палочкой-выручалочкой». Я всегда могла проконсультироваться у него по всем вопросам математики, для меня это было очень существенно, так как я в ту пору жила одна: ни всезнающего моего мужа, ни умных моих детей рядом со мной не было.

К большому сожалению, этот светлый человек ушел рано.

К какому-то Новому году я написала ему поздравление с эпиграфом из Анны Ахматовой «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда»:

*Наверно, сор не тот и голова не та...
Для друга верного придумать не могу
Двух строк... Сплошная маята!
Такого не желаешь и врагу!
А хочется сказать и то и это,
(И «this and that») и многое ещё...
Ох, трудно мне, не будучи поэтом,
В талантах явный тут просчёт.
Но в Новый Год поздравить надо,
И несмотря на потуги свои,
Всем сердцем я тебе, Горюха, рада
Желать здоровья, счастья и любви!*

*С тобою годы дружбы я коплю
И накопила... жизни половину,
Теперь скажу, что я тебя люблю...
И буду «продолжать», пока... не сгину!*

В связи с этими виршами вспоминается следующий эпизод. В мае того же года в мой день рождения Владимир Фёдорович Проскура сделал мне драгоценный подарок. Не стесняясь присутствующих гостей, он встал и первый предложил тост за моё здоровье с такими словами: «Мне 75 лет, я уже всё могу сказать, что хочу: я Вас люблю». Конечно, его слова не были новостью для меня, женщина всегда знает, кому она нравится. Но такая определённости и мне была внове, тем более что эти слова были сказаны не в шутку. У всех, сидящих за столом, немного «отвисла челюсть», а я подошла к нему и поцеловала его. Не всякой женщине, в её 72 года, достаётся такой роскошный подарок.

Итак, семья моей дочери с 1995-го года в Америке и я живу одна. Это было непривычно и даже тягостно на первых порах.

*Иногда такая грусть накатит,
И сама не знаю почему,
Но услышу телефон, и Катя,
Словно солнце, разгоняет тьму!*

Но работа – искусный лекарь, и друзья помогают справиться с одиночеством. Да и сын мой, Андрей, иногда навещает меня. На работе мне всегда комфортно – и со студентами и с преподавателями:

*Ведь кафедра родной была
В течение многих лет,
Она свидетелем была
И скорби, и побед.*

*Спасибо ей! Она всегда
Умела рядом быть,
И что греха таить, невзгоды
С ней легче было пережить.*

Как всегда, отмечаем дни рождения, юбилеи и праздники на родной кафедре. Шуточное поздравление, например, одному из членов нашей кафедры:

*30 лет мы работаем вместе
Такой срок для работы – век
И должны мы признать без лести:
Замечательный ты человек!
Сколько было всего в это время,
Много радостей и потерь.
Приходило новое племя,
Уходили друзья, но поверь,
Никогда тебя без улыбки
В коллективе не видел никто,
Джентльмен в отношениях «до нитки»,
Дамам ты подаёшь пальто!
Словом, ты настоящий мужчина,
Состоящий из мужа и чина.
Чин прекрасный судил тебе Бог,
Да и муж ты, наверно, не плох..
Я сегодня в твой юбилей
Мы хотели б обнять поскорей
И сказать: никого нет милей,
Нет красивей тебя, наш Андрей!*

Читатель видит, что я пересыпаю своё повествование кое-где немудрящими, «домоткаными», где-то шутливо-ироническими стишками. Наверняка они даже не заслуживают критики, но право, это по моему интереснее читателю, чем, если бы я писала о том,

при каких условиях интегральная сумма стремится к пределу и что называется определённым или неопределённым интегралом.

Самое интересное в том, что как только я начала «писать прозу», у меня совершенно атрофировалась способность придумывать какую-либо рифму. Бог дал, Бог взял. Поэтому я кое-что и цитирую из прошлой жизни. Вот и получается моё жизнеописание некоторой пародией на роман Пастернака «Доктор Живаго».

В феврале 1996 года я пишу своё последнее шуточное поздравление мужчинам нашей кафедры, так как 1-го сентября этого года после тяжёлой операции по поводу холецистита, панкреатита и перитонита (всё в одном флаконе) я уйду на пенсию в 67 лет с 50-летним стажем работы, проработав на кафедре математики Текстильного института 33 года. Я уйду ещё и потому, что прогрессирует моя наследственная глухота, создающая определённый дискомфорт в моих отношениях со студентами.

*В спортивный год Олимпиады
С февральским днём поздравить рады
Мы наших дорогих мужчин:
Чтобы жилось им без кручин,
Желаем всяческих им благ,
Не допускать в работе брак,
Начальства чтоб без укоризны,
Здоровья всем и счастья в жизни,
О кафедре радеть, беречь её, лелеять,
Искоренять плохое, добро сеять,
Собрать хороший урожай
Без сплетен, ссор, чтоб в душах Май
Расцвёл весенними цветами...
О кафедре и мы печёмся сами
Ей от души добра желая
Ведь мы её ½ (и притом «лучшая»!)*

Вот так мы развлекались на кафедре, ну а учебный процесс шёл своим чередом, как ему и полагается идти. Всё было, насколько я

помню, в порядке. Во всяком случае, серьёзных нареканий со стороны начальства и студентов не было. Конечно, в сессию, как и положено, было много доек, но это говорило о требовательности преподавателей, никто из нас не считался со своим личным временем, и помощь студентам в виде добавочных консультаций и дополнительных занятий всегда была обеспечена.

Мои друзья – сослуживцы
(слева направо Проскура Владимир Федорович, я, Сазонов Андрей Львович)

Часть коллектива кафедры

P.S.

Вспоминается один случай, о котором я сейчас расскажу. Я этот крохотный рассказ назвала бы «Гусарской балладой», если

мне будет позволено немного изменить фамилию героя. Случай произошёл со мной спустя годы после моего ухода на пенсию на 80-летнем юбилее моего кафедрального друга, почётного профессора Андрея Львовича Сазонова.

Празднество проходило в главном здании нашего института на улице Герцена. Я припоздала к началу и присела в конце длинного стола. Накануне у меня была договорённость с одной из сотрудниц нашего института, что она передаст взятую у меня книжку с моими мемуарами через кого-нибудь из сотрудников нашей кафедры, кто будет присутствовать на юбилее А.Л. Сазонова. Народа на юбилее было много, не только наша кафедра. Наш институт является институтом лёгкой промышленности, и поэтому он связан со многими предприятиями аналогичного профиля. Наискосок от меня в середине стола я увидела женщину с нашей кафедры, делающую мне рукою какие-то знаки. Я поняла, что это насчёт моей книжки, и тоже показала ей знаками, чтобы она возвратила её мне. Книгу надо было передать через стол, и она попала в руки к одному мужчине, через одного человека от меня. Он пробежал глазами аннотацию, полистал и, поняв, что книгу надо отдать мне, спросил у меня: «Где можно купить?» «Нигде, издана давно, в 2007 году, тираж маленький» - ответила я. «Тогда продайте мне её» - попросил он. «Не могу, у меня их уже нет» - ответила я. Рядом со мной стоял свободный стул, на котором стояла моя раскрытая сумка. Герою моего рассказа надо было выйти из-за стола, чтобы пройти к юбиляру с поздравительной речью. Проходя мимо меня, он бросил туда розовую купюру, так и не возвратив мне мою книжку. Я тогда даже пожаловалась соседям за столом: «Неужели моя книжка так мало стоит!», имея в виду сторублёвую бумажку... Возвратившись на своё место и не о чём меня не спрашивая, он сказал, кинув мне свою визитную карточку:

«Подпишите, пожалуйста, книгу...»

Если сказать честно, меня тронуло, что он так добивается моей книги, хотя и весьма нахально. Ладно, думаю я. Раз так человеку хочется, бог с ней, с этой сторублёвкой, подпишу. Он тут же

покинул помещение, соседи по столу сказали, что ему надо далеко ехать домой, чуть ли не до самой Финляндии. Я тоже вскоре вернулась домой. Раздеваясь дома в прихожей, я заинтересовалась его визитной карточкой.

Взгляд мой упал на брошенную розовую «бумажку»...

К моему ужасу это была пятитысячная купюра. Я стала звонить по указанным на карточке телефонам. Городской не отвечает, мобильник ответил.

Я: «Юрий Михайлович, Вы бросали мне в сумку пятитысячную купюру?»

В ответ молчок.

Я опять: «Скажите, да или нет?»

Ответ: «Я Вас обидел?»

Я: «Моя книжка стоит от силы 220 рублей, по такой цене она продавалась в доме книги на Невском, как мне вернуть сдачу?»

Ответ: «Татьяна Борисовна, я за рулём, не могу разговаривать».

В дальнейшем, были ещё телефонные разговоры с ним с моей стороны, но на все мои вопросы - не ошибся ли он, ответ был один:

«Ради Бога истратьте эти деньги поскорее и не держите на меня зла».

Короче говоря, уже, наверное, года три прошло, как эта «пятёрка» с его карточкой лежат у меня в шкатулке. Сейчас кончаю писать пятую книжку и хочу, наконец, употребить её в дело, в дело напечатания последней моей книги. Как только книга будет напечатана, *Гусарову* Юрию Михайловичу будет выслан первый экземпляр, уже «оплаченный!!!» им.

2015 г.

ЛЕОНИД ВИТАЛЬЕВИЧ КАНТОРОВИЧ

Праздновался шестидесятилетний юбилей Семёна Иосифовича Винокура, заведующего кафедрой теоретической механики Электротехнического института связи им. Бонч-Бруевича, на которой работал мой муж. Мы с мужем были приглашены, празднование происходило в ресторане «Метрополь». Я оказалась сидящей рядом, как потом выяснилось, с академиком Леонидом Витальевичем Канторовичем, лауреатом Нобелевской премии. Конечно, мы познакомились и разговорились.

Я и раньше слышала, что он имел какое-то отношение к кому-то из членов нашей кафедры, и меня не удивило, что он, узнав, где я работаю, начал расспрашивать меня о составе кафедры. Я стала перечислять, дошла до фамилии профессора А.И. Векслера. «А! Это «К-пространства»!» - воскликнул он. «А что это такое, «К-пространства?» - поинтересовалась я в простоте душевной, вместо того чтобы сделать умное лицо. «Спросите у Кошелева», - посоветовал он. Мне не надо было спрашивать у Кошелева, мой умный муж, который сидел далеко от меня, всё мне потом объяснил.

Среди прочих членов нашей кафедры я назвала одну женскую фамилию, он как-то дёрнулся и посмотрел на свою жену, сидящую наискосок напротив, не прислушивается ли она к нашему разговору. Но в это время юбиляр начал произносить свою тронную речь, и наш разговор оборвался. Было очень интересно слушать С.И. Винокура. Оказывается, Л.В. Канторович был его сокурсником (кстати, Канторович окончил университет в 18 лет).

«Был случай», - продолжал юбиляр, - «когда никто из студентов не мог взять интеграл, подошли к Лёне Канторовичу. Он взял этот интеграл, но дошел до интеграла $dx/\cos^2 x$ и сказал: «Дальше не знаю!» - закончил юбиляр. «А я только это и знаю!» - шепнула я Леониду Витальевичу, имея в виду этот табличный интеграл.

Далее были всякого рода тосты, а затем Л.В. пригласил меня потанцевать. Мы долго разыскивали танцевальный зал (банкет был в отдельном кабинете).

«А кто это за нами всё время ходит?» - спросил Канторович. «Это мой муж», - сказала я. «А как его фамилия?» - «Борис Михайлович Булах» - «Где-то слышал эту фамилию». Я рассказала, что мой муж - профессор-гидромеханик, работает на кафедре у С.И. Винокура, и потому я здесь.

Видно, мы здорово были навеселе, если я через несколько недель академика Канторовича не узнала. А было это так. Надо было послать редкое тогда лекарство (кокарбоксилазу) в Саратов профессору Фальковичу. Потом уже, спустя годы, это лекарство перестало быть дефицитом. Замечу: в создании нашей кокарбоксилазы, в отличие от польской, участвовал наш друг – профессор Самсонов.

В лекарстве была острая нужда, и надо было скорее его переправить, поэтому я поехала в аэропорт, чтобы с подходящим человеком отправить его в Саратов. Вижу: сидит приличный человек с портфелем, подхожу к нему. «Вы, случайно, не в Саратов летите?» - спрашиваю. «Нет, только что прилетел из Новосибирска», - отвечает он. Смотрим друг на друга. «Мы ведь с Вами встречались где-то». Тут и я его вспомнила, посмеялись. Я говорю: «Вижу, приличный человек, с портфелем, а мне надо передать лекарство в Саратов, на такого можно положиться, передаст».

«Я жду машину, могу Вас подвести обратно», - предложил он. «Я попробую сейчас поискать оказию, и если успею, с удовольствием поеду с Вами, мне как раз надо в институт, мы сегодня с Кошелевым принимаем экзамен у заочников. А что такое «К-пространства», я уже знаю, это – пространства Канторовича, то есть Ваши! И мне совестно, что узнала об этом так поздно».

Я нашла человека, с которым отправила лекарство, и как раз машина для Канторовича подошла. Меня подвезли к институту, я предложила ему подняться к нам на кафедру (мол, знакомых встретите), но он отказался.

Кстати, А.И. Кошелев – бывший аспирант Л.В. Канторовича.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КОШЕЛЕВ

Когда в 1965-м году я устраиваюсь на работу в Текстильный институт на кафедру математики, меня оформляют временно на должность ассистента. Зав. кафедрой Александр Иванович Кошелев в заграничной командировке, но учебный год на носу, а кафедра нуждается в ассистенте.

Осенью, к началу учебного года Александр Иванович вернулся из Каира. При моём оформлении на постоянную работу я честно его предупредила, что научной работой заниматься не буду, пусть об этом знает заранее. Он очень удивился: «Вот это да! Обыкновенно, когда людей берут на работу, они многое обещают, а затем ничего не делают. Я Вас обязательно возьму». Видно, моя откровенность ему понравилась.

На ноябрьской демонстрации наша колонна оказалась в районе Мариинского театра, мы шли рядом с ним, и я ему призналась: «Где-то здесь, в школе №239, уже третий месяц учится моя дочка, а я, к стыду своему, не знаю, где эта школа находится». Он с интересом посмотрел на меня: «Пойдёмте, я её Вам покажу».

Надо сказать, что Катя без родительского ведома перешла в эту школу, уйдя из английской, в которую отец отвёл её, пока я завершала квартирные дела в Саратове. О своём переходе в физико-математическую школу №239 она рассказала нам постфактум: «Меня директорша уговаривала не уходить, говорила, что я иду на золотую медаль, но я ей ответила, что золотую медаль я, может быть, и получу, а физики знать не буду». Нам с отцом возразить было нечего, стать физиком – её решение с 6-го класса, после того как бабушка Ольга Александровна подсунула ей книгу Дж. Орира «Популярная физика».

Проходя по Лермонтовскому проспекту, я впервые вижу ленинградскую синагогу. На низкой паперти сидят два бородатых еврея в ермолках. «Хотите зайти в синагогу?» - спрашивает шеф. «Конечно, хочу!» - отвечаю я. Мой шеф подходит к старым евреям и разговаривает с ними по-еврейски. Вернувшись, говорит, что у них нет ключа. Я в полном удивлении: «Вы, Александр Иванович Кошелев, говорите на еврейском языке!»

Он: «А что тут особенного, меня воспитывала бабушка, а она ни одного русского слова не знала».

Далее он продолжал так: «Мне в Каир сообщили, что на мою кафедру взяли русского ассистента, чему я очень обрадовался, так как меня обвиняли в том, что у меня на кафедре слишком много евреев, но потом я увидел Вас и понял, что радость моя преждевременна».

Обменялись любезностями, нечего сказать. До школы мы дошли, а потом догнали свою колонну...

Вечером была кафедральная вечеринка у одного из наших сотрудников, Р.М. Свидерского. Я была впервые на таком мероприятии. Все крепко выпили, и уже была пора уходить, чтобы вовремя успеть на метро, но шеф меня всячески удерживал, обещая довезти домой на своей привезённой из Каира «Волге». По воспоминаниям одной нашей сотрудницы я будто бы сказала: «У меня дома муж, неизвестно, как он на всё это посмотрит, я им дорожу, профессора на дороге не валяются», и мы втроём (я, ещё одна сотрудница и Игорь Ендовицкий) ушли. Мы все трое были «хороши», а для меня это было «боевое крещение». Уже внизу в метро Игорь Ендовицкий достаёт из бокового кармана бутылочку коньяка, три маленьких стаканчика и предлагает нам втроём выпить на брудершафт, что мы и сделали.

С тех пор Игорь Ендовицкий стал моим большим другом, и он был единственным мужчиной на кафедре, с которым я была на «ты». Позднее мы подружились семьями. Борис (мой муж) играл с Игорём в теннис, а его жена Альбина вспоминает, как впервые я её представила своим гостям: «Это Аллочка, жена «моего» Игоря». Уже девять лет прошло, как нет нашего дорогого Игоря (он пережил моего Бориса на 18 лет), с Аллой нас связывает тесная дружба и счастливые воспоминания.

Итак, мы живём на проспекте Космонавтов, наслаждаемся своей новой, полученной от Электротехнического института связи квартиркой и принимаем гостей. Побывал у нас и А.И. Кошелев с женой Галиной Даниловной. Галина Даниловна произвела на нас с Борисом очень хорошее впечатление, она только что вернулась из Парижа, где работала переводчицей. На ней было красивое чёрное

платье, и вообще она выглядела светской дамой по сравнению со мной, провинциалкой. Наверное, ей было нелегко с таким непредсказуемым мужем, но брак их оказался на редкость долгим и прочным.

Рассматривая пластинки и обнаружив пластинки «Beatles», он очень удивился: «Откуда?» «Купила» - сказала я. «Где?» – воскликнул он. Пришлось рассказать историю покупки.

Перед Новым 1966-ым годом, был Катин день рождения. Я слышу такую речь: «Мама, скоро мой день рождения, я позову ребят в гости, а у нас такие старые, уже не модные пластинки». Я говорю: «Катюша, а что модно?» Она: «Битлз».

«А что это такое?» - спрашиваю я. Она: «Это - группа четырёх певцов из Англии».

В магазинах, конечно, пластинок этих нет. И вот я возвращаюсь после вечерних занятий домой и вижу в метро высокого красивого молодого человека с сеткой в руках, а в сетке большая, по-видимому, долгоиграющая пластинка, на обложке которой четыре мордашки, выделенные чёрным цветом. Моего знания английского языка хватило на то, чтобы прочесть: «Beatles». «Какая удача!» - подумала я. Сейчас подойду к нему и спрошу, где он эту пластинку купил. Подошла и спросила. «In London», - получила я ответ. «Вот так-так!» - подумала я, - Как же я буду с ним договариваться со своим знанием английского языка? Нет, попробую, пластинка нужна».

В вагоне мы сели рядом, я достала бумагу и ручку. Что парень хотел продать товар, в этом никакого сомнения не было, оставалось договориться о цене. Оказалось, у него были две пластинки: одна большая – долгоиграющая, и маленькая. Я на бумаге нарисовала что-то такое вроде доллара со знаком вопроса и два круга: большой и маленький. Это был 1966 год, и я не помню, написал он мне 20 и 3 или 200 и 30 (рублей). Был одиннадцатый час вечера, и в вагоне метро было мало народа. Напротив нас сидел человек с портфелем, по-видимому, тоже научный работник, возвращающийся домой после вечерних занятий, как и я.

Уговорившись о цене, собрав в памяти необходимые английские слова, я парню говорю: «I have no money, come to me» (У меня нет денег, пойдём ко мне). Сказав свою фразу, я в азарте не поняла двусмысленности своего положения, денег с собой у меня

действительно не было, но пластинки мне очень были нужны. Мужчина, сидевший визави, услышавший мою «фразу», поднялся со своего места, подошел ко мне и сказал: «Я Вам дам деньги, мы потом договоримся, но Вы мне уступите маленькую пластинку». «Нет, я торговала обе, и я их получу!» - сказала я. Мы вышли с молодым человеком на станции метро «Парк Победы» и пошли к остановке автобуса. По дороге он рассказал мне, что он студент, прилетел из Лондона на соревнования по водному поло.

Сойдя с автобуса и направляясь к дому, он задал мне вопрос, который показал мне, в каком двусмысленном положении я оказалась. «Have you a husband?» - спросил он («У Вас есть муж?»). В ответ я разохоталась. То был хохот над собой, хохот над своим дурацким положением, в которое я попала. «Yes, yes. He is a professor», - наконец, ответила я. Но самый курьёз заключался в том, что когда мы в двенадцатом часу ночи позвонили в нашу квартиру и дверь открыл мой муж, оказалось, что дома таких денег нет, и мне пришлось с извинениями стучаться к соседям занимать нужную сумму.

Так или иначе, на дне рождения у Кати были желанные пластинки, а у меня сознание того, что я в свои 37 лет неплохо выгляжу, если могла увлечь красивого юношу: он мог и не совершать со мной длительного путешествия, продав пластинки тому дяде. Все долго смеялись, особенно Кошелев: «Не знал, что Вы фарцовщица».

Как-то в институте А.И. Кошелев и я вместе принимали экзамен у заочников. Мы с ним сидели рядом, а напротив нас сидела пара студентов, готовившихся к ответу. «Хотите расскажу анекдот?» - предложил он. «Конечно», - сказала я. Он начал рассказывать мне на ухо, чтобы студенты не слышали. А я старалась как можно внимательнее слушать, чтобы не упустить соли анекдота, а то подумает: «Ну и дуру же я взял на кафедру, даже анекдота не понимает».

К моему ужасу, анекдот был настолько неприличный, хотя и не лишённый остроумия, что я его передать не могу. Но всё-таки попробую. В нём нет неприличных слов, нет мата, есть неприличный смысл. В то время были в моде анекдоты про армянское радио. Так вот, армянское радио сообщает: «Пчела укусила тётушку Ашун под юбку. В какое место пчела

укусила тётушку Ашун?». Далее диктор продолжает: «На радио пришло 400 ответов, 399 – неприличные, сообщаем один: пчела укусила в руку дядюшки Ашота».

И когда он хотел рассказать ещё, я отчаянно запротестовала. «Всё-таки расскажу», - сказал он. «Посмотрите на этих студентов, они равным счётом ничего не знают. Всех надо выгнать и новых набрать, как в анекдоте: цыган смотрит на своих детей и думает: то ли этих отмыть, то ли новых наделать». Вот так мы принимали экзамен. Я была пригвождена к своему стулу и выразить своё возмущение на глазах студентов не могла.

Теперь, оглядываясь назад на прожитые годы, думаю, что личность А.И. Кошелева была неоднозначна, противоречива, непредсказуема. О противоречивости его натуры говорят, например, два факта. Однажды на заседании кафедры он сказал в мой адрес такую фразу: «Вот Татьяна Борисовна – нуль в математике, а идёт в группу - и успеваемость в её группах выше, чем в других». Это что? Комплимент или унижение? Я очень долго ждала извинений. Чёрта с два дождалась! Ну ладно, я согласна, что я нуль в математике, я не знаю, что такое «К-пространства» и многое другое, но зачем так прилюдно меня оскорблять? Если я тебя не устраиваю как математик, скажи мне с глазу на глаз – и я тихонечко уйду, а такой сомнительный комплимент очень обиден, тем более, что я очень стараюсь, тщательно готовлюсь к занятиям, зная про себя, что я всего «на полчаса опережаю студентов» (по выражению моего любимого американского методиста Д.Пойа).

И второй факт. Это было несколькими годами позже. Мы уже жили на Московском шоссе. Праздновался мой день рождения. К этому времени мы «обросли» новыми друзьями и знакомыми. Это были Ляпины, Самсоновы, Лайхтманы. Сидим за столом. Вдруг неожиданный звонок, открываю дверь, на пороге стоит А.И. Кошелев, на протянутых руках охапка тюльпанов, разбросанных кое-как, бутонами в разные стороны. Я освободила его от цветов, бросив их в воду в ванне, и провела к гостям, предложив занять место за столом, но он отказался, сказав, что спешит в другое место. Дело в том, что он спешил к другой нашей сотруднице, у которой день рождения тоже был 4-го мая, но которая была моложе меня на 10 лет. Немало в своей жизни я

получала букетов от мужчин, но эта беспорядочная охапка тюльпанов «затмевала» все цветочные приношения. Вот такой был Кошелев.

Человек он был своеобразный, неординарный. Много там было всего намешано в его характере. Конечно, это моя личная точка зрения, многие со мной могут не согласиться. Но в одном согласятся мои сотрудники: он был прекрасным заведующим кафедрой, он сплотил нас всех воедино, проработав с нами 17 лет. Потом в смысле заведования было всякое, но наша кафедра, на зависть всем другим институтским кафедрам, была всегда дружной, выступающей единым фронтом против всего отрицательного, что встречалось на её пути, и в этом была заслуга А.И. Кошелева.

ГЕОРГИЙ РУДОЛЬФОВИЧ ЛОРЕНЦ

Георгий Рудольфович Лоренц - известный математик, специалист по теории приближений. Родился в Петербурге в 1910 году, закончил математический факультет университета в 1931 г. и был оставлен при университете. Во время войны эмигрировал в США и много лет был профессором университета в г. Остине, штат Техас, скончался в 2006 г. в возрасте 95 лет.

Я не буду подробно останавливаться на его биографии. Если кто-нибудь заинтересуется, то найдёт её в интернете. Я же буду рассказывать о некоторых событиях и встречах, связанных с ним и его семьёй.

Все началось с того, что после высылки моей мамы из Ленинграда в 1934 году, наша большая квартира стала коммунальной и в одну из освободившихся комнат въехала семья Беликовых с двумя взрослыми детьми – Татьяной и Александром. Немного позднее, после отъезда Шуры инженером на Беломорканал, сюда после своего развода с мужем переехала к родителям Таня. Ей пришлось развестись с мужем, чтобы не портить его «комсомольскую репутацию». Ему поставили в вину, что его жена Таня провожала на вокзале мою мать в ссылку. Я её называла Таня Белик, а потом и все её так стали называть. Семья Беликовых на протяжении всей моей жизни была самой близкой нам семьёй.

Маму выслали, когда мне было 5 лет, а вернулась она из лагеря, когда мне уже исполнилось 11. Её не было рядом со мной 6 лет, и все эти годы Таня была моей второй матерью. Моя мама очень Таню любила. Она говорила: «Мне стоит только подумать, а Таня уже это сделает». Я тоже очень любила Таню Белик, и она была привязана ко мне. Она учила меня рукоделию, следила за моей одеждой, по папиной просьбе покупала нужные мне вещи и вообще осуществляла женское воспитание в мамино отсутствие, хотя у меня ещё была няня.

Вспоминаю довоенный 1940-й год. Мама только что вернулась из лагеря. Отмечаем то ли Танин день рождения, то ли, скорее всего, наши с ней именины – Татьянин день, 25-е января.

За Таней ухаживает её почти ровесник, года на два моложе, привлекательный тридцатилетний доцент университета, очень способный математик Георгий Рудольфович Лоренц, немец по национальности. Моей маме Танин выбор нравится. Но почему-то Юрочка, как Таня его называла, пришел в этот раз не один, а... с молодой женой-студенткой. Вот-те на! По-видимому, мама не очень-то знала о каких-либо зигзагах в Таниных отношениях с Юрой. Может быть, эта женитьба и не была новостью для мамы, но она очень переживала за Таню.

Видно, мама сама рассаживала гостей за столом, а их было, как всегда, не менее пятнадцати. В конце стола села она сама, посадив по обе стороны от себя меня - одиннадцатилетнюю девчонку и студентку Леночку - молодую жену Юрочки. Маме было обидно за Таню, ведь он ухаживал за Таней и вдруг неожиданно женился. И она постаралась высмеять бедную студентку. Это она умела!

Сидя рядом с мамой, девушка спросила: «Почему за столом о Вашингтоне говорят, как об одушевленном предмете, ведь это город?» Мама на минуту растерялась, промолчала, придумывая, вероятно, убийственный ответ. Но последовал от бедной девушки второй вопрос, адресованный маме: «Вы читали такого английского писателя Диккенса?»

Вот тут мама встаёт во весь рост за столом и так, чтобы все обратили на неё внимание, говорит: «Что Вы спросили? Читала ли я английского писателя Диккенса? Не-е-ет, никогда не слышала о таком писателе». Не понимая всех тонкостей, я очень удивилась мамину ответу, ведь даже я уже прочла «Давида Коперфильда». Бог маме судья, но уж очень она любила Таню Белик. Надо сказать, эта любовь была взаимной.

Прошло 25 лет. За эти годы началась и завершилась Великая Отечественная война, унёсшая миллионы жизней, в том числе и жизнь моего дорогого отца во время блокады Ленинграда. Только в 1964-м году благодаря мужу, прошедшему по конкурсу на преподавательскую должность профессора в Электротехнический институт связи, я смогла вернуться в свой родной город, «знакомый до слез».

Когда женщина сидит дома, а муж на работе общается с другими женщинами, начинаешь от нечего делать ревновать.

Доцент на его кафедре Елена Павловна К., старше меня лет на восемь, «положила глаз» на моего мужа. Ещё бы не положить: новый молодой профессор на кафедре, видный, остроумный, почему же не пофлиртовать? Как-то придя домой после работы, муж рассказывает: «Знаешь, на кафедре есть доцент Елена Павловна К., она ко мне благоволит и всё время приглашает к себе в гости. Я всегда благодарил, считая это актом вежливости. А сегодня она подвела меня к расписанию, показала на моё «окно» в четыре часа, и сказала, что я вполне успею зайти к ней выпить чаю. Я поблагодарил, сослался на неотложные дела, но решил рассказать тебе».

Через некоторое время Елена Павловна пригласила его к себе на дачу, она только что выстроила её в Горьковской под Ленинградом. Теперь он ей сказал: «Вы знаете, мы привыкли всегда выезжать куда-либо вместе с женой». Через пару дней она пригласила его приехать с женой, Борис, помявшись, ответил: «Вы знаете, Елена Павловна, у нас двое детей и нам их не с кем оставить». Тогда она пригласила всю нашу семью на дачу на выходные. Я была очень довольна. Зима, шикарная солнечная погода, что в Ленинграде бывает крайне редко. У нас всех были уже куплены новые лыжи. Мы стали постоянно ездить на выходные в Горьковскую.

Я, конечно, понимала, что я и дети - седьмая спица в колеснице, и, взяв все хозяйственные заботы на себя, предоставляла возможность мужу и Елене Павловне на полдня уезжать в лес на озеро Красавица. Зато дети с утра до обеда были на свежем воздухе, катались на лыжах неподалеку от дачи. В один из вечеров, когда усталые после лыж муж и дети спали, Елена Павловна поведала мне грустную историю своей жизни.

До войны студенткой она вышла замуж за доцента-математика. Он был из российских немцев. У них был ребёнок, который умер в блокаду. Мужа как немца ни в армию, ни в ополчение не взяли, отрядили убирать на улицах покойников. Его отец был главным инженером на строительстве Кавказской железной дороги, в 1937-м отца арестовали, он умер в лагере.

Потом они с мужем разошлись, и он эвакуировался с Педагогическим институтом им. Герцена на Кавказ. Больше она о нём ничего не знает, возможно, ушел с немцами.

И только теперь я узнала в Елене Павловне ту незадачливую студентку, молодую жену Лоренца, которую видела в гостях в нашем доме в 1940 году.

Я не сказала Елене Павловне, что я её узнала, хотя к тому времени мне было известно, что Юра Лоренц жив, женат на Тане Белик, что у них четыре дочери и сын, и что он известный в Америке математик. Думаю, что она как математик могла бы знать о его книгах, вышедших за рубежом.

Ну, а Горьковскую мы посещали каждый «week-end», пока некоторое обстоятельство этому не помешало. А «обстоятельство» выглядело крупной, даже толстой, особью мужского пола, появившейся на даче, по-видимому, по приглашению хозяйки. Это был доцент математики Киселёв. Я его немного знала, он некоторое время работал на нашей кафедре, знала, что он бывший муж академика О.А. Ладыженской. Больше, к моему великому сожалению, в Горьковскую мы не ездили. Когда я укорила своего мужа: «Что ж ты, дорогой, сдал свои позиции, да ещё кому!» Он ответил: «Я же не располагал теми средствами, которыми располагал Киселёв».

Наступала весна, всё равно лыжная пора закончилась.

Прошло ещё 34 года. 1999-й год. Мне 70 лет. Уже 12 лет, как я овдовела, и лет пять, как не работаю на своей любимой кафедре, уйдя на покой с 50-летним рабочим стажем. За эти годы связь с Лоренцем возобновилась. Я узнала, что он профессор в американском университете в Остине, что у него четыре дочери и один сын. Началась переписка. Он написал мне о своей семье, о своих детях и, главное, о жене - моей дорогой Тане Белик. К большому горю семьи она повредила рассудком, лишилась памяти.

Потом он написал мне, что был бы рад видеть меня у себя в Калифорнии и готов оплатить мои расходы по перелёту. И вот в один из моих прилётов в Америку к дочери Кате (это был 1999-й год) она предложила мне в качестве рождественского подарка билет на самолет в Калифорнию. Я была счастлива, получив такой подарок. У меня уже был к тому времени телефон Лоренца в г. Чико, мы созвонились, и он должен был меня

встретить в столице Калифорнии Сакраменто. Я летела туда с пересадкой в г. Сент-Луисе почти через всю Америку из штата Пенсильвания в штат Калифорнию. Самолёт летел низко, я видела широкую Миссисипи, я видела безжизненную, пустынную середину Америки.

В Сент-Луисе рядом со мной оказался студент университета. Мы разговорились, если так можно выразиться, имея в виду моё знание английского языка. Ему было интересно. Он расспрашивал меня о России. Я его, конечно, не понимала и просила написать вопрос на бумаге. Тогда я понимала вопрос и отвечала, как могла.

Когда он узнал, что я лечу к своему другу, которого не видела 60 лет, он встал во весь свой высокий рост и всем громко объявил, что его соседка из России, и она летит к знакомому, которого не видела 60 лет! В самолёте заметное оживление. Самолёт приземлился в Сакраменто. Выхожу из самолёта, никто меня не встречает... Я в ужасе. Нахожусь на краю нашего «шарика», языка не знаю, и меня не встречают. Собираю в голове английские слова, чтобы обратиться к женщине за стойкой. А она, милочка, отвечает мне по-русски: «Вы спуститесь по эскалатору вниз, если его там не будет, я объявлю по радио».

«Господи, откуда Вы знаете русский язык?»

Она мне: «Я из Великих Лук...»

Я спустилась, Георгий Рудольфович ждал меня у эскалатора. Ему было 88 лет. Мы ехали с ним до Чико, где он живёт, 2 часа под ливнем. Разумеется, он сам вёл машину. Мы подъехали к Дому ветеранов науки. Это большой двухэтажный дом, как, впрочем, все дома в Калифорнии. Многоэтажных домов здесь, как правило, нет, потому что «трясёт». В этом доме у него четырёхкомнатная квартира, в которой он живёт на полном пансионе. Там есть гостиная, столовая вместе с кухней, далее его спальня с санблоком, состоящим из ванны с душем и туалетом. Он поселил меня в своём кабинете с примыкающим к нему аналогичным санблоком. Ещё есть личная стоянка машины под окном. На первом этаже ресторан со шведским столом, в котором мы питались, где ветеранам прислуживали студентки университета. Он жил в этом роскошном Доме ветеранов в четырёхкомнатном номере один! Фантастика!

На мой вопрос «А где Таня?» он рассказал, что Таня очень больна, у неё полная потеря памяти, ей 90 лет, и узнаёт она только его. Живёт она отдельно, и мы обязательно к ней поедem. На другой день мы поехали к Тане, переезжали очень красивую речку Сакраменто. Доехали до небольшого дома. Дом предназначен для четырёх женщин с аналогичным заболеванием. Мы застали Таню за общим столом. Её кормила с ложки приставленная к ней няня. Таня очень обрадовалась мужу. «Мой муж, мой муж!» - восклицала она, конечно, не обращая на меня никакого внимания. Пока няня докармливала её, мы прошли в её комнату.

Всё там было чисто и красиво... И конечно, к комнате примыкал собственный санблок. Наверное, это было всё очень дорого, но Юра всё это мог обеспечить для себя и для жены. Я и не пыталась сразу вступить с Таней в разговор. Бесполезно было надеяться, что она узнает меня. Через 60 лет! Мне было очень больно видеть любимого человека в таком разрушенном состоянии. Мы забрали Таню и поехали к старшей дочери Лоренцов, к Ольге Симс.

Посреди степи три одноэтажных постройки – это ферма. Основное здание из четырёх больших комнат. В большой спальне бассейн, метра три в квадрате. Очень большая терраса, выше земли всего на 20 см. Вторая отдельная постройка - компьютерная, третья – сарай. Кругом стаями ходят индюки.

Оля и её муж Ларри встретили меня очень ласково. Мы с Олей обнялись как родные сёстры. Но Таня ни на что не реагировала. Правда, в одном случае она обратила внимание на материал моей кофточки, пошевелив её руками и переглянувшись с Олей. Кофточка моя была из натурального крепдешина, чего в Америке, наверное, давно нет.

Был накрыт стол, мне очень понравился марципановый торт. Это было необычно. Оля мне дала с собой несколько брикетиков марципана. Они у меня до сих пор хранятся, я не знаю, что с ними делать. Мы фотографировались. Аппарат у Юры сразу выдавал фотографии. Потом меня повезли смотреть викторианскую деревню - дома эпохи королевы Виктории. Показали очень толстый дуб, в диаметре, наверное, целый метр. Мы не могли его обхватить. Этот дуб стоит со времён войны с мексиканцами. Погуляли, отвезли Таню к себе и поехали с Юрой в его резиденцию. Вечером он провёл меня по всему Дому ветеранов

науки. Нам бы такой! Меня восхитила небольшая комната для бриджа. Там в ящичке лежали две нераспечатанные колоды карт. Юра показал мне библиотеку и дискотеку, а также фильмотеку. Что-то мы взяли в номер, кажется диск с Моцартом.

После ужина мы сидели в гостиной ресторана на первом этаже и разговаривали. Юра рассказывал, что они с сыном (его сын - профессор математики, работает в Германии, в Бонне) сейчас совместно пишут книгу об истории европейских университетов. Недавно они с сыном летали в Тбилиси по этому вопросу, и он обещал мне прислать статью об ЛГУ, когда её закончит. Я ему рассказала историю про его первую жену, как причудливо пересеклись наши судьбы в 1965 году, и не удержалась от бестактного вопроса: «Как Вы могли жениться на молодой студентке, ухаживая за Таней?» И получила «щелчок по носу». «Есть вещи, о которых не говорят», - таков был ответ.

Следующим днём был День Благодарения. Праздновали здесь же в ресторане, в котором мы питались утром, днём и вечером. Приехали Оля и Ларри, захватив по дороге Таню. За столом сидели: во главе стола Таня, справа от неё я, слева от неё Оля. По бокам стола сидели их знакомые, а в конце стола напротив нас - Юра и Ларри.

Я всё время старалась как-то разговорить Таню, показывая ей довоенные фотографии. Она помнила только то, что у неё было два брата: Борис и Шура. Я непрерывно рассказывала ей о её матери, нашей дорогой тёте Клавде, о её отце, дяде Павлике. Когда она увидела большую фотографию, на которой я – маленькая девочка, между ней и моим отцом, Борисом Ивановичем, и на этой же фотографии её родной брат Шура, что-то в её бедном мозгу затеплилось, и она стала теснее прижимать меня к себе. А я рассказывала ей, как она учила меня вышивать, показывала ей фото встречи Нового года, где она рядом с Юрой и тётёй Клавой, и здесь же мой отец (меня на фото нет, мала ещё Новый год встречать).

Она слушала и слушала, и всё теснее прижимала меня к себе, хотя рядом с ней сидела её родная дочь Оля. Оля и Юра были поражены.

Праздничный обед кончился, и Ларри, Оля и Таня уехали.

На другой день - а это был уже третий день моего пребывания в Калифорнии - Юра повёз меня куда-то далеко в гору, по какой-то совершенно дикой дороге, на которой лежал задавленный шакал. А когда выехали наверх, то там оказалось громадное шоссе, по которому в четыре ряда едут машины. Мы немного проехали, остановились у обочины и подошли к обрыву. Внизу было ущелье, на противоположном берегу ущелья горы такой же высоты, как и там, где мы стояли. Красота необыкновенная, мы не сговариваясь оба в унисон продекламировали Пушкина:

*Кавказ подо мною. Один в вышине,
Стою над снегами у края стремнины;
Орёл, с отдалённой поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движение.*

Потом он повёл меня в китайский ресторан. Там были всякие интересные сюрпризы с китайским календарём и предсказаниями, запечёнными в тесте. Возвращались мы уже по шоссе, ну а та дорога была для того, чтобы мне показать американскую природу.

На следующий день он проводил меня, поблагодарив за приезд, посадил в автобус, идущий в аэропорт, вручив мне в подарок на память мягкую игрушку, серого плюшевого носорога.

Через пару лет Георгий Рудольфович сообщил мне письмом о Таниной смерти. «Похоронили достойно. Не без труда был найден православный священник».

Дорогая Таня Белик, всё-таки по тому, как ты меня обнимала, ты меня смутно вспомнила. Тебя уже нет давно, спасибо тебе за всё, что ты сделала для меня. Я тебя никогда не забуду...

Георгий Рудольфович переслал мне свою статью об истории Математико-механического факультета ЛГУ. Нашёлся пакет (марка помечена 1997 г.), в который была вложена открытка, а самой статьи нет. Мне очень было жаль, так как Лоренц первым коснулся трагической истории на факультете во время блокады Ленинграда, когда группа профессоров была репрессирована по сфабрикованному делу. В числе пострадавших был и мой отец, Борис Иванович Извеков. К тому же статья была переведена для меня на русский язык.

Со времени получения так и не найденной мной статьи, присланной в 1997 г., прошло 16 лет, и сейчас, когда на дворе 2014-й год и я решила писать пятую книгу (теперь уже о своих встречах с попутчиками в моей жизни), статья Г.Р. Лоренца была найдена в интернете, к сожалению, на английском языке. Пришлось переводить.

Привожу выдержку из его статьи:

«А. Солженицын в своём романе «Архипелаг ГУЛАГ» в 11-й главе (части «К расстрелу!») пишет о ленинградском профессоре ЛГУ Страховиче из группы профессора Игнатовича, который под пытками показал на 13 ленинградских профессоров ЛГУ. А. Солженицын в этой главе пишет, что хотя Страхович и отказался потом от своих показаний, но его отказ от показаний не учли, но и не расстреляли, единственного в этой группе. Страхович показал на группу в 13 человек. Среди них были: член-корреспондент Академии наук Н.С. Кошляков - автор многих учебников, член-корреспондент Академии наук Н.В. Розе – декан матмеха, контр-адмирал Совета Военно-морского флота, профессора Б.И. Извеков и А.М. Журавский.

Я знал их всех лично. Кошляков и Журавский были моими учителями, Б.И. Извеков и его семья были близкими друзьями с семьёй моей жены Татьяны Беликовой. Все они были Сталиным

приговорены к расстрелу. Главной целью методов НКВД во время блокады Ленинграда было получение подписанных признаний обвиняемых как доказательства их вины.

Среди других обвинений математики обвинялись:

- в формировании групп профессоров для распространения пораженческих слухов среди населения;
- в подготовке к встрече с немецкой армией в случае падения Ленинграда и присоединения к немцам в борьбе против советского правительства;
- в задержках собственной эвакуации насколько это возможно для соответствующего плана в период: июль, август 1941 г.

(В свете впечатляющих успехов немцев в это время (блицкриг), было весьма вероятным падение Ленинграда и Москвы.)

Суд проводился младшим лейтенантом НКВД Кружковым 23-25 апреля.

В апреле 1942 г., после 7 голодных месяцев, обвиняемые страдали от голода, многие из них потеряли одну треть веса и были близки к смерти. Было по-человечески понятно, что предложение чашки супа было достаточно, чтобы подписать признание, которое ведёт к высшей мере наказания – расстрелу. Другая форма мучения – стойка, стояние на ногах в течение 6, а то и более часов на допросах. Не удивительно, что Кошляков подписался под тем, что он якобы устанавливал отношения с немецким командованием.

Все 13 человек слушали смертный приговор, затем их оставили одних, предложив писать кассацию. Они стали выяснять, кто из них оговорил остальных. Подозрение падало на определённого человека. Этот несчастный при очной ставке был спасён Извековым (сыном священника), умолявшим остальных о милосердии.

Приговор включал конфискацию всего имущества. Семьи потеряли ценности, которые не были возвращены даже после реабилитации. Все предметы искусства остались принадлежащими государству. Расстрел был заменён 10 годами лагерей.

Н.В. Розе и Б.И. Извеков умерли в тюрьме».

А открытка - вот она: «15 янв. 03 1997. Дорогая Татьяна Борисовна! Спасибо за разговор по телефону перед Вашим отъездом. Я прилагаю окончательную форму моей статьи, опубликованную в одном из Американских математических журналов. Здесь (на обороте) Вы видите поезд прекрасного музея Гетти в Лос-Анджелесе. Ваш преданный Г.Р.»

Весной 1958 года я встретила с Н.С. Кошляковым, папиным товарищем по несчастью. Ко времени нашей встречи он был полностью реабилитирован, восстановлен в звании члена-корреспондента АН СССР, был лауреатом Сталинской премии, имел орден Ленина, получил хорошую двухкомнатную квартиру в Москве в районе Сокол.

Я приехала к ним из Саратова прямо с вокзала и в эту ночь ночевала у них. Оставшись вдвоём с Николаем Сергеевичем, я попросила его всё мне рассказать. Он сказал, что на эту тему будет говорить в последний раз, слишком тяжело и больно ему всё вспоминать... Всё-таки он кое-что мне рассказал: «Когда нам зачитали смертный приговор, это было настолько неожиданно, что мы все переглянулись и... улыбнулись. Улыбнулись нелепости происходящего. Нас оставили одних на очной ставке, предложив писать кассацию. Мы стали выяснять, как всё это могло случиться, кто из нас мог показать на остальных?»

Подозрения падали на определённого человека. Я не хочу указывать его фамилию. У него остались дети и внуки, которые ни в чём не виноваты. Сам он тоже, как и мой отец, умер в тюрьме.

Николай Сергеевич продолжал: «Мы хотели его уничтожить, спасибо твоему отцу, я не взял греха на душу. Твой отец был религиозен, он сказал: «Его, наверняка, били; неизвестно, как каждый из нас поступил бы на его месте».

Слова твоего отца нас *образумили*».

Для меня же переданные мне слова моего отца были словами христианина, и я поняла, что папа умер в мире с самим собой...

Вспоминая всё это, я задавала себе вопрос: как эти нелюди, мучавшие моего отца, Кошлякова и других голодом, «стойкой»,

побоями, заставляющие подписывать документы, в которых признавали себя виновными ни в чём не повинные люди, как эти нелюди могли жить дальше?

Н.Ф. Кружков, который издевался над моим отцом, сфальсифицировал 12 уголовных дел на 65 человек. Дело №555, дело моего отца, – лишь одно из них. «Мы считали, что если человек арестован, значит, он враг народа, а поэтому и добивались от него признательных показаний», – так объяснял позже Кружков «успехи» в своей работе.

Прошли годы. Умер Сталин. Началась реабилитация жертв. Но палачей трогали редко. А если и трогали, лишь в партийно-административном порядке. До тюремной камеры дело доходило в единичных случаях. Кружкову не повезло. В сентябре 1954 года военный прокурор Ленинградской области поставил вопрос о возбуждении уголовного дела против Кружкова. Передо мной газета «Ленинградская правда» от 3 июня 1990 года №28.

Цитирую из статьи «Оттепель: зыбкое состояние»:

«Итак, дело полковника Н.Ф. Кружкова. Во время войны он работал в Ленинграде старшим следователем, а затем начальником отделения следственного отдела Ленинградского управления МГБ. В декабре 1942 г. им были необоснованно арестованы и затем осуждены Военным трибуналом по статьям 58-3 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР члены-корреспонденты АН СССР И.В. Розе и Н.С. Кошляков, профессора Б.И. Извеков, А.М. Журавский, В.А.Тимофеев, Г.Т. Третьяк, другие учёные, работавшие по военной тематике, всего 13 человек. Измышляя контрреволюционные организации, якобы существовавшие в различных вузах и НИИ, Кружков скомпрометировал, обвинив в антисоветской деятельности, ещё 127 учёных.

Вместе взятые немецкая и финская разведки не смогли нанести такого тяжёлого удара по научным кадрам блокадного города, работающим на оборону. Состоявшийся в 1957 году суд приговорил Кружкова к 20 годам лишения свободы. Он был разжалован и лишен правительственных наград».

Кружков Н.Ф. и 10-ти лет не отсидел, «своих» строго не наказывают.

Со времени моего визита в Калифорнию прошло 6 лет. Был 2005-й год. Как всегда, прилетев на Рождество в Америку, поговорила по телефону с 95-летним Георгием Рудольфовичем Лоренцом. Он был серьёзно болен воспалением лёгких, но узнав, что я пишу свою первую книгу «Преодоление», попросил переслать написанное ему по электронной почте, что я и сделала. Через пять дней пришло сообщение от Юриной дочери Ольги Симс: «Папа умер вчера вечером, книгу он прочёл, ему понравилась, поблагодарить не успел. Оля».

Я, наверное, первая (кроме его семьи) узнала о его смерти, потому что когда я позвонила в Беркли Грише Баренблатту, тот об этом ещё не знал. Официально о смерти Георгия Рудольфовича Лоренца, известного в Америке математика, ещё не было сообщено. Я понимала: 95 лет – это 95 лет, и воспаление лёгких – это воспаление лёгких, но всё-таки у меня зародилось подозрение, что чтение моей книги ухудшило его состояние и, в некотором смысле, способствовало его уходу из жизни.

«Юра, прости меня», - говорю я, смотря на его подарок, смешного, доброго, симпатичного носорога, чем-то напоминающего его самого....

СЕМЬЯ КОЧИНЫХ

Часто бывает так: если дружат сослуживцы, то эта дружба по наследству передаётся следующему поколению. Так было и есть в нашем случае, с семьями Кочиных и Извековых. Давно уже нет в живых этих дорогих мне людей, как и моих родителей, но благодарная память о них будет жить в моём сердце, пока я жива.

Мой старший сводный брат В.Н. Костарев (старше меня на 15 лет) вспоминает:

«Когда мама работала в Главной геофизической обсерватории (ГГО), в отделе теоретической метеорологии, там же после окончания университета работали молодые Николай Евграфович Кочин и Пелагея Яковлевна Полубаринова, ставшие впоследствии академиками. Мама была старше и опекала их. Это были простые, скромные и милые люди. Помню, как мы с ними идём по набережной Невы от ГГО, Кочин с короткими волосами на голове, стриженной машинкой, что-то рассказывает и весело шутит.

Мама вспоминала, как она советовала Пелагее согласиться на предложение Кочина выйти за него замуж, предсказывая Кочину большое научное будущее. Через некоторое время замужество состоялось. Тёплые дружеские отношения у мамы с этими достойными людьми сохранились до конца жизни.

Летом 1931-го года Кочины с двумя дочками жили недалеко от нас в Луге. Занимаясь своими детьми, они при этом интенсивно работали в науке. Так становятся академиками. Сбылось обещание мамы».

Вспоминаю я:

Однажды Пелагея Яковлевна и мама решили поставить с детьми пьесу «Лиса, Заяц и Петух». Актёры: Лиса – Ира, Заяц – Нина, Петух – я. Ира и Нина Кочины, сёстры-близнецы, были постарше меня. Им было по пять с половиной, а мне всего четыре года. Пелагея Яковлевна сшила замечательные декорации. Спектакль был сыгран в Кочинской квартире на Петроградской стороне. В самой большой их комнате стоял или, скорее, висел до пола большой разноцветный дом с красной крышей, синими

стенами, жёлтыми оконными наличниками на большом окне. В этом окне, по роли, должна была сидеть я – Петух, а Лиса должна была вытащить меня из окна и утащить.

Дома мама разучивала со мной роль. Роль была небольшая: «Несёт меня лиса за далёкие леса, за далёкие горы». Роль была мною добросовестно выучена, костюмы на всех троих были великолепны, но когда Лиса-Ира вытащила меня из окна и потащила, вместо нужных слов я громко разревелась. Это оказалось весьма кстати, что и вызвало бурю аплодисментов.

Я очень хорошо помню, как на одной из «ёлок» у Кочиных на Петроградской Николай Евграфович, сидя за письменным столом в своём кабинете, колол орехи, а мы: Ира, Нина, я и другие приглашённые дети стояли в очереди за орехами. Каждый, получив свою порцию, вставал в хвост очереди за следующей.

После переезда Академии наук из Ленинграда в Москву (это было в 1934-1935 гг.) Кочкины переехали в Москву. В 1939 году Николай Евграфович Кочин был избран в члены Академии наук.

С их дочерью Ирочкой (Ираидой Николаевной Кочиной) и её мужем Григорием Исааковичем Баренблаттом я регулярно поддерживаю связь. Как-то она, смеясь, сказала: «Я, наверное, редкий случай, у меня отец – академик, мать – академик и муж – академик». Да, случай, действительно, редкий, чрезвычайно редкий...

В 1962 г. мой муж Борис после двухлетних мытарств (диссертация была готова уже за два года до этого), наконец, защитил докторскую диссертацию в Московском университете. Долгий путь к защите его совершенно измотал, так что перед защитой он лежал на диване у своего друга, тоже гидромеханика, профессора Гриши Баренблатта. Мы с Ирой, отпаивая Бориса успокаивающими средствами, по правде сказать, не знали: то ли вызывать «скорую», то ли такси на Ленинские горы. Всё-таки поехали защищаться. Ну, а дальше всё было как во сне. Защита прошла благополучно, правда, один каверзный вопрос был: «Почему диссертация не досчитана до конца?» Но встал академик Петров и сказал: «Надо давать за то, что можно подсчитать, а подсчитывать люди найдутся!»

Спасибо дорогим друзьям Грише и Ире за поддержку в трудную минуту. Вспоминая о том, как Гриша помог Борису в трудную минуту, не могу не рассказать о том, как я его «отблагодарила», но об этом позже.

Итак, докторская защищена. Теперь можно на что-то надеяться! Через какое-то время пришло утверждение, и Борис получил звание профессора в Саратове, затем прошёл по конкурсу на должность профессора по кафедре высшей математики в Ленинградский электротехнический институт и одновременно получил ордер на двухкомнатную квартиру в Ленинграде. Мы перебрались в Ленинград. И вот мы вчетвером: Борис и я работаем, мой Текстильный институт рядом с его институтом, Катя учится в 6-м классе в английской школе, Андрей в 3-м.

Приблизительно в конце 60-х - начале 70-х, если память мне не изменяет, в Ленинград приезжала Пелагея Яковлевна Кочина поработать в архивах Главной геофизической обсерватории, она собирала материал для книги о своём покойном муже, академике Николае Евграфовиче Кочине. Позвонила мне и сказала, что хочет посмотреть на моих детей. Уже десять лет, как её избрали академиком: она была единственной женщиной среди академиков физико-математического профиля, её портрет на обложке журнала «Огонёк» был показан Кате и Андрею, и я сказала им: «Ребята, вот эта женщина придёт сегодня к нам специально посмотреть на вас. Она большой друг вашей покойной бабушки, Ольги Александровны. За Катю я не беспокоюсь, а вот за тебя Андрей - очень. Книг ты не читаешь, ничем не интересуешься, кроме пластилина и солдатиков, мне за тебя стыдно». Андрей: «Мама, не беспокойся, я, как услышу звонок в передней, убегу солдатиков в стол, возьму книжку и сяду в кресло читать».

Мне некогда было разговаривать, я только что прибежала с работы, надо было приготовить что-нибудь к ужину. Борис должен был подойти позже. И вот звонок, приходит Пелагея Яковлевна, я представляю ей детей, дети вежливо здороваются и уходят в другую комнату. Кстати, у Пелагеи Яковлевны внук – ровесник моему Андрею.

Пелагея Яковлевна устраивается в кресле, и мы начинаем разговор. Пелагея Яковлевна: «Твой-то книжки читает, а ведь мой – только пластилин и солдатик». Я выдвинула ящик стола, показала

ей в спешном порядке сброшенные туда пластилин и солдатиков, сказав при этом, что книжка была взята в руки только в момент её прихода для «показухи». Такого радостного, весёлого смеха я никогда у неё не слышала!

В тот раз Пелагея Яковлевна принесла мне бесценный подарок. Работая в архивах, она специально для меня попросила перепечатать характеристику на моего отца, Бориса Ивановича Извекова, напечатанную на четырёх машинописных листах, подписанную великим учёным А.А. Фридманом. Я этот документ очень берегу.

Спасибо ей большое.

Это не первый подарок. Когда я ещё была школьницей, она навестила нас в Саратове, проплывая по Волге на экскурсионном теплоходе. К сожалению, мамы не было дома, она оставила маме письмо, а мне подарила две книги, написанные моим папой, и порекомендовала мне со временем с ними ознакомиться. Мне было очень приятно, что они папины, но я так «любила» математику, что ни разу их не раскрыла...

Летом 1977-го года Гриша Баренблатт и Ира Кочина приглашают нас с Борисом на месяц к себе на дачу под Москву, в Абрамцево, чтобы поработать и познакомиться с академиком А.С. Мониным, директором Института океанологии Академии наук. Речь шла о работе для Бориса в академическом институте на полставки, если Борис как учёный ему понравится. Дачи Баренблатта и Монины стоят неподалеку друг от друга. А пока мы живём у Гриши и Иры, Борис и Гриша ходят к Мониному разговаривать и работать, а во второй половине дня мы успеваем осмотреть достопримечательности знаменитого Абрамцева – имения известного русского писателя С.Т. Аксакова, перешедшего затем к меценату и любителю искусства С.И. Мамонтову. Там висит копия знаменитой картины Серова «Девочка с персиками», возможно, художник рисовал её в этом зале, там великолепная майолика Врубеля.

Ездили мы в Загорск в Троице-Сергиеву лавру, крупнейший монастырь, основанный Сергием Радонежским в 1-й половине XIV века (с 1742 г. - лавра), знаменитая творчеством гениального художника древней Руси Андрея Рублёва. В монастыре мне удалось узнать, что в ту пору действующий патриарх Московский и

вся Руси (в миру Сергей Михайлович Извеков) не из Калуги, а из Казани. Моя фамилия тоже Извекова. Значит, не мой прямой родственник, хотя все папины предки были священнослужителями, но все они жили в Калуге. Много лет спустя мы с внуком Васей провели полное расследование по этому вопросу благодаря интернету. Оказалось, что бывший патриарх совсем не из Казани, как мне ошибочно сказали, а из Ногинска (бывший г. Богородск), а это Московская область, как и Калуга. Отец патриарха – Михаил Карпович Извеков. Вот если бы он оказался Михаилом Ивановичем Извековым, то с некоторой долей вероятности я могла бы его записать в папину родню, но не получилось.

В Загорске в одной из душевных часовен, где было много народа, я подцепила инфекцию, заболела и перезаразила всех: Бориса и наших гостеприимных хозяев. Дочка хозяев Надюша в это время сдавала экзамены в университет, так родители ей настрого запретили появляться на даче, чтобы не заразиться. Очень было неприятно. Слава Богу, все поправились ко дню рождения хозяина.

Б.М. Булах и Г.И. Баренблатт

Очень хорошо запомнился день рождения Гриши. У него в гостях был известный физик, член-корреспондент Академии наук (в настоящее время академик и Нобелевский лауреат)

А.А. Абрикосов, с молодой женой-вьетнамкой и трёхлетним очаровательным сынишкой. Так вот, когда мальчонка подбегал к отцу, то говорил с ним по-русски, когда подбегал к матери, то говорил с ней по-французски.

Словом, месяц нашего пребывания истёк, Монин предложил Борису полставки в ленинградском филиале института Океанологии, и мы, извинившись за моё безобразное поведение, распрощались с гостеприимными хозяевами.

Летом 1986-го года мы берём путёвки от Дома учёных на турбазу под Костромой. Так как мы едем туда на машине через Москву, то приглашаем Иру Кочину на несколько дней в Ленинград, чтобы потом втроём совершить путешествие через Новгород и в объезд Москвы проехать в Абрамцево. Переночевав у них на даче, продолжать путь в Кострому - таков был план. Планировать - хорошо, но на деле бывает, что планы не осуществляются в том виде, в каком бы нам этого хотелось. Так получилось и у нас. Мы хорошо провели время в Ленинграде, затем благополучно доехали до Новгорода. Ира была там впервые, поэтому ей всё было интересно. Мы побывали в кремле, пообедали в ресторане «Детинец», расположенном в крепостной стене кремля. Осмотрели собор Софии, звонницу Софийского собора, памятник «Тысячелетию России», установленный в 1862 году. На правом берегу Волхова против детинца-кремля осмотрели замечательный ансамбль Ярославова дворища. Перед тем, как остановиться на ночлег на турбазе под Новгородом, мы съездили в Юрьев монастырь. Рано утром выехали в сторону Москвы. Между Крестцами и Валдаем, проезжая очередную деревню, Борис, сидевший за рулём, соскочил одним колесом с шоссе на покрытие, которое в результате ремонта было поднято над обочиной на 20 см. Если бы он ехал, как положено, со скоростью 40 км/час, ничего бы этого не случилось, но скорость была превышена, и машина завалилась на бок в кювет на виду у трёх бабушек, сидевших на лавочке у одной из изб. Вылезли мы из машины - все в порядке, отделались лёгкими ушибами, так как все были пристёгнуты ремнями безопасности; даже термос не разбился, но ехать дальше нельзя: машину надо чинить. Это сейчас всё просто: позвонил на ближайшую станцию обслуживания, вызвал ГАИ, тебя с машиной отвезут куда нужно. А тогда шёл 1986-й год,

мобильных телефонов не было, ближайший пункт, откуда можно было позвонить, за 20 км, а ведь Гриша с дочерьми Надюшей и Верочкой ждут нас к вечеру в Абрамцево. Всё-таки мы как-то исхитрились предупредить москвичей о нашей задержке. Бориса в машине на тросе увезли в Крестцы чинить машину, ночевали мы в той избе, возле которой свалились.

Б.М. Булах, И.Н. Кочина, Т.Б. Булах, Г.И. Баренблатт

Только на другой день к вечеру мы прибыли в Абрамцево. Обрадовавшись нашему благополучному приезду, хозяева уже нас не ругали, только Надюша очень интересовалась, что за изба была, в которой мы ночевали – настоящая или стилизованная под настоящую?

На другой день мы с Борисом, распрощавшись с хозяевами, уже ехали в сторону Костромы, где нас ждали ленинградские друзья, удивляясь и беспокоясь по поводу нашего опоздания к сроку.

Теперь - как я «отблагодарила» Гришу. Это был 1989-й год, когда я, как всегда проездом, была у Гриши и Иры в Москве. Гриша только что прилетел из Стокгольма, где ему присудили степень почётного доктора Королевского Института Технологий. Он показывал фотографии и очень интересно обо всём рассказывал. Тогда же в гостях у дочери и зятя была и Пелагея Яковлевна.

На Грише была красивая белая рубашка, не гладкая, узорчатая (белым по белому), она ему шла, и выглядел он «очень даже». «Посмотри, какой я красивый в этой рубашке, Ирочка подарила», -

похвастался он. А я ему в шутку: «Ну уж и красивый!» Не понял Гриша моего неудачного юмора, обиделся, лёг на диван ко мне спиной и не захотел со мной разговаривать...

«Что мне делать?» - спросила я у Пелагеи Яковлевны, выйдя от него. А Пелагея Яковлевна меня утешает: «Он, Таня, очень обидчивый, но отходчивый и очень добрый». Потом Гриша сменил гнев на милость.

Прошло 10 лет. В 1999-м году академику Пелагее Яковлевне Кочиной исполнилось 100 лет. Юбилей, наверное, праздновался в день её рождения - 13-го мая, мне же посчастливилось её навестить незадолго до этой даты, когда я, опять проездом, была в Москве. Она мне тогда рассказала, что именами П.Я. и Н.Е. Кочиных (Kochiny) назвали некоторые объекты во вселенной. И ещё она мне наизусть прочла стихи Вознесенского, подаренные им, когда она жила и работала в Новосибирском Академгородке. Речь в них идёт о Хрущёве, который выслал поэта Вознесенского в Сибирь как тунеядца.

*И в неудаче есть удача.
Назло врагу и трепачу,
Живу у Кочиной, не плачу
И за квартиру не плачу...
Скрипит о столик палисандровый
Моё опальное перо.
Ах, дорогие Александровы,
Благодарю вас за добро!*

А.Д. Александров – однофамилец президента Академии наук, ему было «удобнее» устроить опального поэта не у себя.

«Таня, в Академгородке у каждого академика отдельный коттедж, А.Д. Александров попросил меня приютить Вознесенского. Но, послушай, живёт у меня, пользуется моим палисандровым столиком, а благодарит не меня, а Александрова», - смеётся моя дорогая Пелагея Яковлевна.

В один из своих прилётов в Питтсбург на день рождения дочери я позвонила Грише в Бёркли (я всегда ему звоню, когда бываю в Америке). Он уже много лет работал в Америке. Я хотела уточнить у него дату смерти его тёщи – Пелагеи Яковлевны Кочиной (к этому времени я начала писать свои воспоминания). Грише тогда было около 80 лет, но он, как всегда, был полон энергии. Григорий Исаакович Баренблатт - профессор Университета в Бёркли и академик трёх американских академий. Когда я спросила его каких, он мне не стал их перечислять, сказав, что он ещё и академик Европейской Академии наук, а эта академия перекрывает все остальные. Кроме всего перечисленного, он член Лондонского Королевского Общества, а это очень почётно. И ещё в тот раз он рассказал мне, что два месяца назад, в ноябре 2005-го года получил во Флориде американскую награду - медаль им. Тимошенко, знаменитого русского математика-механика, причём из российских математиков-механиков только он один получил эту медаль, и она очень ему дорога. Сейчас он вернулся в Россию и работает в институте Океанологии.

Я узнала у Гриши дату смерти Пелагеи Яковлевны Кочиной. Умерла эта замечательная женщина 3- го июля 1999 года.

Мне опять «посчастливилось» быть в Москве при захоронении урны с прахом Пелагеи Яковлевны на Новодевичьем кладбище. Захоронили урну в могилу Николая Евграфовича Кочина. Я постояла над могилой и от всего сердца поблагодарила их обоих за всё хорошее, что они сделали для меня.

Ну, а жизнь продолжается. Давно уже у наших детей свои личные жизни. Семья моей дочери с 1995 г. живёт в Америке. Я живу с сыном в Ленинграде. Ирочка и Гриша живут с Надюшей и её мужем Серёжей в Москве. Верочка, вторая дочка Гриши и Иры, живёт со своим мужем отдельно.

Мой покойный муж любил писать на своих друзей шуточные эпиграммы. Во что он написал на шестидесятилетие Гриши:

*Ведь каждый выглядеть бы рад,
Как в шесть на десять Баренблатт.
Такое может лишь присниться,
Он в каждой колеснице – спица.*

Я под нажимом внука Васи с 2004-го года начала писать воспоминания. Получились четыре книжки, небольшим тиражом они выходили ежегодно, начиная с 2007-го года. Проезжая через Москву, я заносила их Ирочке по мере издания. Грише я тоже пересылала свои книжки. Помню, ему понравилась вторая, «Возращение», он говорил мне, что это – «пресса» и надо предложить напечатать её официально, но я как-то не собралась. Сейчас, когда пишу пятую, попробую, если успею...

Мне всё-таки 85 лет.

ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ САМСОНОВ

Идёт Великая Отечественная война. В 1944 году после окончания 8-го класса саратовской женской школы я еду работать в подсобное хозяйство университета с дочерью наших знакомых Надей. Надя – аспирантка, химик. За счёт меня ей уменьшат количество необходимых рабочих дней в подсобном хозяйстве. Ленинградский университет эвакуирован в Саратов и полностью влился в Саратовский университет. Среди Надиных гостей бывал интересный молодой человек Юра Самсонов, тоже аспирант-химик, эвакуированный из Ленинграда. Запомнился его красивый баритон, когда пели за столом «Из-за острова на стрежень, на простор речной волны wypлывают расписные Стеньки Разина челны...»

Судьба сводит меня с Юрой Самсоновым в подсобном хозяйстве. Мы с ним возим капусту на арбе, управляя двумя волами. Как это делается, мы не знаем. Мы кричим «цоб-цобэ», волы это слово знают, но почему-то шарахаются то влево, то вправо. По синусоиде! Позднее мы узнали, что «цоб» - влево, а «цобэ» - вправо. Зато сколько Юра рассказал мне интересного, милого моему раненому сердцу!

Тогда я не знала всей правды о своём отце. Ленинградский университет здесь, но папы здесь почему-то нет, а ведь ЛГУ – это одно из мест его работы, может быть, он эвакуирован в другой город и не может найти нас. Я не допускаю мысли о смерти его в блокадном Ленинграде.

Оказывается, Юра Самсонов – папин студент. Профессор Извеков читал ему курс высшей математики на первых курсах химического факультета ЛГУ. Я без конца просила Юру повторять всё, что он помнит о папе. Юра вспоминал, как папа был одет, как входил в аудиторию, как клал свой портфель, как начинал читать лекцию. Юра был очень воспитанным, интеллигентным молодым человеком, и хотя мы с ним были на «ты», для меня он был взрослым. Я даже дала ему прозвище «без двадцати пяти минут», наверное, имея в виду, что вид у него почти профессорский. Судьба сведёт меня с ним году в 70-м, через четверть века, когда

подружатся наши дети, и тогда дружба наших семей будет продолжаться долгие годы, пока трагические смерти не оборвут её.

Прошло ни много ни мало - четверть века... Уже моя дочь Катя собирается поступать в университет. Ещё учась в школе, Катя часто говорила: «Сегодня ехала из школы с Васей Самсоновым». Однажды я у неё спросила: «У Васи Самсонова отец – химик? И если он химик, спроси, не был ли он эвакуирован во время войны в Саратов». Через какое-то время подтверждаются мои подозрения, что это тот самый Юра Самсонов, с которым мы в Саратове в подсобном хозяйстве возили на арбе капусту и кричали «цоб-цобэ».

В один из вечеров, когда Вася был у нас, я попросила его соединить меня по телефону с его отцом. Лет 25 прошло с того времени, как мы общались в Саратове, но сейчас несмотря на то, что Георгий Васильевич с женой Ириной Несторовной собрались в кино, они легко согласились на моё предложение вместо кино прийти к нам, тем более, что и их сын у нас. Интересно было встретиться после долгой разлуки. Георгий Васильевич мало изменился, разве что посолиднел. Представляя нам свою супругу, предупредил, что Ирина Несторовна чуточку экспансивна. Нам Ирина Несторовна сразу же очень понравилась и полюбилась. За чаем Георгий Васильевич почему-то настойчиво убеждал меня, что в 18-летнем возрасте жениться рановато, наконец, до меня дошло, почему он это говорит. Видимо, частые Васиные визиты к нам навели его на мысль, что здесь что-то не чисто. Наверное, они потому и отказались от кино так легко. Я внутренне рассмеялась, у Кати в то время был совершенно другой «герой романа», тоже по имени Вася, и назывался Вася Беленький в отличие от Васи Чёрненького – Самсонова, с которым была просто школьная дружба. Но я с Георгием Васильевичем полностью согласилась. (Если бы этот совет возымел действие в отношении моего сына... Он женился в 18 лет, и ничего хорошего из этого не вышло.)

Мы очень подружились с семьёй Самсоновых. Они жили недалеко от нас на улице Типанова, а мы - на Московском шоссе. У Георгия Васильевича была машина, и очень часто после рабочего дня они с Ириной Несторовной заезжали за нами и везли нас в Баболовский парк в Пушкин. С тех пор Баболовский парк стал любимым местом прогулок нашей семьи. Неподалеку от нас на

Московском проспекте жили Евгений Сергеевич и Лидия Ивановна Ляпины, которые были нашими первыми друзьями в Ленинграде, когда в 1964 году мы переехали сюда из Саратова. Оба, и Е.С. Ляпин, и Г.В. Самсонов, были маститыми учёными, профессорами, заслуженными деятелями наук: Г.В. Самсонов в ИВС (Институте высокомолекулярных соединений), а Е.С. Ляпин заведовал кафедрой математики в Педагогическом институте им. Герцена. Все четверо были старше нас, но это нисколько не мешало нашей дружбе, тем более что и дети наши были дружны.

Володя Жулин, Катя Булах, Ляля и Серёжа Ляпины, Вася Самсонов и я.

Шутливое фото Самсоновых и Булахов

Борис имел обыкновение в Новый Год поздравлять стихами. Вот поздравление Георгию Васильевичу Самсонову:

*Желаем вставить Вам в машину ещё один (второй) мотор
И выстроить вокруг Вашей дачи ещё один большой забор.
Желаем быть Вам «на коне», жену свою любить вдвойне.
Самолечение осуждаем, но исключенье есть одно:
Лекарства сам изобретает Самсонов (ох, уж как давно).
Ему, однако, мы желаем лекарств поменьше принимать
И сладко, сладко, сладко спать...
Ещё желаем мы от сердца
Приобрести корреспондентство.*

Вот ещё одно, в другом году:

*Объявить войну болезням
Без сомнения полезней.
Чем скитаться по больницам
Поезжайте за границу.
Не хотите за границу,
Поезжайте вы на Рицу!
Не хотите вы на Рицу,
Поезжайте в Вырицу!
Вам в году желаем Новом
Быть весёлым и здоровым!*

У Ляпиных была дача в Токсово, а у Самсоновых - в Вырице. И там, и там мы с Борисом и наши дети были желанными гостями. Я в шутку говорила, что все мы: Булахи, Ляпины и Самсоновы неправильно поженились: Лидии Ивановне Ляпиной надо было выйти замуж за Георгия Васильевича Самсонова, так как они оба очень хозяйственные люди, всегда у них всё в порядке, Ирине Несторовне Самсоновой – за моего Бориса, они оба заядлые теннисисты, а мне - за Евгения Сергеевича Ляпина, так как мы с ним азартные картёжники (имеется в виду бридж). Словом, у нас образовалась прекрасная дружественная компания наших трёх семей.

Эта дружба продолжалась всю оставшуюся жизнь для каждого из нас. Но безжалостное время свело в могилу и моих друзей, и мужа. Теперь осталась одна я.

Завершая рассказ о нашем друге, Георгие Васильевиче Самсонове, остаётся сказать: трагическая смерть оборвала жизнь прекрасного, по-ленинградски высокоинтеллигентного человека. Он был зверски убит по дороге на дачу при обстоятельствах, не выясненных до сих пор.

Г.В. Самсонов

ЛЯПИНЫ

Семья Ляпиных – первые друзья после нашего переезда из Саратова в Ленинград. Первый гостеприимный дом, открывший двери нам, провинциалам.

Но всё началось немного раньше. Профессор Евгений Сергеевич Ляпин однажды приехал в Саратов в качестве оппонента диссертации одного из аспирантов саратовского профессора Виктора Владимировича Вагнера. Оба – маститые учёные с мировыми именами. Моя мама была знакома и поддерживала дружеские отношения с отцом Евгения Сергеевича, заведовавшим кафедрой методики преподавания математики в Педагогическом институте им. А.И. Герцена.

Приехав в Саратов, Евгений Сергеевич позвонил нам с маминой подачи, и я пригласила его с Виктором Владимировичем Вагнером к нам к семи часам вечера, когда мы с мужем будем уже дома после работы. Я в то время работала в школе рабочей молодежи преподавателем математики, Борис – доцентом на кафедре гидромеханики в Саратовском университете. Недооценила я того момента, что оба моих гостя – профессора точных наук, оба интеллигентны в высшей степени и оба «случайные люди» в Саратове, где принято было: если зовут к 7 часам, то приходят в 8. Конечно, я не успела как следует подготовиться к приёму гостей. Но, во всяком случае, знакомство с главой семьи Ляпиных состоялось.

Итак, первыми нашими друзьями в Ленинграде стала семья Ляпиных. К тому времени Евгений Сергеевич заведовал кафедрой алгебры в Педагогическом институте, и жили они на территории института в самом центре города.

Мы были впервые приглашены к ним, это была масленица. Познакомились с женой Евгения Сергеевича Лидией Ивановной и их детьми Лялей (Ларисой) и Серёжей, которые учились в школе №239 с физико-математическим уклоном. Позднее и наши дети окончили эту школу. Бедные мои дети, они так любили блины, но они привыкли есть их руками, а здесь за столом все пользовались

ножом и вилкой. И они, несчастные, не съели ни одного блина. Как же мне было стыдно! Я всю жизнь жила «опрометью» и очень многое в своей жизни не успела сделать, например, вовремя научить детей пользоваться за столом приборами. Вспоминается случай, когда мой зять Володя выгнал из-за стола своего семилетнего сынишку и моего внучонка Васеньку за то, что тот неправильно владел ножом и вилкой. Зато Вася научился есть красиво.

Дети до сих пор помнят весёлую пасху, которую мы праздновали у Ляпиных на их даче в Токсове. Уже не говоря о том, какие вкусные были куличи и пасха. Как же было весело катать с лоточка деревянные яйца на площадке возле дачи! Мы, женщины - Лидия Ивановна и я, очень подружились. Лидия Ивановна обладала редким шармом (русского слова не могу подобрать), настолько она была всегда приветлива, женственна, скромна, при этом хороша собой и... мудра.

Я была по сравнению с нею «ничто» как хозяйка. Её хозяйственными советами, особенно когда приглашаю гостей, пользуюсь до сих пор. Наши мужья тоже близко сошлись характерами, и на всех совместных прогулках, в основном в Павловске, все были довольны друг другом. Мужчины говорили о своих делах, а мы, женщины, о своих - в основном о детях и о хозяйстве.

В конце 60-х годов мы с Борисом и старшими Ляпиными побывали на Куршской косе в Ниде, это на границе Литвы и Калининградской области. В Ниде мы посетили дом Томаса Манна, автора романа «Лотта в Веймаре». Мне было приятно вспомнить, как я более десяти лет тому назад, как и Лотта, ходила по анфиладе комнат дома Гёте в Веймаре и как, вернувшись оттуда, с удовольствием перечла этот довольно скучный роман.

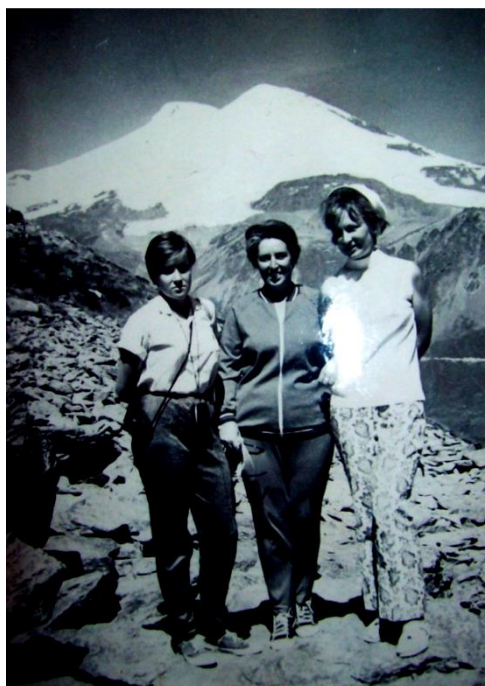
В 1971-м году Борис, Катя и я (Андрей в это время путешествовал с классом по Средней Азии) отправляемся в Севастополь. Позднее к нам присоединяется Евгений Сергеевич Ляпин. У него в Симферополе двоюродный брат, он приезжает на своей машине в Севастополь, забирает нас с Евгением Сергеевичем

и возит по тем местам, куда простому смертному вход закрыт. Мы побывали в Балаклаве, в Форосе, в закрытом месте у «маяка», где купались среди скал в изумрудной воде. Брат Евгения Сергеевича всю жизнь преподавал в Симферопольском автодорожном техникуме, все крымские водители, в том числе и «гаишники», были его учениками, поэтому он никого не боялся, любил говорить: «Если у меня заберут права, то завтра же выдадут обратно». В этот приезд мы побывали в Херсонесе, на пароходике проплыли от Севастополя до Коктебеля, впервые увидев восточный Крым со стороны моря.

Борис и Евгений Сергеевич возвратились в Ленинград, а к нам с Катей присоединилась дочка Евгения Сергеевича, Ляля, и я с девочками поехала на Кавказ, в долину Азау, куда у нас были куплены путёвки.

В долине Азау у нас был отличный номер на троих на последнем этаже большого корпуса. Из нашего окна был великолепный вид на цепь снежных гор, и близко от нас проходила канатная дорога. Как-то раз мы втроём решили примкнуть к группе, которая шла в Терскол. Туда мы двигались по шоссе, а обратно наш проводник решил вести нас горами, без дороги. Мы с Лялей очень быстро скисли и вернулись. Катя же прошла весь маршрут и даже набрала горных цветов.

Я всегда упрекала Катю в том, что в ней мало женственности, ставила ей в пример Лялю, уж очень Катя была похожа характером на мою мать, Ольгу Александровну. И вот собранный на маршруте букетик оранжевых высокогорных цветов она протянула мне со словами: «Пусть тебе Ляля их женственно расставит в вазу!»

Долина Азау

Крым. Форос

Летом 1972 г. мы с Ляпиными двумя полными семьями (четверо родителей и четверо детей) поехали в Закарпатье по путёвкам. Хотелось походить по горам и пожить походной жизнью. Базой нашей был город Мукачево.

У нас с Борисом уже был кое-какой опыт походной жизни в горах, чего нельзя было сказать про старших Ляпиных. Лидии Ивановне было трудно привыкать к рюкзаку, а у высокого

Евгения Сергеевича ноги не уместались в палатке, и всегда кто-то, спотыкаясь о них, чертыхался. Последнее обстоятельство его веселило: «Об меня спотыкаются – и меня же к чёрту посылают!» Четырехместные палатки были тесные, детям приходилось поворачиваться с боку на бок по одной команде. Но зато, сколько красивых мест мы увидели!

Только один из нас, а это был самый младший в нашей компании, наш Андрей, поднялся на самый пик Закарпатья - вершину горы Говерла. Правда, по его рассказам мы поняли, что никаких особенных красот он не увидел, так как очень устал и сразу же на вершине мгновенно уснул, проспав до команды проводника: «Спускаться вниз».

Закарпатье

Эстония. Пярну

В июле 1973-го года Катя выходит замуж за своего однокурсника Володю Жулина. Случилось так, что, когда Катя выходила замуж, Борис не мог присутствовать на свадьбе дочери. За пару дней до Катиной свадьбы на юбилее знакомого профессора в Доме учёных он отравился несвежей рыбой и был увезён в Боткинскую больницу. Перед отъездом в больницу он позвонил Ляпиным и попросил Евгения Сергеевича сыграть роль посажёного отца на Катиной свадьбе.

После свадьбы «молодые» отправляются в Сочи, где проводят свой «медовый» месяц. Андрей готовится к экзаменам на физический факультет университета и успешно их сдаёт. После экзаменов он, уже студентом, работает в университетском стройотряде в Стрельне. Мы с мужем вдруг оказываемся без детей, предоставленными самим себе. Решили поехать в г. Хаапсалу, в Эстонию.

В Прибалтике

В это время там были Самсоновы. Они любили Хаапсалу и часто там отдыхали. Позже туда приехали Ляпины, сняв номер в гостинице. Мы много гуляли, разъезжая по окрестностям, весело проводили время, не обременяя себя хозяйственными заботами, обедая в ресторане. Оттуда мы с Ляпиными поездом поехали в эстонский городок Пярну, где прожили ещё две недели, снимая частные квартиры.

В Пярну случился забавный случай. В снятой Ляпиными квартире сломался замок входной двери. Хозяев не было, они уехали на юг отдыхать. Лидия Ивановна купила новый замок, но кто его будет вставлять? Мы, женщины, не умеем, а наши мужья – профессора-теоретики. Городок незнакомый, никого не знаем.

Бедные Ляпины из квартиры выйти не могут. Не оставят же они открытую квартиру с хозяйскими и своими вещами! И вот тут-то мой Борис, которому никогда не приходилось заниматься такими вещами, проявил себя во всём блеске, вставив

новый замок в дверь. Евгений Сергеевич потом смотрел на него, как на бога. Для него такое действие было недоступно.

В 1975 году мы с Борисом праздновали свою серебряную свадьбу. До сих пор я люблю серебряную солонку, подаренной мне в этот день Ляпиными, но этого оказалось мало: Серёжа Ляпин вкатил в квартиру автомобильное колесо, оформленное в виде «торта»! У нас к этому времени уже была машина, и мы действительно нуждались в «запаске». Это был потрясающий, дефицитный в то время подарок Борису. День нашей свадьбы совпадал с днём рождения Бориса. Ему исполнилось в этом году 46 лет. На этот раз он написал сам себе шуточное поздравление:

*Лишь в 18 - это радость,
Но, Боже мой, какая гадость
Нас с днём рожденья поздравлять,
Когда тебе не 35!
Но, всё же ты не огорчайся,
И дольше с «гадостью» встречайся!*

Кстати, насчёт машины. У нас никогда не было свободных денег, но тут получилось так, что Борис написал серьёзную книгу по своей специальности: «Нелинейные конические течения газа» и получил деньги от издательства, которые нам позволили подумать о покупке машины. Ещё до этого нам пришлось продать картину Кустодиева, которую мы не могли повесить в своей малогабаритной квартире и, заняв у Евгения Сергеевича остальные деньги сроком на два года, мы купили машину. Теперь мы очень часто ездили с Ляпиными гулять в Павловск и в Пушкин уже на машине. По правде сказать, мы и машину-то задумали купить главным образом для того, чтобы ездить на ней, прежде всего, за грибами.

Когда дети были школьниками, Борис частенько (как правило, это было в середине недели, когда после субботы и воскресения лес вновь пополнялся грибами) входил утром к только что проснувшимся детям с вопросом: «Ребята, неужели вам хочется в школу? Поедьте лучше за грибами!» Надо ли говорить о реакции со стороны ребят на такое предложение. В основном это было в год

нашего переезда в Ленинград, в единственный год, когда я не работала, Катя была в 6-м, а Андрей - в 3-м классе. Мы садились в электричку, и она нас везла в леса Карельского перешейка, или поближе - в сторону Вырицы.

В конце 70-х годов и Борис, и Евгений Сергеевич перенесли инфаркты, после этих грустных событий мы стали жить осторожнее, и когда возобновились наши совместные поездки, чемоданы таскали уже мы с Лидией Ивановной. Сначала это была Лудза в Латвии. Помню, что Борису не понравился вечер отдыха на турбазе в «Саулескалнс». Он долго не мог заснуть в гостинице, где спортсмены праздновали свою очередную победу и написал раздражённые стихи, несмотря на то, что сам был рьяным болельщиком:

*Спортсмены, вырвавшись на волю
И не почувствовав кнута,
Грудные клетки криком рвали,
Небес штурмуя ворота.
И, утонувши в алкоголе,
Серее серого их стало вещество,
И растворилось в сквернословьи
Их человечесьё существо.
Как жаль, что этих мерзких тварей
Нельзя стрихнином угостить
Или «на благо человека»
Хотя б в виварий поместить!*

В 1980-м году (это был год Олимпиады, проходившей в Москве; Ленинград тоже готовился принять участие в празднестве, и помню, был негласный совет всем, кто может освободить город от своего присутствия, по возможности это сделать) мы с Ляпиными поехали в Смоленск. У нас четверых через ленинградский Дом учёных были куплены путёвки в пансионат на Немане, недалеко от Смоленска.

Осмотрев Смоленск, побывав в главном соборе, где Кутузов молился в 1812 году, посетив картинную галерею и съездив в имение Тенишевой, где мы полюбовались церковью с майоликой Врубеля, поехали в пансионат на Немане. Мы хорошо там провели время: плавали на пароходике, гуляли по берегам Немана, ездили в Гродно и иногда по вечерам играли в бридж.

На Немане

Поленово

В 1982-м году мы опять две недели отдыхаем вместе с Ляпиными, на этот раз в Пущино, где в гостинице на Оке у нас удобные номера. Совершаем речные прогулки до Тарусы и до усадьбы Поленово. В Тарусе - дом-музей Марины Цветаевой, в усадьбе Поленово – музей Поленова. Рядом с нашей гостиницей усадьба и дом Пущина, здесь Никита Михалков снимал в своё время кинофильм «Неоконченная пьеса для механического пианино». Съездили в Мелихово, в усадьбу Чехова.

Е.С. Ляпин в женском обществе

В 1984 году праздновалось мое 55-летие, можно было выйти на пенсию, но я и не думала уходить с работы. Ушла только в 67 лет, да и то потому, что стала глохнуть. Неудобно было студентов переспрашивать из-за своей глухоты. Моё 55-летие праздновалось очень весело. Я предупредила своих гостей, что будем играть в шарады. Каждая семья должна заранее подготовиться: придумать шараду (слово, состоящее из двух или трех самостоятельных слов, которые, не называя их, надо представить в двух или трёх сценках; затем надо представить само слово; все остальные гости – зрители – должны угадать задуманное слово).

Я не могла сначала вспомнить, что мы придумали с Борисом (кажется, изначально хотели загадать «лом-бард»), но вспомнила ляпинскую шараду. Они разыгрывали слово «Краков-як». В первом действии Лидия Ивановна рассказывала о польском городе, не называя его. А во втором действии Евгений Сергеевич лёг на пол и изобразил животное с рогами, приставив пальцы рук ко лбу. Затем представлялось задуманное слово полностью: чета Ляпиных великолепно исполнила соответствующий танцевальный номер! Они были победителями на этом весёлом конкурсе.

Сережа Ляпин вспомнил и подсказал мне, что шарада нашей семьи была фамилия «Ляпины». В первом действии Борис, обладая хорошим слухом, воспроизводил звук «ля», Катя при этом ему аккомпанировала на пианино. Во втором действии был представлен плакат: « $\pi = 3,14\dots$ ». В третьем действии я веду урок русского языка: «Все имена существительные, оканчивающиеся на «ны», требуют выпивки, как-то: *именины, родины, крестины, смотрины*, даже – *похороны*, за исключением слова *штаны*, которые требуют починки».

Полное слово было представлено моими стихами и поклоном всей нашей семьи из четырёх человек в сторону Ляпиных:

*Есть у нас знакомые,
Угадайте кто?
В спорт они влюблённые
И, притом, давно...
Сам глава наукой занят,
Он серьёзный очень,
Но наука не мешает
Бриджу поздней ночью.*

*Говорят, что у жены
Физика в крови.
Что-то много хобби разных
У одной семьи.
Мы в друзей влюблённые,
И, притом, давно.
Есть у нас знакомые
Угадайте, кто?*

Ещё: за несколько лет до этого Евгений Сергеевич пригласил Бориса и моего племянника Сашу Костарева учиться играть в бридж. Меня и Лиду, Сашину жену, не пригласил, считая, что нам, женщинам, освоить такую сложную игру будет трудно. Словом, «девчонок не берём!» Наши мужья стали слушать лекции по бриджу, но, как известно, лекции всегда требуют практических занятий для закрепления полученных знаний. А с кем их закреплять, как не с жёнами? Таким образом, мы с Лидой научились-таки играть в бридж, и с тех пор эта карточная игра прочно вошла в мою и её жизнь. И после того, как наши дорогие мужья ушли в мир иной, мы продолжаем играть в бридж, приобщив к этой игре ещё двух наших подруг. Бридж похож на шахматную игру, только участвуют здесь четверо. Игра настолько интересна, что не требует «подогрева» в виде денежного азарта, мы ни разу за 30 лет не играли в неё на деньги, но встретиться раз в неделю за бриджем – истинное удовольствие для всех нас четверых.

В 1986-м году Евгений Сергеевич Ляпин ездил на научную конференцию в г. Обервольфах (ФРГ) по приглашению Института математики Обервольфаха. На эти конференции приглашали на конкурсной основе 40-50 самых известных и активно работающих математиков со всего мира. Конференция проходила в специально выстроенном для конференций здании в горах Шварцвальда.

Помню, я была очень горда тем, что наш друг, Евгений Сергеевич Ляпин, оказался в числе этих 40-50. Помню ещё, как после поездки он рассказывал: «Я прилетел в Берлин, а меня никто не встречает, денег таких, чтобы на такси доехать до Шварцвальда, у меня нет, оставалось ждать, позже за мной приехали».

Однако, до чего же унижительно было для такого математика, как Е.С. Ляпин, оказаться в подобном положении! Ведь деньги, заработанные нашими учёными, бесстыдно забирались государством. А когда, скажем, в США вышла монография Евгения Сергеевича «Полугруппы», его просто не выпустили в Америку за гонораром (получить эти деньги можно было только лично). Моя мама, которая была в дружеских отношениях с академиком Владимиром Александровичем Фоком, рассказывала с его слов, что когда государственные чиновники предложили ему отдать деньги, заработанные за прочитанные лекции в Америке, он их не отдал, сказав: «Академик Фок – не оброчный мужик».

Помню, как мы с Евгением Сергеевичем вдвоём ходили смотреть квартиру на Московском проспекте, которую ему предложили взамен прежней на территории Пединститута (почему-то Лидия Ивановна не смогла пойти с ним). Квартира располагалась на углу Московского проспекта и Авиационной улицы возле станции метро «Московская». Это был семиэтажный дом «сталинской» постройки. Мы поднялись на лифте на четвёртый этаж и вошли в великолепную четырёхкомнатную квартиру с двумя входами, как в старых петербургских домах: парадный и «чёрный ход» во двор. Я вспомнила тогда свою довоенную квартиру на Васильевском острове, из которой была выписана в 1942-м.

При кухне осматриваемой квартиры была ещё маленькая комната для прислуги, словом, барская квартира. Я была потрясена, я таких квартир ещё не видела. Вышли на улицу. «Ну, как?» спросил Евгений Сергеевич. Я: «Нет слов, 5!» Он: «5 с плюсом». И рядом ещё метро! Прежняя квартира была тоже неплохая. Но эта... Так Ляпины переехали на Московский проспект. В те годы мы уже жили на Московском шоссе, так что оказались поблизости, да и общие наши друзья Самсоновы тоже жили неподалёку, на улице Типанова.

Сохранились стихотворные шуточные новогодние поздравления Бориса.

Например:

Серёже, Ире Ляпиным

*А в последние лета
Ведь погода-то не та!
Нужно, чтобы ГГО
Объяснило, отчего.
И работникам его
Мы желаем этого!*

(Ира – жена Серёжи)

Кате и Володе Жулиным

*В ГОИ, в ИВСе без сомненья
Нынче светопреставленье.
Там проблем тяжёлых рой
Возвышается горой!
Молодому поколенью
Предстоит их разрешение.
Пожелаем вам на счастье
В этом принимать участие!*

Ляпиным и Булахам

*Ведь правда, милые друзья,
За год состариться нельзя?
Но год особый наступает!
И перемены предвещает...
Довольно в молодых гулять,
Пора уж дедушками стать!
А бабушкам мы пожелаем
Лишь по названью ими быть,
Чтоб молодость души и чувства
На прежнем уровне хранить!
Ну, а придётся быть свекровью,
То обходиться малой кровью!*

В 1991-м году праздновалось 77-летие Евгения Сергеевича. На этом празднике я была одна, три года назад я потеряла своего любимого мужа. В тяжёлые для меня годы мои друзья Ляпины были, как всегда, рядом со мной. Помню, за столом я сидела рядом с академиком Михаилом Ивановичем Будыко, другом и партнёром Евгения Сергеевича по бриджу. После своего поздравления я показала фокус, который Васька, мой младший 8-летний внук, как-то принёс из школы. В те времена у нас появились впервые пакетики с чаем. «Фокус-анекдот» заключался в том, что якобы приходит наш человек в европейский магазин и видит коробку с чайными пакетиками. Берёт пакетик и спрашивает: «Что это такое?» Ему отвечают: «Ракета». Показывает на

картонный ярлычок: «Это что такое?» Ему отвечают: «Запасные детали». Спрашивает, показывая на сам мешочек: «А это что?» «Топливо» – отвечают. «И что, она полетит?» – спрашивает. «Полетит» – ему отвечают. «На фиг нам топливо, на фиг нам детали. У нас и так полетит!» – говорит наш человек и отрезает ярлычок, подрезает мешочек с «топливом», высыпает оттуда чай и поджигает пустой пакетик. И... действительно эта «ракета» взлетает! У меня предусмотрительно были взяты с собою спички, ножницы и чайный пакетик. Я всё это рассказала и проделала. Все были поражены; мой сосед М.И. Будыко говорит удивлённо самому себе: «Но почему же она всё-таки взлетает?!» В это время хозяйка просит гостей перейти в другую комнату, ей надо накрыть стол к чаю. Мы с Михаилом Ивановичем одновременно выходим, и он продолжает повторять: «Но почему же она всё-таки взлетает?», а я вспоминаю другой случай, когда я незадолго до этого показывала тот же фокус в купе поезда, и как прибежала проводница узнать, что делается в нашем купе, так как сработала пожарная сигнализация.

В 1997-м году у Евгения Сергеевича и Лидии Ивановны была «золотая свадьба». Я подарила им на свадьбу немецкий кофейный сервиз на шесть персон, бело-серый, по краям отделанный позолотой, с изображениями замков на Рейне. И, конечно, стихи собственного производства:

*Я подарила б золото с охотой!
Но... обойтись пришлось лишь позолотой.
Я хочу, чтобы полная чаша
Навсегда была спутницей вашей,
Чтобы наши ненастные дни
Были б счастьем и светом полны!
Я люблю вас теперь, как и прежде,
Как любила обоих всегда.
Я хочу, чтобы сбылись надежды
И чтоб в картах удача была!*

А потом наступили тяжёлые времена в семье Ляпиных. В 2000-м году умерла дорогая Лидия Ивановна. Евгений Сергеевич пережил любимую жену на пять лет и скончался в 2005 году.

Пусть земля им будет пухом...

P.S.

Из статьи Григория Машевицкого, ученика Евгения Сергеевича Ляпина (Университет им. Бен Гуриона, Беер Шева, Израиль, 19.09.2014):

«Е.С. Ляпин – заслуженный деятель науки РСФСР, алгебраист, с 1946 г. – зав. кафедрой высшей алгебры Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Наибольшей научной заслугой Л. явилась его многолетняя активная работа в области одной из основных алгебраических теорий современной алгебры – теории полугрупп. Он был автором первой в мировой литературе монографии по теории полугрупп (1960), переведенной на английский язык и трижды переизданной в США, создателем и главой отечественной школы алгебраистов-полугрупповиков. Созданный им семинар по теории полугрупп работает до настоящего времени. Автор известных книг для вузов: «Курс высшей алгебры», двухтомный курс «Алгебра и теория чисел» (совместно с А.Е. Евсеевым), «Упражнения по теории групп» (в соавторстве с его учениками), и пр.

Талант математика, талант учителя, талант писателя и талант философа очень редко соединяются в одном человеке. Ещё реже человек, обладающий такими талантами и живущий в непростое время, сохраняет в себе силу быть душевным, добрым человеком. Таким был Евгений Сергеевич.

Мне кажется, что важный вклад, который внесла Россия в культуру человечества в XX веке, - это уникальные научные школы. Евгений Сергеевич создал одну из самых больших научных школ в России, а значит, и во всем мире. Евгений Сергеевич очень внимательно относился к каждому из своих учеников и уделял каждому много времени.

Мне посчастливилось быть учеником Евгения Сергеевича, и я учился у него не только теории полугрупп, но и отношению к

жизни. Я очень сожалею о том, что по молодости не использовал в полной мере те возможности общения с Евгением Сергеевичем, которые он так щедро дарил своим ученикам.

Идеи Евгения Сергеевича настолько ясно выявляют связи между фундаментальными свойствами математических структур, что работать с этими идеями исключительно легко. Кажется, что и сейчас, как и 30-40 лет назад, Евгений Сергеевич помогает ясно увидеть фундаментальные связи между явлениями и свойствами математических структур. Евгений Сергеевич и сейчас освещает нам путь своим талантом и щедро позволяет нам быть его учениками».

ИГОРЬ ЛЕОНИДОВИЧ КАРОЛЬ

Игорь Леонидович Кароль – доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Главной геофизической обсерватории им. Воейкова, автор 10 монографий, более 200 публикаций в российских и международных научных журналах, заслуженный деятель науки Российской Федерации. В свои почти 88 лет ещё и профессор Ленинградского государственного университета. Случай уникальный. В математике есть такой термин, обозначающий нечто неизменное, так вот в шутку я зову его «инвариантом» во времени. Работать в двух местах, расположенных в диаметрально противоположных концах города, при этом не пользоваться машиной – это, знаете, героизм!

Передо мной лежат две его книги, подаренные мне в своё время, очень хорошо изданные. Первая очень серьёзная, изданная в 1972 г, я и не пыталась её прочесть: «Радиоактивные изотопы и глобальный перенос в атмосфере».

Вторая книга – научно-просветительская, написана очень доходчивым языком, я с большим интересом её прочла: «Парадоксы климата. Ледниковый период или обжигающий зной». Авторы - И.Л. Кароль, А.А. Киселёв, проект «Наука и мир», 2013 г.

Дарственная надпись: *Дорогой Танечке Извековой не только на память о 80-летней дружбе, но и для сведений о том, что делается вокруг. Август 2013 г. И. Кароль.*

Не каждый может похвастаться 80-летней дружбой в течение своей жизни. Я могу. Такой срок нашей дружбе с Игорем Леонидовичем Каролём. Жили мы оба на Васильевском Острове и наши родители работали вместе в Главной геофизической обсерватории, которая тоже в ту пору находилась на В.О. Гога был старше меня на два года. Он жил на 2-й линии, а я на 11-й линии. Ему очень рано разрешили ходить ко мне самостоятельно.

Наверное, ему было лет 6 (первое воспоминание о нём). Я сижу на горшке в коридоре напротив нашей большой 26-метровой кухни, няня что-то готовит на плите. В это время

звонок в парадной. Няня проходя мимо меня, чтобы открыть дверь в прихожей, кричит: «Вставай с горшка, жених пришёл!»

Позже, когда мне было около шести лет, мама организовала для меня группу французского языка. Нас было четверо: Гога Кароль, Сева и Валя Бианки, брат и сестра – внучатные племянники писателя Бианки, и я. Учительницей нашей была Елена Юльевна Пржевальинская. Сама она была из Швейцарии, каким её ветром занесло в Россию, не знаю. Мы в основном играли и понемногу пытались говорить по-французски. Позднее всё это пригодилось.

В 1940 году мама организовала уроки танцев. Танцевали я, моя школьная подруга Олеся, Гога, и ещё учительница приводила с собой мальчика Юру. Сначала была работа у станка, затем разучивались танцы: полька, венгерка, «Светит месяц, светит ясный», лезгинка и вальс.

Через 70 лет мы с Игорем Каролем специально сфотографировались, но уже вдвоём, с любимым моим котом Усиком на руках.

Сева, Валя, я и Гога

Мы с Игорем через 70 лет

Во время войны в эвакуации мы опять с Игорём оказались вместе в деревне Ануфриево. Теперь его детским именем Гога уже не звали. Игорь работал на колхозных работах, научился запрягать лошадь, возил на поля навоз. Я была подпаском в колхозном стаде коров. Закончив в деревне 7-й класс, Игорь уплыл по Шексне и Волге в Саратов к матери, Берте Петровне, которая эвакуировалась туда с ЛГУ. Через год и мы с мамой перебрались в Саратов. Игорь через пару лет, сдав экстерном экзамены за 10-ый класс, поступил там в Ленинградский университет и вернулся с ним после блокады в Ленинград. Я же вернулась в Ленинград только в 1964-м году с мужем и двумя детьми. Игорь к тому времени был женат на прекрасной женщине, Нине Белеховой, ставшей моим большим другом и тоже обзавёлся двумя детьми.

Летом 1982-го года мы с мужем пригласили Игоря поехать с нами на машине в Ануфриево, в «нашу деревню», где мы с Игорем были во время войны. Нина по какой-то причине поехать с нами не смогла, мы поехали втроём. Мы чудесно провели время в Ануфриеве, фотографировались на Фетинине возле нашей школы-семилетки, где мы с Игорём учились во время войны, гуляли по деревне, где бабы помнили меня ещё девочкой. Одна из них подошла к нам и спросила: «Мужик-то твой, который из них?» - «Оба, бабоньки, оба!» - будто бы ответила я. Об этом мне напомнил Игорь, когда праздновалось моё семидесятилетие в 1999 году, через 17 лет (помню, я тогда попросила гостей вместо тостов вспоминать что-нибудь интересное из моей жизни).

Игорь и я на месте нашей избы

Комары!

Время шло, дети росли. Сначала овдовела я в 1987 году, лет через восемь овдовел и Игорь. На его семидесятилетие в 1997-м году я подарила ему свои стихи.

*Золотую осень мы с надеждой спросим:
Расскажи нам, осень, как нам дальше жить?
Как нам быть со счастьем?
Как нам быть с ненастьем?
Как же нам с надеждами на будущее быть?
И ответит осень, раз её мы просим:
«Радуйтесь! Терпите...» - скажет нам она. -
«И в своих надеждах главное учтите:
Золотая осень – ЕЩЁ НЕ ЗИМА!»*

Ну, раз «осень ещё не зима», мы с Игорём решили попутешествовать.

В 2000-м году слетали туристами в Израиль. В 2005-м году летали на Камчатку, в 2006-м на Байкал, в 2007-м году на Кипр, в 2008-м в Болгарию, ещё летали вместе в Прагу.

Сейчас на дворе 2015 год. Года четыре тому назад произошло одно событие, о котором я хочу рассказать несколько подробнее и заодно о некоторой небольшой роли в моей личной жизни Валентины Ивановны Матвиенко – экс-губернатора Петербурга, которой я очень благодарна, надо сказать, в отличие от некоторых других петербуржцев, но на всех, как говорится, не угодишь на таком высоком посту.

Несколько лет тому назад Валентина Ивановна, будучи губернатором Петербурга, издала Указ о выделении надбавки к пенсии детям репрессированных родителей во время блокады Ленинграда. Я как раз и являюсь дочерью репрессированных родителей, человеком трудной судьбы.

Мой отец Борис Иванович Извеков был профессором ЛГУ, заведующим кафедрой математики Военно-Морской Академии им. Ворошилова, по совместительству профессором ЛЭТИ им. Ульянова-Ленина. Был арестован во время блокады в феврале 1942-го. Суд состоялся в апреле того же года. Ни в чём не повинный, мой отец был приговорён к расстрелу. Впоследствии расстрел был заменён на 10 лет лишения свободы, но 22-го июня 1942 года, после пяти месяцев, проведённых в тюрьме НКВД, после допросов и пыток умер в возрасте 51 года.

Мне в ту пору было 13 лет, сейчас 83 года. Нелегко мне было прожить до своих 27 лет, до февраля 1956 года с ярлыком «дочери врага народа», когда на XX съезде партии Хрущёв разоблачил культ личности Сталина, принародно осудив режим, при котором

происходили чудовищные преступления, жертвой которых был и мой отец.

Указ Валентины Ивановны Матвиенко, в то время губернатора Петербурга, не был утверждён Законодательным собранием Петербурга, и только спустя год она добилась того, чтобы указ был утверждён.

Меня вызвали в собес и предложили написать заявление на получение этой прибавки пожизненно. Это были 812 рублей. Вместе с тем было предложено подать заявление в суд с просьбой выдать эту надбавку за предыдущий год. В суде Кировского района я обнаружила много людей моего возраста и постарше. Преимущественно это были женщины. Мы ждали, когда судья нас примет. Судья была занята со своим клиентом. Выйдя из своего кабинета и увидев такое количество народа, пришедших вовремя и ждавших аудиенции, она через несколько минут вернулась и пригласила нас в зал заседаний, видимо, договорившись с клиентом о перерыве их разговора. Мы вошли в зал, и получилось так, что моё место оказалось сбоку от стола судьи рядом с человеком средних лет, который из-за нас был вынужден подождать.

Он с удивлением оглядел весь зал и спросил меня: «Откуда этот паноптикум?»

«А Вы взгляните внимательнее в этот «паноптикум». Вы встречали где-нибудь такое скопление женских интеллигентных лиц?» - спросила я.

Он: «Да, пожалуй... Откуда это?»

Я: «Это дети репрессированных родителей во время блокады Ленинграда».

Такой был интересный разговор!

Я получила тогда около 10 тысяч, а в настоящее время надбавка к пенсии за прошедшие годы выросла с 812 рублей до полутора тысяч рублей в месяц. Не бог весть, какие деньги, но всё-таки. Так что Валентине Ивановне от меня большое спасибо.

Далее другая история, тоже связанная с Валентиной Ивановной Матвиенко, но ещё и с Игорем Леонидовичем Каролём. Живёт он возле Летнего сада на улице Пестеля в старом петербургском доме,

к сожалению, на 5-м, последнем этаже. От этого, конечно, бесконечные протечки.

Когда в очередной раз он пожаловался мне на протечку и рассказал, как, поднимаясь на чердак с тазом в руках, был обруган спускающейся с чердака рассерженной женщиной, принявшей его за дворника (она уже подставила под капель свой таз), тут уж и моё терпение лопнуло. Я предложила своему другу сфотографировать протечки в комнатах и кухне и решила написать письмо Валентине Ивановне Матвиенко, убедившись ранее в её отзывчивости к чужим бедам. Мой сын лично отнёс моё письмо в Смольный и зарегистрировал его в приёмной губернатора.

Привожу своё письмо:

Глубокоуважаемая Валентина Ивановна!

Обращаюсь к Вам с просьбой.

Мой друг - Кароль Игорь Леонидович, профессор ЛГУ и старший научный сотрудник ГГО, 84-х лет, работающий в настоящее время, несмотря на возраст, в двух местах, заслуженный деятель науки, ветеран войны и прочее...

Нашей с ним дружбе около 75 лет, поэтому я беру на себя смелость обратиться лично к Вам, так как он в силу своей деликатной профессорской интеллигентности сам к Вам не обратится.

Кстати, он Вам не безызвестен.

Вы ему вручали в Смольном в моём присутствии диплом о награждении научной премией С. - Петербургского Научного центра Академии наук России в 2008 г. и букет цветов, который хранился около года!

Он, Кароль И.Л., живёт один и очень страдает в своей квартире по адресу ул. Пестеля д.5, кв 19 (телефон: 579-64-36) из-за протечек во всей квартире, так как это 5-й, последний этаж.

Он вынужден по 2 раза в день подниматься на чердак (а это надо выйти из подъезда на улицу, зайти во двор и подняться на 6-ой этаж без лифта по «чёрной» лестнице), чтобы каждый раз предотвращать протечку, подставляя тазы и прочее, чтобы как-нибудь направить потоки талой воды с крыши в нужное русло.

Вчера по тем же причинам он встретил на лестнице у чердака рассерженную женщину.

«Вы – дворник?» - спросила она.

«Нет, я профессор Ленинградского университета» - ответил он.

И всё это после неоднократных обращений в управляющие организации, ведающие жилищным хозяйством...

Не правда ли, хороший сюжет для рассказа, тем более что я, Булах-Извекова Татьяна Борисовна, проработав до выхода на пенсию последние 33 года на кафедре математики в Текстильном институте (стаж 52 года!) недавно уже написала 4 книги, которые с успехом разошлись в главных книжных магазинах С. - Петербурга.

Уважаемая Валентина Ивановна! Очень прошу Вас помочь моему долголетнему другу.

С уважением, Булах Т.Б.

P.S.

Таких одиноких стариков-интеллигентов в С.-Петербурге, наверное, много, и для них (и не только для них) надо бы что-то сделать с крышами старых домов в центре города.

В дополнение, прилагаю отдельные фотографии из многих мест протечек, побудившие меня обратиться к Вам.

Далее события развивались так. В течение месяца я получила ответ на своё письмо. Я была уведомлена о том, что письмо моё получено и будет принято к сведению.

Затем 25 марта 2011 г. я получила официальное письмо со штампом правительства Санкт-Петербурга уже из администрации Центрального района Санкт-Петербурга о рассмотрении моего обращения:

ПРАВИТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

**АДМИНИСТРАЦИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Невский пр., д.176, Санкт-Петербург, 191167
Тел. (812) 274-2441 Факс (812) 274-2226
E-mail: tucentr@gov.spb.ru
http://www.gov.spb.ru

ОКПО 35493737 ОКОГУ 23010 ОГРН 1037843045701
ИНН/КПП 7825660628/782501001

№ 1704/011 ОГ-2547/1/0-11 -0-1
На № 11.241713 от 25.03.2011

О рассмотрении обращения

Булах Т.Б.

**/ Ленинский пр. д. 124, кв. 109,
Санкт-Петербург**

**Начальнику секретариата
Заместителю руководителя
Администрации Губернатора
Санкт-Петербурга**

В.А. Каблукову

**Директору
ГУ «Жилищное агентство
Центрального района
Санкт-Петербурга»**

Т.М. Квасничиной

**Невский пр., д.176
Санкт-Петербург, 191167**

**Генеральному директору
ООО "Жилкомсервис №1
Центрального района**

Т.А. Хлуновой

**ул. Моховая, д. 8
Санкт-Петербург, 191028**

На Ваше обращение, поступившее из Администрации Губернатора Санкт-Петербурга, по вопросу протечек через кровлю в кв.19 д.5 по ул. Пестеля, администрация района сообщает следующее.

По указанному адресу установлено наличие протечек через кровлю, о чем составлен акт.

ООО "Жилкомсервис № 1 Центрального района" выполнен (локальный) ремонт поврежденных участков кровли над кв.19 д. 5 по ул. Пестеля с применением битумно-полимерной мастики 14.04.2011.

Текущий ремонт кровельного покрытия будет произведен управляющей компанией ООО "Жилкомсервис № 1 Центрального района" в срок до 01.07.2011.

Работы по ликвидации следов протечек по указанному адресу будут предусмотрены, по согласованию с жителем кв.19 д.5 по ул. Пестеля, адресной программой 2012 года во 2 квартале.

Ответственный за контроль и выполнение данных работ – главный инженер ООО "Жилкомсервис № 1 Центрального района" Федотова Р.А., ул. Моховая д. 8, тел. 273-26-02.

Глава администрации

М.Д. Щербакова

В результате все внешние работы по ремонту были сделаны, а на внутренние работы по ликвидации следов протечек моему другу были отпущены 15 тысяч рублей из городской казны.

Не так давно мы ходили с ним на очередную художественную выставку в корпус Бенуа Русского музея. Это близко от его дома, недалеко от Инженерного замка. Он предложил мне зайти к нему,

посмотреть на его обновлённую, отремонтированную заново квартиру.

- Ну как, помогла я тебе с ремонтом? - спросила я.

- Да нет, это всё моя родственница бегала, выбивала... - получила я в ответ.

Я хотела возразить: почему же в таком случае отчёт о проделанной работе посылают мне, а не ей, но потеряла дар речи. Ну, что ж, бывает и так.

- Знаешь, давай-ка пойдём лучше в «Бродячую собаку», тем более что она за углом, там посидим, - предложила я. - Люблю я это кафе.

Раньше это помещение было приютом поэтов «Серебряного века», сейчас эта традиция продолжается (много надписей известных людей искусства на белой стене коридора), например четверостишие Е. Евтушенко:

*Я сам – бродячая собака, хожу на длинном поводке
У Пушкина и Пастернака, и у Бессмертия в руке.*

Ничего себе, каков поэт, излишком скромности не обладает. Ну, ладно, «у Пушкина и Пастернака», но у «Бессмертия» - это уже слишком!

А насчёт протечек...

Главное, цель достигнута и на голову пока ничего не льётся. Будем надеяться, что ремонт сделан качественно. И не всё ли равно - чья это заслуга, хотя совершенно ясно, что заслуга эта - Валентины Ивановны.

А насчёт Игоря Леонидовича Кароля, мы по-прежнему с ним в большой дружбе. Перезваниваемся с ним каждый вечер. Было время, когда он раз в неделю приходил ко мне пообедать.

Сейчас его визиты поредели, сказывается возраст, больные ноги. Но ходит без палки, не в пример мне, читает без очков. Словом, молодец! По сравнению с ним, я просто – кляча...

Всё-таки гены – великая сила. Его мать, Берта Петровна Кароль, дожила до 100 лет, правда, последние годы лежала из-за больных ног. Об этой мужественной женщине можно было бы написать целую повесть, но это сюжет для другого рассказа. Если кратко:

Берта Петровна работала в ГФО (после революции эта организация была переименована в ГГО) с 1915 г. до 1941 г., потом работала доцентом на географическом факультете ЛГУ до 1970-х гг. Написала книги «Г.И. Вильд – директор ГФО (1865-1864 гг.)», «Ломоносов и метеорология», «Б.Б. Голицын – директор ГФО».

Я её запомнила весёлой, общительной женщиной, хотя знаю, что жизнь её была далеко не лёгкой. И сейчас я, прожив долгую жизнь, думаю: каким же мужеством надо было обладать и как надо было верить моей матери, Ольге Александровне, и как надо было любить своего единственного сына, чтобы отдать его в её руки, не зная, что будет дальше, лишь бы вывезти Игоря из блокадного Ленинграда.

Берта Петровна рассказала мне забавный случай, связанный с моим отцом и Главной геофизической обсерваторией, в которой она проработала почти половину своей сознательной жизни. «Как-то на одном вечере в Обсерватории, может быть в честь какого-нибудь юбилея, не помню, мы, женщины, сидели в креслах, а в центре гостиной сгруппировались мужчины. Они вели очень интересный разговор, к которому мы прислушались. Говорил И.А. Кибель (будущий член-корреспондент Академии наук). Разговор был о женщинах.

Кибель: «Женщины бывают трёх сортов: первый сорт – дамы, второй сорт – просто женщины, третий сорт – бабы. Например, к первому сорту я отношу Галину Уланову (он был горячим поклонником Улановой), но тут вступил в разговор твой отец, Борис Иванович Извеков, и, вынимая из бокового кармана твою фотографию пятилетней девочки, сказал: «А эта женщина – высшего класса!», и все с этим согласились».

Возвращаясь к Игорю Леонидовичу Каролё, я нашла у себя ещё одну подаренную им книгу «О климате по существу и всерьёз», прекрасно оформленную, с цветными графиками и картинками. Читаю дарственную надпись: *«Моему лучшему другу Танечке Извековой. Июнь 2008 г. И. Кароль»*.

Ну, значит, заслужила...

2015 г.

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ ЖУЛИН

Я пишу о своём родственнике и друге И.В. Жулине. Наша семья недавно его потеряла. Это случилось 13 марта 2011 года. Он скончался внезапно на 85-м году жизни. Светлый был он человек, сильный, принципиальный, несгибаемый, сдержанный, словом, большого достоинства человек.

С чего же началось наше знакомство? Наверное, с поездки моей дочки Кати, студентки 3-го курса, в Закарпатье покататься на лыжах в зимние каникулы. Я купила 3 путёвки: для Кати, для её подруги по факультету Марины Клейнер, а про третью, отдав им в руки, сказала: «Предложите какому-нибудь мальчику, без мальчика не пушу!» Этим «мальчиком» оказался Володя Жулин, который впоследствии занял прочное место в нашей семье, став мужем Кати и отцом моих любимых внуков.

После этой поездки и началась их дружба, перешедшая в любовь и, в конце концов, приведшая молодых людей к свадьбе в 1973 г. Мы с мужем познакомились с Володиными родителями - Игорем Васильевичем и Антониной Ивановной, когда они, ещё задолго до свадьбы, приехали к нам вместе с Володиной сестричкой Милой. Милочка была пухленькая девочка, и Борис, шутя, спросил её, где это она такие щёчки нагуляла? Потом был наш ответный визит на Гаванскую на Васильевском острове. Там жила Володина бабушка Анна Семёновна. «БабАня» - так её называли внуки. Борис своё внимание сконцентрировал главным образом на Володиной бабушке, так как молодые планировали жить у неё. Все сидели за круглым столом в комнате Анны Семёновны, а вторая, большая, только что отремонтированная комната в двухкомнатной квартире постройки сталинского типа предоставлялась молодым после свадьбы. Катя была в красненькой бархатной кофточке и коричневом сарафанчике, с хвостиком волос на затылке. Они с Володей не участвовали в общем разговоре за столом и только тихонечко шушукались и посмеивались над взрослыми, которые говорили об их дальнейшей жизни и о том, какую мебель надо покупать в комнату.

Вот с этих далёких дней и началась долголетняя дружба Булахов с Жулиными.

К сожалению, очень рано ушла из жизни Антонина Ивановна, её первому внуку Антоше, названному в её честь, было всего около 4 лет. Это была очень хорошая, достойная женщина, беззаветно преданная своей семье. Она поделила с Катей тяготы первых двух лет Антошкиной жизни, за что Катя безмерно была ей благодарна. Катин отец и мой дорогой муж тоже безвременно ушёл от нас, когда Антошиному братику Васе было 3,5 года.

Из старшего поколения в нашей, уже общей, семье остались Игорь Васильевич и я. Дети наши женаты четвёртый десяток лет, и однажды я ему предложила: «Игорь Васильевич, уже дети наши справили серебряную свадьбу, давайте перейдём с Вами на «ты» и по именам - Игорь и Таня, ведь мы же друзья». На моё предложение он ответил: «Татьяна Борисовна, мы не друзья, мы родственники». И всё осталось по-прежнему, наверное, так ему было удобнее. Соблюдал дистанцию, был чрезвычайно корректен, кстати, не терпел бранных выражений, тем более матерных. Возмущался тем, что написанные мною книжки грешат иногда нецензурными выражениями. «Как это интеллигенция позволяет себе такое!» - вопрошал он. Вообще, он терпеть не мог интеллигенцию. «От неё все беды», - говаривал он, хотя сам был интеллигентом в полном и самом хорошем смысле этого слова.

Не проходило почти ни одного дня, чтобы мы не перезванивались и не делились своими мыслями, особенно о новостях в политике, имея диаметрально противоположные взгляды и яростно защищая каждый свою позицию.

Он как коммунист, член партии, выступал за советскую власть. Я же, наоборот, против советской власти, не могу простить ей исковерканную жизнь моих родителей, и тяжёлый штамп «дочери врага народа» до 27 лет моей жизни.

Вспоминается интересный случай на даче, где частенько мы оказываемся вместе. Однажды, как всегда по вечерам, после просмотра вечерних новостей, Игорь Васильевич читал недавно купленную им книгу Гранина «Причуды памяти». Книга замечательная, и я урывками, когда он был занят, ею

зачитывалась. И вот вдруг, он отдаёт мне эту книгу со словами: «Читайте, я её больше читать не буду!» В книге оставалась закладка, и я прочитала эту страницу. Для краткости передаю смысл её собственными словами: если собрать вместе всех экономистов мира и задать им единственный вопрос: как самую богатую, самую работающую, самую интеллектуальную страну в мире превратить в самую нищую и отсталую страну, то ни один экономист ответа не даст; а советская власть это сделала.

Как же нужно было любить советскую власть, чтобы обидеться на такие строчки! И как же эта самая власть в лице Сталина, лично подписавшего смертный приговор моему отцу как изменнику родины, «обидела» меня...

Когда вышла из печати моя вторая книжка «Возвращение», на одном из моих дней рождения я протянула Игорю Васильевичу, как и всем остальным гостям, новую книжку с авторской надписью, но он отреагировал так: «Я вашу писанину читать не стану!»

Ну, если он Гранина не стал читать, так чего уж мне-то обижаться, видно не по нутру пришлась ему первая моя книжка «Преодоление», где я проклиная сталинское время. Знал бы он, что через пару лет книжка, которая его так возмутила, напомнит о себе.

Я отвергнутую книжку отвезла на дачу (она уже испорченная - надписанная). Смотрю как-то, она у него в руках - читает. Я смеюсь: «Как это Вы, Игорь Васильевич, вдруг мою писанину читаете?» Отвечает: «Имею право, она моя - тут написано».

На моём 80-лети, когда аналогичным образом я раздавала третью свою книжку «Продолжение», проходя мимо него, я сказала: «Вам ведь не надо, всё равно читать не будете». Он выхватил книжку у меня из рук: «Для дочки!»

Видимо, в прошлый раз мы хорошо были «навеселе», недаром мудрая поговорка гласит: «Что у трезвого на уме, у пьяного на языке!»

«Эхо Москвы» он принципиально не слушал, а «Новую газету» регулярно покупал.

Но всё это нашей дружбе совершенно не мешало. Он всегда готов был во всём мне помочь, откликался на все мои домашние «беды». А у меня постоянно что-нибудь в беспорядке: то штепсель искрит, то полочку надо приладить, то с холодильником что-то не так, то утюг захандрил, то пылесос вышел из строя, словом, «палочка-выручалочка» - так я его прозвала. За очень многое я ему благодарна. И не только за всякие хозяйственные неполадки, которые он устранял, но и за то, что он с некоторой нежностью, несвойственной ему по характеру (человек он был далеко не мягкий), относился к моему сыну Андрею, не говоря уж о том, что он прекрасно относился к своей невестке - моей Кате.

Дважды он спасал мне жизнь. Оба раза на даче.

Первый раз это было в 1996 году. После того, как я вскопала очередную грядку, потом неловко повернулась, чтобы на кровати раскладывать пасьянс, а перед этим ещё полакомилась несвежими шоколадными конфетами, я серьезно заболела. Вызвав скорую помощь из Сосново, я отказалась ехать в местную больничку, но попросила позвонить Игорю Васильевичу в город, с просьбой приехать за мной на дачу, объяснив ему ситуацию. Игорь Васильевич приехал через 4 часа (не ближний край!) и отвез меня в городскую больницу, где меня срочно прооперировали. Случай оказался очень серьезным, я пролежала в больнице 2 месяца и выписалась из больницы с диагнозом: перитонит, холецистит, панкреатит - «все в одном флаконе!» Если бы не Игорь Васильевич, неизвестно чем бы эта история закончилась.

Второе ЧП произошло тоже на даче во время знаменитого урагана, прошедшего по Ленинградской области, в основном по нашему Приозерскому району.

Я ночевала одна на даче. С вечера была сильная гроза. Я не сомкнула глаз всю ночь, так как по существу ночи совсем не было. Были не прекращающиеся зарницы и молнии, которые слепили в окна. Уснула только под утро, а когда проснулась и пошла в туалет, его как такового на прежнем месте не оказалось... Наш скромный зелёный домик был снесен к соседнему участку, а на его месте зияла дыра, возле которой (диаметром в полметра) лежала осина, задержавшаяся в своем падении на сарае.

Возвращаясь обратно, я увидела, что две сосны, одна из которых, стоявшая за забором, полностью сломанная, а вторая с полувывернутым корнем, повисли над нашей одноэтажной дачкой, сцепившись своими кронами, и только благодаря этому не упавшие на дом, в котором я так мирно спала. Это создавало угрозу моей жизни, не говоря уж о самом доме, что заставило Игоря Васильевича, проявившего бешеную энергию, вызвать полковника МЧС, который составил акт о том, что действительно существовала угроза для жизни человеку, живущему в доме, так как, упав с такой высоты, обе сосны разрушили бы весь дом. Надо сказать, что перед приездом Игоря Васильевича я с трудом нашла и уговорила рабочих распилить осину на сарае и убрать её за солидные деньги. Но когда я предложила им за 14 тысяч рублей (столько, сколько у меня оставалось в наличии) ликвидировать две сосны, повисшие над домом, они отказались из-за опасности такой работы. Игорь Васильевич всю эту процедуру, включая приезд самого высокого крана, провернул блестяще, и к тому же всё было сделано бесплатно (угроза для жизни!). Ему помогло, безусловно, и то обстоятельство, что он был блокадником. Большое количество дачных участков пострадало в нашем поселке, и люди не считали денег, лишь бы найти и уговорить рабочих, хотя в Колосково были брошены бригады рабочих МЧС. Я на этой «процедуре» не присутствовала, уехала в деревню, так как жить на даче было нельзя, даже зайти в дом было рискованно, всё могло случиться в любой момент.

Так что два раза в какой-то степени я обязана ему жизнью. Он, конечно, сейчас мне сказал бы: «Татьяна Борисовна, Вы, как всегда, преувеличиваете».

Человеком он был, при всех его достоинствах, ещё и очень скромным. Мало кто знает, что он был лауреатом Государственной премии, но никогда этого не афишировал. Мне пришлось однажды довести это до сведения его лечащей врачихи, которая поленилась лишний раз подняться на 5-й этаж (я её понимаю, но всё же!), сказав: «Пусть кто-нибудь зайдёт в поликлинику за направлением в больницу». Игорь Васильевич попросил меня это сделать. От меня узнав, что он не просто старик-пенсионер, а между прочим

лауреат Государственной премии, она очень удивилась и, по-моему, сильно заужала его.

Рассказать о его служебной деятельности я не могу, это за меня расскажут его друзья, я их обязательно попрошу, и они это сделают с радостью. Знаю только, что он был прекрасный инженер, 50 лет проработавший на заводе «Электросила». Начиная простым электриком, а стал начальником конструкторского отдела. Его работа была связана с подводными лодками, в связи с этим он часто ездил в командировки по всей стране и некоторое время работал в Индии.

Игорь Васильевич до конца своей жизни бредил своей работой. Я думаю, что самой большой любовью его жизни была ненаглядная «Электросила». Мне всегда было невдомёк, как это таких инженеров, как он, рано выпроваживают на пенсию. Такие «золотые» руки, такая «золотая» голова. Как ему хотелось ещё работать! Как он болел всей душой за свой родной завод! Глупая наша страна, вернее не она, а её правители - не ценят и не берегут ни людей, ни ценных предприятий.

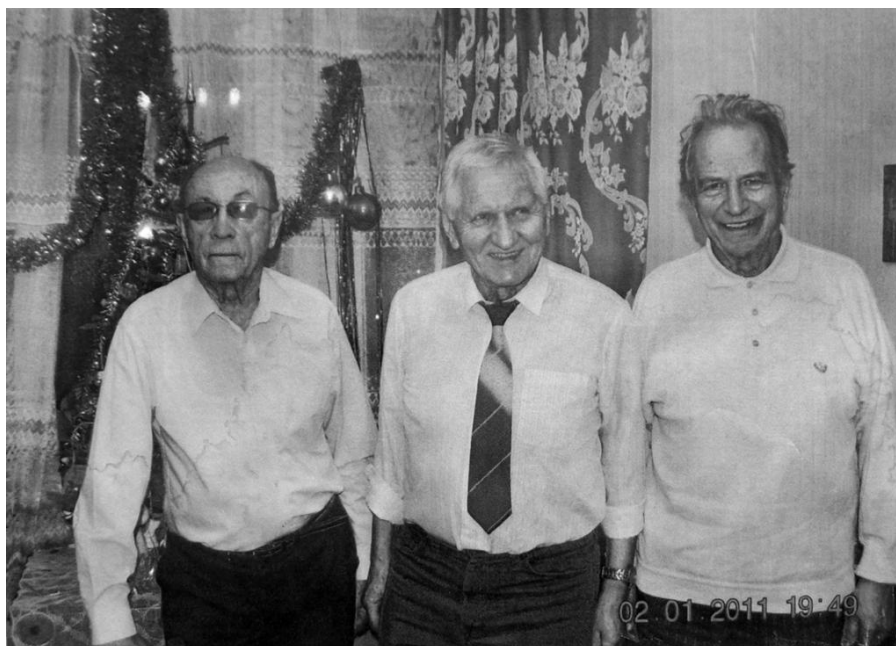
То, с какой любовью Игорь Васильевич относился к своей работе и к своим сотрудникам, видно ещё из следующего. Мы оба с ним в разное время (я на 2,5 года моложе) отмечали 80-летие. У обоих было 30-40 человек в гостях в одном и том же кафе Политехнического института. У него из 37 человек 26 были с «Электросилы». У меня же с работы было только 2 человека, остальные друзья и знакомые. Это не значит, что я не любила свою работу и сотрудников, проработав с ними 33 года. Наоборот! Но факт остаётся фактом: моя работа для моей души не была «центром вселенной», как работа у Игоря Васильевича.

Личная же жизнь у каждого из нас протекала независимо.

Игорь Васильевич рано овдовел и, конечно, женщины у него были. Одна из них - Надя, очень приятная женщина, успешно работающая до сих пор на «Электросиле», хотя ей уже за семьдесят, была короткое время его второй женой. Я с ней познакомилась в последний этап его жизни, когда их отношения вновь возобновились.

У Игоря Васильевича было два закадычных друга: Михаил Фёдорович Графов и Николай Александрович Греков. Их дружба

была многолетней. У всех троих был большой стаж работы на «Электросиле». У меня за стеклом в книжном шкафу стоит фото их троих в рост. Каждый раз, проходя мимо, я вспоминаю одну песню: *«Жили два друга в нашем полку, пой песню, пой, если один говорил из них «нет», «да» говорил другой...»* Так вот Графов и Греков были такими. Если говорить о взглядах на жизнь и политику, то к одному из них, скорее к Графову, примыкал и Жулин. Греков же был, большей частью, их яростным оппонентом. Игорь Васильевич смеялся: «Нас трое друзей: два на «г», один на «ж»!»

Как видите, он не был лишён чувства юмора....

Однажды у нас на даче были гости, все местные, Колосковские. Одна из них, эффектная женщина, видно, произвела на него впечатление, и он вызвался отвезти её домой на своем «шикарном» джипе. Для какой-то цели он был мне нужен, и я, заглянув в джип, где они уже сидели, спросила его: «Вы скоро вернетесь?». Он улыбнулся, посмотрел на красивую соседку и ответил мне: «Это будет зависеть от Люды!»

Или ещё случай. Он согласился пойти со мной в магазин выбрать напитки для моего 80-летнего юбилея. У него уже был такой опыт два года тому назад. Картина такая: идём по проспекту.

Он с палкой, я тоже с палкой в одной руке, в другой сумка на колесах и рюкзак на спине (все-таки ожидается человек 40). Навстречу соседка по дому: «Куда это вы собрались?» «За водкой!» - отвечает Игорь Васильевич.

Так что чувство юмора ему никогда не изменяло.

Насчет водки; выпить он любил. Чтобы ему было не скучно одному выпивать за обедом, я всегда ему «подпивала». Пока он выпивал 4 рюмки, я, дай Бог, одну. Надо сказать, что рюмочки у нас на даче малюсенькие. Я вообще не охоча до водки, хотя не прочь выпить, но больше люблю шампанское. Игорь Васильевич это знал и, когда приходил пообедать ко мне в городе (правда, не так часто, как мой второй друг, Игорь Кароль, который, кстати, тоже употреблял только водку), всегда приносил бутылку хорошего шампанского. «Ну, вот как хорошо! - восклицаю я. - Наконец-то выпьем шампанского». - «Я эту бурду пить не буду! Водка есть?»

Водка в доме всегда была, так как, если в холодильнике её оказывалась на донышке, то кто-то из них двоих, как правило, пополнял запас. «Водка-то есть, но ведь одна я не могу выпить бутылку шампанского, хоть я его и люблю». - «Не беда, будете играть в свой бридж, вас четверо, вот как раз и выпьете за моё здоровье».

Я, действительно, с моими «девчонками», которым за 70, играю в бридж раз в неделю. Мой покойный муж однажды написал мне шуточное пожелание:

*Желаем с Софьей Ковалевской сравниться только лишь в одном:
Играть до одури в картишки и не тягаться в остальном!*

Это для нас четверых - праздничный день. Играем у каждого участника по очереди. Выходит, что раз в месяц играем у меня, и бутылка шампанского очень даже кстати! Только, видно, мало выпили мы за здоровье Игоря Васильевича...

Игорь Кароль продолжил эту традицию, и шампанское в моё «дежурство» продолжает быть.

Дачу Игорь Васильевич не любил, в отличие от меня. Да и за что ему было любить её. Все тяготы по оформлению

документов на дачу легли на него, а это тяжёлая работа - общаться с нашей бюрократической системой, постоянно ездить в Приозерск. Дача возле озера, но купаться он не любил, к озеру был равнодушен, иногда только загорал на солнышке возле своего любимого детища - старого джипа, который он без конца чинил и холил.

На даче

И потом, на даче всегда надо что-то починить, заменить (хозяйственные заботы не прекращаются никогда, впрочем, как и в городе). Только я на даче довольна и счастлива. Озеро и лес под боком, грибы - красота! Казалось бы, что ещё надо пенсионеру? К сбору грибов он был равнодушен, правда, когда приезжала на электричке за грибами его приятельница Надя, он её встречал в Сосново и вёз в настоящий лес (подальше от дачников). Мне тоже очень хотелось туда, но он не предлагал, а я не просилась, понимая, что им есть о чём поговорить и без меня. Я готовила обед, ожидая их, но он каждый раз отвозил её обратно в Сосново, и она уезжала на свою дачу в Грузино, где её ждали свои внуки.

В 2001-м году Игорю Васильевичу исполнилось 75 лет. Я его поздравила своими, как всегда, «домотканными» стихами:

*В жизни сложной, такой заполошенной
Набежал ещё годик непрошенный...
Говорят, что мудрее с годами
Мы становимся вместе с вами.
Почему же мы всё-таки мучимся,
На чужих-то ошибках не учимся?
Но сегодня разбор не годится
Ведь всего-то «п» лет назад
Человек превосходный родился,
Что хороший, то бьюсь об заклад.
Хоть встречаете редкую дату,
Слово «старость» никак к Вам не клеится.
Понесли не одну Вы утрату,
Жизнь, она ведь неровно стелется...
Хоть и многим пришлось поступиться,
(И погоды-то нет без ненастья)
Жизнью прожитой можно гордиться,
Заслужили Любовь Вы и Счастье!*

В 2006-ом году Игорь Васильевич торжественно отметил своё 80-тилетие, прилетали из Америки дети: Володя и Мила.

В день своего рождения 2-го декабря 2010-го года Игорь Васильевич, как и в предыдущие годы, собрал своих друзей в своей маленькой уютной квартирке, в которой когда-то умещалась его семья из четырёх человек и при этом все были счастливы, получив отдельную квартиру после комнаты в коммуналке.

Собралось человек десять: чета Графовых, чета Терешонковых, Коля Греков (на этот раз без жены), Надя, я с Андреем и Платон. Было очень непринуждённо, вкусно и весело. Я принесла студень, Графовы - торт от «Норда», была горячая картошка и вкуснейшая селёдка, кроме прочего.

Думали ли мы тогда, что по такому поводу мы собираемся в последний раз?

Нет, нам и в голову бы не пришло о таком подумать, тем более что он не раз говорил о том, что в будущем году он собирается лететь в

Америку на 60-летие сына и заодно ещё там отпраздновать своё 85-летие.

Прошел декабрь, Новый Год, 2011-ый, Игорь Васильевич встречал в семье своего хорошего знакомого, соседа в доме напротив. Мы с Игорём Каролём улетели на Новый Год в Прагу. На мои именины, 25-го января, он впервые не пришел, извинился - болит нога. Он собирался делать операцию по замене сустава на второй ноге, первая нога была прооперирована тремя годами ранее, рассчитывал, что к 21-му января - Володиному юбилею успеет прооперироваться и поправиться (10 месяцев впереди)...

Договорённость с профессором была, но дата операции была ещё не установлена. А тут случился небольшой сердечный приступ, вызванная «скорая» увезла его в госпиталь ветеранов Отечественной Войны. Там ему стало лучше, он даже позвонил мне, сказав, что зря теряет время в больнице и попросил номер телефона профессора Неверова, чтобы с ним окончательно договориться о дате операции. Я нашла номер телефона, продиктовала, извинилась, что не могу с ним поговорить подольше, так как спешу на бридж, сказала, что позвоню ему завтра утром.

Когда я утром собралась ему звонить в больницу, зазвонил телефон; звонила из Америки Катя и сообщила, что

ИГОРЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БОЛЬШЕ НЕТ...

Ей сообщила об этом Мила, а Миле Платон из Петербурга.

В 3 часа ночи Игорь Васильевич позвонил внуку и сказал, что он умирает...

Платон успел ему сказать: «Дед! Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ...»

Далее были похороны, кремация, поминки. Прилетели из Америки Володя, Мила, Катя. Дети очень достойно проводили отца.

На поминках отца были все бывшие сотрудники с «Электросилы», кто хотел почтить память Игоря Васильевича.

Я решила 2-го декабря 2011-года, в день рождения Игоря Васильевича, пригласить к себе тех его друзей, которые были в прошлый раз у него, чтобы помянуть его и поговорить о нём. Но это не получилось. Позвонил Коля Греков и предложил следующий вариант: ровно в 3 часа дня, 2-го декабря, всем поднять рюмки с водкой и молча его помянуть...

Так мы и сделали, каждый у себя дома. Грустно было сознавать, что его нет среди нас. Вспомнилось, как мы вместе собирались хлопотать визу в Америку, как я радовалась, что обратно полетим вместе (я собиралась вылететь раньше его). Подумалось, что теперь я уже никогда не узнаю подробностей о жизни наших детей в Америке, так как моя дочь Катенька, при всех её многочисленных достоинствах не очень-то открытый человек (не в пример мне!). С тех пор, как они улетели в Америку, а это было в 1994-ом году, всё новое о детях в подробностях я узнавала, в основном, от Игоря Васильевича, потому что Катя, звоня мне по телефону, только выпрашивала меня о моей жизни, в то время как Володя в своих разговорах с отцом подробно рассказывал об их заграничном житье-бытье.

И ещё подумалось о том, что хорошо бы и мне оставить по себе такую хорошую память...

Пару-тройку лет тому назад Игорь Васильевич подарил мне книгу французского писателя русского происхождения, члена французской академии Анри Труайя – «Антон Чехов». Книга солидная. Я отвезла её на дачу в надежде, что там её потихонечку одолею. Я так и не начала её читать и только тогда, когда Игоря Васильевича не стало, я посчитала себя обязанной

прочсть её от начала до конца. В книге я обнаружила фотографию Игоря Васильевича, перевернув её, я прочла:

*Татьяна Борисовна!
Поздравляю с днём рождения!
Желаю здоровья Вам и всей Вашей
семье, а также успехов в писательско-
туристической деятельности!
Целую, Ваш ДР ИВ Жулин
4.05.09.*

АГА! Значит, всё-таки «друг», признался, наконец.
Конечно, друг, дорогой друг.
Правда, Катя охлаждает мой пыл, говоря, что «ДР» можно понять как дальний родственник, но это она так, чтобы подразнить меня!

Жулины (справа-налево:
Игорь Васильевич, Владимир Игоревич, Антон Владимирович, Максим
Антонович)

Так или иначе, как тяжело терять друзей, очень тяжело, когда они уходят – слов нет...

Но, почему-то, об Игоре Васильевиче я вспоминаю с тихой благодарной грустью, может быть, «на тризне уже недалёкой» и, проходя мимо его фотографии, стоящей на столе, на которой он улыбается, я тоже ему улыбаюсь.

10.05.15

Николай Александрович Греков
вспоминает о работе и деятельности Игора Васильевича
(а для него и близких друзей, просто Игора или Жулина)

на доброй, старой «Электросиле», которая, к сожалению, практически полностью утратила былую мощь и славу, превратившись в «участок по производству электрооборудования фирмы «Силовые Машины»!

«Лично, моё знакомство с Игорем Васильевичем, как главного металлурга объединения, состоялось, приблизительно в 1957 году на занятиях по повышению квалификации работников конструкторских подразделений. Занятия были организованы по инициативе отдела подготовки кадров (в ту пору – совсем не лишняя структура на заводе), где нужно было познакомить ведущих работников конструкторских бюро с новыми и новейшими конструкционными материалами. Помню, что в то время наш отдел усиленно работал и довольно успешно внедрял в производство совсем новый и малоприменяемый в практике машиностроения – титан и его сплавы. После, довольно подробного описания его свойств и особенностей, слушатели задавали много вопросов, на которые следовало чётко отвечать. Один из них вдруг спросил: «А вы, лично видели этот редкий, хорошо описанный вами материал, вживую?» К счастью, для ознакомления слушающих, я захватил с собою несколько испытательных образцов, по которым и определялись его свойства. Вынув из кармана я вручил их любознательному человеку. Он был очень удивлён и доволен такой удачной реакцией, внимательно их осмотрел сам и подробно обсудил со своими коллегами – конструкторами. Этим слушателем и был Игорь Васильевич Жулин. В дальнейшем наше знакомство и содружество очень укрепилось, как по производственной, так и на личной основе. С уверенностью можно сказать, что оно было гармонично и весьма плодотворно. В те годы, Игорь Васильевич был старшим конструктором бюро машин постоянного тока, которым руководил опытный и широко известный специалист Исай Натанович Рабинович. Вскоре Игорь Васильевич возглавил это бюро, которое, в дальнейшем, объединившись с другим родственным по тематике, превратилось в мощный отдел машин постоянного тока им возглавляемый. В таком амплуа мы с ним вместе проработали не менее тридцати лет, неоднократно комплексно решая неординарные проблемы объединения, как на заводе, так и непосредственно на местах установки нашего оборудования. Неоднократно бывали в совместных командировках по вопросам монтажа, наладки и ремонта оборудования завода, непосредственно на объектах. Особенно запомнился подобный «поход» на судостроительный завод «Звёздочка» в Северодвинске, который мы совершили втроём, вместе с зам. главного инженера объединения Максимом Ананиевичем Шахматовым. Последние

годы нашей работы на заводе – конец 90-х, также не может не запомниться. Большие, можно без преувеличения сказать, государственные дела, связанные с поставкой ответственного оборудования на крупные объекты страны, практически полностью прекратились. Стране не стали нужны атомные ледоколы, подводный флот, мощные двигатели металлургического оборудования и прочее. Новые заказы следует характеризовать, как «товары народного потребления». Вскоре, мы все были уволены вместе с генеральным директором! Это был 1998 год!

Всё последующее время мы вчетвером: М.Ф. Графов, М.А. Шахматов, И.В. Жулин, Н.А. Греков, а после печального ухода Шахматова, уже втроём общались вне территории завода, хотя отрубить от нас его интересы сразу было невозможно. Частенько, по телефону, особенно к Игорю Васильевичу, его бывшие коллеги обращались, просили приехать, проконсультироваться, но, постепенно и это стало редким событием.

К сожалению всё кончилось внезапно в марте 2011 года...

КАТАСТРОФА

(Воспоминания об Игоре Васильевиче Жулине моего сына Андрея)

Да, это действительно катастрофа для всей семьи. Это жестокий удар, жестокий.

Жестокий, о котором я узнал рано утром в воскресенье, когда приехал к своей матушке на Ленинский проспект.

На мой стандартный к ней вопрос «Не надо ли сходить в магазин?» она как-то странно посмотрела на меня, помолчала, а потом сказала: «Игоря Васильевича больше нет».

Жестоко, и главное – неожиданно. Неожиданно, потому что ничто не предвещало такого трагического финала. Ничто, кроме некоторых моментов...

Игорь Васильевич был всегда, всегда «железным» человеком. До такого возраста дожить и сохранить себя в такой форме, это дано далеко не каждому. Далеко. Ведь до самого последнего времени он крутил баранку своего допотопного джипа, и не только

разъезжал на нём в близлежащие магазины для закупки продуктов питания, но и регулярно вывозил мою матушку (иногда и вместе со мною) в посёлок Колосково. А ведь это непросто, очень непросто было делать. Тем более возвращаться назад сквозь бешеные многокилометровые пробки, образующиеся при подъезде к самому городу.

Уж до чего Игорь Васильевич всегда был сдержанным на эмоции человеком, так тут, при этом бесконечном дёргании машины уже в черте города даже его проняло, и он стал яростно чертыхаться, ежесекундно нажимая на педаль тормоза, чтобы не въехать в багажник впереди едущего мерседеса.

Тяжело понести такую утрату... Тяжело.

Мы были близки с ним не только в плане своего общего с ним мировоззрения, близкого к «застойному» (коммунистическому), но и вообще во взглядах на жизнь и на роль человека в совершении своей собственной судьбы.

Труд создал человека! Давно известная истина, которая осталась путеводной звездой для него, вплоть до последнего дня его жизни.

Так уж получилось, что я видел его живым последним из всех близких и родных ему людей. Игорю Васильевичу внезапно стало хуже, и он позвонил мне и попросил, чтобы я заехал к нему на проспект Ветеранов. Он хочет мне что-то передать на сохранение. «Наверное, дубликат ключей от дачи», - я так тогда подумал. Но когда я к нему приехал, то он передал мне не только эти ключи, но и ключи от собственной квартиры, сказав, что вчера вызвал «неотложку», которая определила у него предынфарктное состояние и потребовала его немедленной госпитализации. Игорь Васильевич отказался, сказав, что должен подумать. «Игорь Васильевич, сапёр ошибается раз в жизни». – «Да. Надо ехать».

А потом мы стали с ним собирать разные портящиеся продукты из холодильника, чтобы выбросить всё это на помойку, так как он собирался отключить в своей квартире свет, когда уедет в больницу. «А это, Игорь Васильевич?» – и я указал пальцем на початую бутылку водки, стоящую на открытой дверце. – «Ах, да...

Она же на молоке настояща! – пошутил он. – Ничего! Когда приеду, тогда мы её с тобою и разопьём».

Вот и распили...

Надо сказать, что Игорь Васильевич всегда привозил с собою на дачу бутылочку качественной водки, и мы с ним вместе её там распивали за ужином. Жёсткая норма – ни больше, ни меньше. И после каждой рюмочки речь его становилась всё жёстче и чётче, никакого *«растекания мысли по древу»* у него и в помине не было.

Но рано утром, часов в 7, он всегда вставал со своей жёсткой постели и уходил к своей машине, вечно в ней ковыряясь и что-то там ремонтируя и латая. И я всегда ему помогал, чем только мог. Ну там, колесо поддержать, плечом крыло придавить, завинтить свободными руками какие-то винтики-шурупчики, словом, всё это я уже проделывал с только что купленной машиной своего отца в своём далёком-далёком детстве.

Я, когда утром просыпался и выходил наружу из маленького домика на даче, подходил к Игорю Васильевичу, который копался в своём «драндулете», и, шутя, говорил ему: «Здрав буди, боярин! Как жизнь молодая?». Игорь Васильевич только усмехался в ответ и с трудом разгибался, держась рукой за бок своего джипа: «Вот, я за неё держусь, а она меня держит!»

Именно так, а не иначе.

Игорь Васильевич был колоссальным трудоголиком, колоссальным!

Вечно чего-то «химичил», чинил, вертел, паял, рубил, клеивал, красил, строил и так далее, и тому подобное...

И был крайне, крайне прямодушен с людьми и открыт для общения с ними.

Один раз Игорь Васильевич не смог довезти до дачи мою матушку, и пришлось ей дальше ковылять по дороге пешком. Заглох у него мотор на подъёме уже в самом Колоскове. А меня матушка отрядила обратно к нему, чтобы я хоть как-нибудь, но пособил бы ему выйти из этой неприятной ситуации.

Поковырявшись в своей хитрой машинной «автоматике», Игорь Васильевич решил, что лучше будет, если сейчас отловить идущую вглубь посёлка машину, чтобы она на тресе смогла

дотянуть его «инвалидную коляску» до нашего дачного участка, ну, а потом уже спокойно подумать на досуге, что же тут можно будет поделать.

И очень скоро попался нам один грузовик, за рулём которого сидел какой-то молодой и весёлый парень, который, услышав о наших сложностях, без проблем вызвался нам помочь. Вызвался и действительно помог, докатив заглохший джип Игоря Васильевича на территорию нашего участка. Причём всё это он делал так просто, так весело, так удачно, что у нас с Игорем Васильевичем даже не возникло поначалу мысли его отблагодарить деньгами, хотя по нынешнему времени «любой труд должен быть оплачен».

Это было как-то неестественно, а сам парень только руками замахал в ответ, когда Игорь Васильевич (поколебавшись сперва) стал совать ему деньги в карман. Неестественно всё это было... Разве на войне люди друг другу вот так вот запросто не помогали? Но сейчас была не война, а мирное время. Мирное время в элитном коттеджном посёлке, где в основном проживают одни только «жирики» за высокими глухими заборами под прицелом неусыпной охраны и массы видеокамер. А остальной пришлый народ – так... Разнорабочие, нанятые для уборки территории, ремонта, строительства...

И вот эта вот простота в общении с другими людьми у Игоря Васильевича мне тогда очень врезалась в память, запомнилась, поскольку сам я такими свойствами души, увы, не обладаю.

А когда Игорь Васильевич уехал на следующий день в больницу, то матушка моя всё пыталась послать ему вдогонку какую-то еду, а также забытую им у себя дома палку, без которой он (как и моя матушка) уже ходить не мог. Но везти мне туда всё это «добро» не пришлось, поскольку палку ему выдали в больнице, а от еды Игорь Васильевич отказался наотрез. Пытался оттуда побыстрее выписаться, так как проведённые анализы ничего страшного не показали, и он хотел вплотную заняться уже своей ногой, поскольку ранее уже договорился с хирургом об её операции.

Но...

Вечером у него неожиданно подскочила температура до 39 градусов, которую врачи к утру сбили до 35... И выписку отложили. А в следующую ночь всё и произошло.

Как раз 12 марта у его внука Платона был день рождения, и он ни за что не хотел уходить из жизни в этот день, а тянул себя до приближающейся ночи...

Как сказал на поминках Платон: «Он всегда думал в первую очередь о других».

Да...

Когда умер мой отец, то на Ленинском проспекте собралось на поминки совсем немного народу, среди которых были все его близкие друзья. И все как-то растерянно сидели за столом и мрачно смотрели в разные стороны. И тогда встал Игорь Васильевич Жулин и сказал: «Давайте помянем Бориса Михайловича. Он был хороший мужик».

Вот и я хочу помянуть Игоря Васильевича, потому что он был тоже

ХОРОШИЙ мужик!

Именно так я и сказал на его поминках.

БРИДЖ

Бридж – это карточная игра – одно из моих любимых развлечений. Этой игре я обязана встречей с замечательным человеком, ставшим моим большим другом, Татьяной Васильевной Кирилловой. Татьяна Васильевна – профессор-геофизик.

На один из моих дней рождения Татьяна Васильевна написала стихи.

Ода

(Ко дню рождения Татьяны Борисовны)

*Мы тронуты желаньем Вашим
Отметить с нами юбилей –
Для нас Вы с каждым годом краше,
Кто может быть ещё милей!*

*Преодолевая все напасти
По средам мчитесь Вы сюда.
Мы ждём и радуемся счастью,
Ведь всё иное – ерунда!*

*Мы поздравляем нашу Тату,
И мы желаем Вам добра.*

*За наш Союз, за Вашу Дату,
За бриджем крикнем мы «Ура»!*

4-5/V 1993 г.

Замечательные стихи...

Как здорово она сумела выразить то ощущение большого удовольствия, даже счастья в процессе этой умной карточной игры «Бридж». Действительно, преодолевая все напасти, «по средам мчались мы туда», то есть к ней. «А всё иное – ерунда!» - как это весело сказано. «За наш Союз, за Вашу дату за бриджем крикнем мы «Ура»!» - просто гениально..

Татьяна Васильевна была много старше нас и, к большому нашему сожалению, серьёзно заболев, покинула нас. Мы потеряли большого друга и до сих пор скорбим о ней.

В бридж играют вчетвером, двое надвое. Это было и есть приятное времяпрепровождение, несмотря на некоторое неудовольствие друг другом из-за ошибочных ходов, но всё заканчивается в конце концов миром.

Учитель наш, Евгений Сергеевич Ляпин, предупреждал нас с мужем, что в бридже не принято обижаться, если вам скажут, что вы играете, как корова. Позднее я узнала, что в Голландии могут сказать:

«Вы играете как половая тряпка!»

По поводу бриджа я сочинила несколько строк:

*Мы не клянём судьбу, встречаясь с неудачей,
Хотя она, как никогда, права.
И неудачник наш далёк от плача -
«Сегодня ты, а завтра я!»*

*Для нас процесс важнее результата,
Мы радуемся встрече каждый раз.*

*Мы все в игре не лишены азарта,
Но кое-кто из нас «на всё горазд»!*

Затем мы, три женщины (Инна, Валя и я), играли с Алексеем Сергеевичем Дубовым, профессором-геофизиком. Сохранились мои шуточные строчки:

*Дважды в месяц перед Вами
Появляются три Дамы
Возраст коих – некий ряд,
Если Дам считать подряд.
Разность – пять,
Ответ за Вами.
Не решить Вам без «зелья»!
Потому что этим Дамам
Эти годы дать нельзя.*

Потом и Алексей Сергеевич Дубов покинул нас...

Теперь четвёртой примкнула к нам моя родственница Лида, и наш квартет играет до сих пор. Мы играем раз в неделю у каждой по очереди. Начинаем в четыре часа дня и кончаем к десяти часам

вечера с получасовым перерывом на ужин. Получается очень нарядно, особенно тогда, когда стол украшает бутылка шампанского. Инна у нас «счетовод», она записывает наши «выигрыши» и «проигрыши». Она строго ведёт учёт. В конце года кто-то из нас четверых оказывается на «первом» месте, кто-то на «последнем». Конечно бывает иногда досадно, но мы не обижаемся друг на друга.

«Сегодня ты, а завтра я!»

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ БУЛАХ

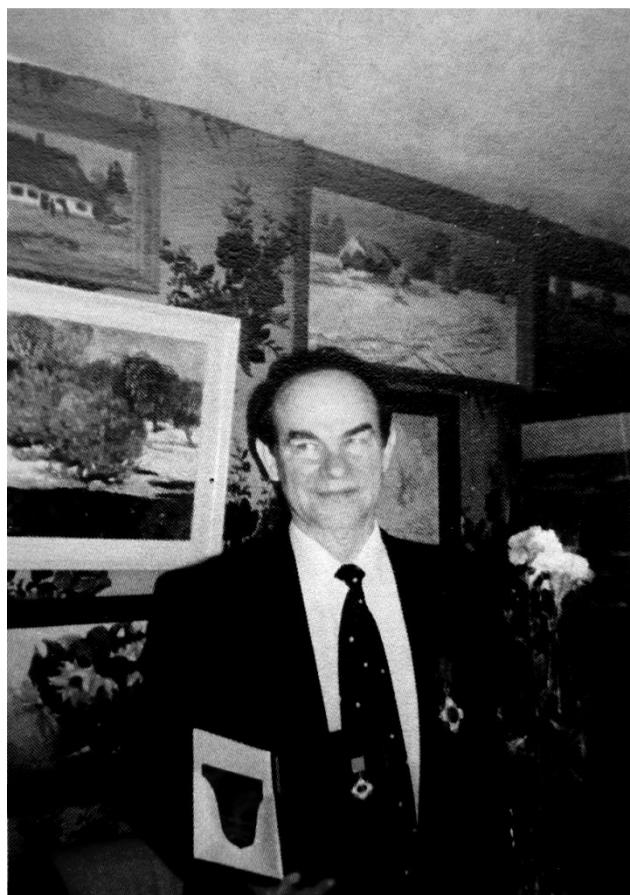

Фото в момент вручения Григорию Ивановичу президентом Украины
Л.Д. Кучмой
высшего ордена Украины Ярослава Мудрого.

Двоюродный брат моего мужа - Григорий Иванович Булах - заслуженный артист Украины, он режиссёр, он писатель и поэт, он художник. Живёт и работает в Киеве. Вот что он пишет:

«Род Булахов берёт свои истоки из удивительнейшего красотой, привлекательностью и месторасположением в Украине (в Лохвицком районе Полтавской области) села Пески. Саратовские Булахи – были для нас очень дороги, не только продовольственной помощью во время голодомора на Украине, но и прежде всего своим пониманием той смертельной политики, которая умышленно проводилась сталинским партийным руководством по отношению к Украине. Читая книгу «Преодоление», я ощущаю врождённую энергетику Татьяны Борисовны, её изумительную точность воспроизведения всего пережитого всем народом и лично ею,

касающуюся как трагической истории собственного рода, так и страны, в которой она живёт. Она, как подчеркнуто во вступительной статье к её первой книге воспоминаний «Преодоление», «не будучи ни политиком, ни общественным деятелем, ни писателем» сумела на одном дыхании, взхлёб выплеснуть с такой силой, глубиной пережитое и с такой последовательностью не только передать, но и пережить тяжкие события тех грозных лет, воспроизвести до тончайших деталей всё пережитое её родом, её отцом и ею самой. Сколько же горя пережила жена моего брата Бориса Михайловича – Татьяна Борисовна Извекова, она же Татьяна Булах, дочь учёного, профессора Ленинградского Университета, который, как и его 127 коллег – профессоров, доцентов и преподавателей – по делу №555, был объявлен «врагом народа» в апреле 1942 года и приговорён к высшей мере наказания – расстрелу.

Фрагмент собственноручно написанных показаний обвиняемого Извекова, которые его принудили написать 31-го марта 1942 года кегебисты, достаточно чётко может демонстрировать настроения и видение того времени – не только его личное настроение, но и настроение всех приговорённых по этому делу.

Не могу не откликнуться поэтическими строфами, которыми я завершаю свои раздумья о пережитом не только Татьяной Извековой-Булах, но и всеми нами:

«ВРАТИ НАРОДА»

(Татьяне Извековой-Булах – дочери «врага народа»
Бориса Ивановича Извекова,
одной из жертв «дела №555»)

*К ним в дверь прикладом грозно не стучали,
Их тихо брали с кафедр и лабораторий.
За ними шли в шинелях наглые сучары –
В НКВД их гнали, как в крематорий!*

*Хотелось детям крикнуть: Папа!
И жёнам крикнуть: Вы куда, отцы, мужья?*

*На пытки их вели, чтобы вину состряпать,
Вины признанье выбить
Под дулом пистолета и ружья!*

*Их навзничь клали на бетонный пол,
Шипели гадами в лицо и гнусно измывались.
Ну, говори, жидяра подлый, и хохол!
Мы изгноим вас всех!!!
(Убить полчеловечества пытались!)*

*Сатрапа Сталина не умолкала мясорубка,
Страшнейшее изобретение былого века!
Дымилась под усами сталинская трубка –
Так умирали Кошляковы, Розе и Извековы!*

*Враги народа, - говорите, подлые подонки?!!
Для вас врагами был народа цвет!
И где вы – те, что добивали их с винтовки?
И кто из вас за злодеянья даст ответ?!*

*Не там врагов искали вы в стране, Иуды!
Врагами были – вы! Энқаведисты-палачи!!!
Вас всех – под суд!!! Подлейшие приبلуды!
Вас всех на суд!!! Об этом мир кричит!*

*Вам не простят слезинку бедного дитяти!
Вы все в тени, как тот ползущий гад...
Мы и сегодня шлём вам всем своё проклятье,
Кровавые убийцы сталинских бригад!!!*

В 1976 году мы с мужем едем на своей машине в Крым через Азов, на пароме через Керченский пролив в Феодосию, затем в Коктебель. В Феодосии посетили два музея: Айвазовского и Грина. На несколько дней остановились в Коктебеле, видели скалу «профиль Волошина» и побывали в его доме. Съездили в Судак и Новый Свет, много купались и загорали на берегу. Потом поехали в сторону Киева. У нас с мужем была идея - заехать на родину отца

мужа в Полтавскую область, в село Пески. Мы нашли село Пески, которое состоит в основном из жителей по фамилии Булах, нашли дядю Ваню и жену его тётю Полю. Они нас очень тепло встретили, накормили, дали адрес своего младшего сына Гриши в Киеве. Мы у них переночевали и рано утром выехали в Киев. Это было воскресенье, мы застали Гришу дома. Гриша нам был очень рад, двоюродные братья впервые встретились. Накормив нас, он сел с нами в нашу машину, и мы поехали осматривать Киев.

Сейчас уже 28 лет, как нет моего Бориса, с Гришей, который моложе меня на десяток лет, мы иногда перезваниваемся. У меня висят на стенах его картины и стоят в шкафу написанные им книги, а его стихотворение, посвящённое всем Булахам, соответствующее настоящему грустному политическому моменту, когда рубятся «по живому» связи, я приведу здесь:

БУЛАХАМ

*Сколько лет, сколько зим пролегло между нами?
Если их сосчитать, ни за что не согласишься,
Я не знаю, где вы, я не знаю, что с вами,
Что ж ты делаешь, жизнь, что ж ты так куколесишь?*

*А года, а года, словно стаи в полёте,
Высоко, высоко, не догнать, не достать,
Булахи-Булахи, как на свете живёте?
Без родни нам не быть, и не лечь, и не встать.*

*Где-то там далеко заблудилась кровинка,
Где-то есть Булахи, ну а где – не сыскать!
Мы все врозь, мы все врозь, в сердце холода льдинка,
Виноват ли отец, виновата ли мать?..*

.....

*Отзовитесь, я жду, ну, хотя бы полслова,
Вы же где-то там есть, в непроглядной дали,
Булахи-Булахи, это как-то не «клёво»,
Отозваться друг к другу мы давно бы могли...*

Двоюродные братья Григорий и Борис Булахи

2015 г.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Здравствуй, дорогая мама!

Получил я сегодня письмо к тебе из Франкфурта, от Клеймс. Поколебавшись, открыл его и прочитал. Мой тебе совет – не надо связываться с этим делом. Я, конечно, понимаю, что возможная компенсация за твои страдания в годы войны составляет сумму весьма приличную - 2 556.46 евро, но...

Во-первых: в перечисленных там условиях заполнения бланка заявления указывается на то, что ты пострадала от нацистов в годы войны как еврей. Ну, а ты не совсем чтобы очень принадлежишь к богом избранному народу. Да и была ты просто девочкой тогда, когда вы уехали с Ольгой Александровной из Ленинграда совсем, совсем по другому поводу (как я это понимаю).

А во-вторых, я, конечно, понимаю, что войной нанесён громадный ущерб твоей жизни, лишилась ты всего в детстве и юности не по своей вине, но...

На мой взгляд, это был бы всё-таки «перебор».

Извини меня, моя хорошая, что я пытаюсь вмешиваться в твои дела. Но это только мой совет, и ничего больше. Приезжай и решай сама.

Твой сын.

(12:50 (по нашему времени), 08.01.2013)

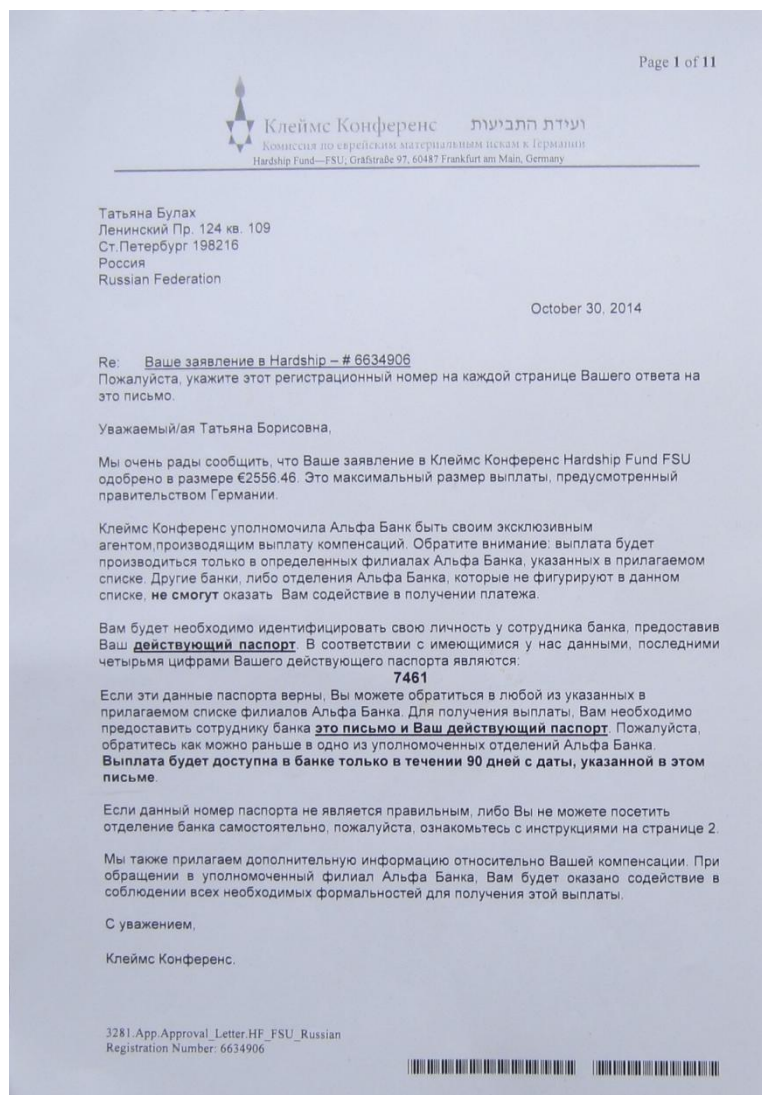
Я получила письмо сына, находясь в Америке на дне рождения дочери. Совершенно согласна с моим сыном по всем пунктам, хотя официально в моей метрике напечатано: мать – еврейка, отец – русский. И есть справка из ленинградского архива о том, что мы с матерью эвакуированы в апреле 1942 г. из Ленинграда. Вернувшись домой, я заполнила прилагаемый бланк заявления и отправила письмо в Германию по указанному адресу, совершенно не надеясь на выплату компенсации, тем более что я пострадала не столько от

нацистов, сколько от своих «доморощенных» фашистов, да и «еврейка» я только по матери.

Но по большому счёту (я имею в виду трагедию отца, приговорённого к расстрелу по сфабрикованному обвинению во время блокады Ленинграда, мою исковерканную жизнь с клеймом «дочери врага народа») все-таки виновата война, а войну «придумал» главный нацист Германии Адольф Гитлер.

Каково же было моё изумление, когда денежную компенсацию за все свои страдания я получила, но не от наших нынешних правителей (они каяться не любят, они особенные, великая нация, которая никогда не ошибается), а от немцев, видно они усмотрели в моей судьбе и свою вину, и денежная компенсация явилась актом покаяния.

Вот письмо, которое я получила 30 октября 2014 года:

Привожу выдержку из статьи Юрия Роста в «Новой газете»:

«Жизнь — последняя остановка на пути к Богу.

Внимательная немка принесла стул и предложила ему сесть. Он оглянулся и, отрицательно покачав головой, продолжал свою неторопливую пронзительную речь перед немцами о блокаде Ленинграда. В Бундестаге сидели все, кто олицетворяет сегодняшнюю Германию, — от канцлера Ангелы Меркель до студентов, для которых Вторая мировая война - далекое прошлое.

Германия внимала девяностопятилетнему русскому писателю, который тихо и подробно рассказывал о беспрецедентных страданиях мирного населения великого города, окружённого фашистскими, но все равно немецкими войсками.

Эти новые немцы мучили себя воспоминаниями гражданина и солдата, воевавшего на другой стороне, чтобы не повторить исторической ошибки. Как они слушали! Какое страдание и сострадание было на лицах людей, преодолевших фашизм и обрётших чувство вины за преступления, которые они не совершали. Да, их предки, но не они.

Я подумал тогда, почему мы не способны на акт обострения больной совести. Почему никогда не чувствуем своей вины? Уничтожив в лагерях и тюрьмах, расстреляв у безвестных рвов, может быть, лучшее, что было в генофонде нации, мы продолжаем любить кровавых идолов прошлого, с безразличной терпимостью

относиться к исполнителям казни народа и доверяем страну их последователям, не способным что-либо соорудить без репрессий. Зачем мы такие? Зачем мы без совести? Или она просто настолько у нас здоровая?»

— «Совесть тоже божественное явление. Она никакой пользы не приносит, и кроме мучений от неё никакого прока нет», — слова Д.А. Гранина.

Почему Гранина пригласили в Бундестаг и не пригласили в Думу?

Хотя, пожалуй, хорошо, что не пригласили. Я вижу полупустой зал, скучающие лица и полное невнимание к тому, о чем говорил бы этот человек.

Блокада и её люди навсегда поселились в душе Даниила Александровича Гранина. Когда-то они вместе с Алесем Адамовичем написали потрясающую по драматической силе документальную «Блокадную книгу», теперь, практически вчера, ну позавчера, вышел «Мой лейтенант» — может быть, последнее достоверное свидетельство Очевидца и Участника о блокаде и войне. Честное и отважное.

Несколько лет назад я позвонил Даниилу Александровичу и зашёл по старой памяти. Просто так. Он был похож на себя. С седой головой и доброжелательной, но хитрой ухмылочкой. Синий пиджак, голубая рубашка, письменный стол с книгами и рукописными листами. Поговорили. Я наснимал пристойных, но ожидаемых карточек, и уже вышел в прихожую прощаться, когда увидел гимнастические кольца, подвешенные к потолку, и белый шар плафона, испускающего молочный свет прежней жизни, освещающий старую, интеллигентную квартиру в писательском доме на улице Братьев Васильевых, никогда братьями и не бывших.

Гранин, провожая меня, упёрся руками в проём двери, составив некий крест, и я понял, что это и есть кадр, который мне хотелось бы снять.

В канун его девяностопятилетия я приехал из Москвы к нему в гости. Мы сидели в креслах в его кабинете. Пили чай. Даниил Александрович был доброжелателен и бодр.

Гранин: «Пушкина и всё, что с ним связано, трудно объяснить, если не брать в расчёт то, что приходит свыше. Участие Бога. У него есть маленькое стихотворение: «Гроза двенадцатого года/ Настала — кто тут нам помог? / Остервенение народа, / Барклай, зима иль русский Бог?»»

Это так сходится с тем, что я вынес из своей войны, которую мы должны были проиграть: Украина взята, Белоруссия взята, немцы под Москвой. Ленинград окружен... Да, суровая зима. Как и тогда. Да, остервенение народа. Как тогда.

Но выручил русский Бог...

Россия так проржавела вся. Испортилась. Жизнь испоганена. А люди не хотят изменений... Прижились. Притерпелись. Перестали бояться Бога. Откупаются. Считают, что если поставили церковь, отлили колокол, со свечой в храме постояли перед телекамерой, мощи привезли, то и выполнили все долги перед Богом. Это барышническое, купеческое, коммерческое отношение к Богу».

Юрий Рост: «Может быть, боги у всех разные? Хотя у меня есть шутовское доказательство единобожия: температура таяния льда на уровне моря у всех конфессий - 0 градусов Цельсия. Земля — шар, и люди, обращаясь к Богу, смотрят в разные стороны. Протоиерей Алексей Уминский, человек невероятной эрудиции и тонкого ума, на это заметил: «Они смотрят в одну сторону — в небо!»

Д.А. Гранин: «Он замечательно прав».

Юрий Рост: «Когда я поднимаю рюмку, то глядя вверх, выпиваю за Него. И только благодарю. Ничего не прошу. Он ничего не должен. Просто спасибо, и всё».

Д.А. Гранин: «Я тоже благодарю. За день, за утро, за детей, за то, что я могу ещё выпить вина».

Тут Даниил Александрович достал бутылку грузинского «Ахашени», и мы посмотрели «в небо».

Привожу цитату из книги Гранина «Причуды памяти», которая теперь стала моей: «Семья наша столько испытала, не пересказать.

Деда два раза сажали ни за что. Бабку сослали, другую бабушку раскулачили, потом изнасиловали так, что она повесилась. Отца выгоняли с работы, не дали закончить институт. Дядей гнали из партии, увольняли, обворовывали, одного довели до сумасшедшего дома. Но никогда в семье нашей не было плохих людей. Мы трудились, терпели, учились, пока позволяли, растили честных детей. И вот появился среди нас подлец. Я так думаю, потому что кровь изверилась. Подлец этот - единственный, кто в нашем роду преуспел, он теперь на местном телевидении директор».

(Интересно, кто этот человек, книга издана в 2009 году.)

Я стала обладательницей этой замечательной книги, оригинально написанной «книги размышления» писателя. Мне повезло. Её можно, раскрыв в любом месте, читать с одинаковым интересом. Книга полностью оправдывает своё название. Она вся состоит из небольших абзацев, совершенно не связанных друг с другом. Вот вспомнил что-то из своей длинной, богатой интеллектом жизни большой писатель Даниил Александрович Гранин и тут же записал: либо о какой-нибудь встрече с известным интересным человеком, либо свои рассуждения по какому-нибудь интересному поводу. Каждый абзац – шедевр, и возникает чувство гордости, что ты – современник Великого писателя. Начала в книге нет, как, впрочем, и конца. Можно начать читать с любой страницы.

Я была в восторге, книжка - моя. Я зачитывалась и зачитываюсь ею до сих пор. Но там на даче, когда я прочла главу «Комарово», у меня родилась хмельная идея поехать в Комарово (Д.А. Гранин там постоянно живёт) и выразить ему своё восхищение. Сказано – сделано. Видно, такой уж у меня эмоциональный характер, что мне трудно отказаться от задуманного.

Всё это происходило после издания четвёртой моей книжки под названием «Эпилог», значит, после 2010 года. Путь не близок, наша дача находится на приозёрском направлении, а посёлок Комарово - на Выборгском, следовательно, мне надо дойти до электрички (30 мин.), проехать в электричке (2 часа) до Финляндского вокзала, дожждаться электрички на Выборг

(электрички ходят не часто) и до Комарово час, может быть, и побольше. А к вечеру надо ещё успеть вернуться на дачу, а не в город, так как я решила всё это проделать втайне от моих детей (дети были в городе и, конечно, они не допустили бы такой авантюры с моей стороны, мотивируя тем, что мне более 80 лет и хожу я с палкой).

В общем, я всё-таки очутилась в Комарово. Куда идти, не знаю, где дача Гранина, не знаю, да и захочет ли он меня принять, хотя каждый здесь мог бы указать, где находится дача Даниила Александровича. Я всё-таки решила найти библиотеку, которую Д.А. Гранин хвалит в своих «Причудах памяти» и часто там бывает. Это не так близко от станции, но я библиотеку нашла. Библиотекарша, Елена Афанасьевна Цветкова, оказалась очень приятной женщиной, мы разговорились, я ей рассказала о цели своего посещения, попросила её выразить моё восхищение книгой «Причуды памяти» Даниилу Александровичу и передать ему мои четыре книжки в знак глубокого уважения к его таланту, когда он зайдёт в очередной раз в библиотеку. Она предложила мне написать ему письмо, дала большой лист бумаги, провела меня в небольшой, пустой читальный зал и оставила одну. Я написала о своём восхищении его талантом, вообще всё, что о нём думала и приписала свои номера телефонов (городской и мобильный). Затем я поблагодарила Елену Афанасьевну и ушла.

Идя на станцию, я вспомнила, что моя дочь Катя настояла на том, чтобы тираж четвёртой книги «Эпилог» был всего 50 штук, так как книга посвящена была папе, то есть моему мужу Борису Михайловичу Булаху, а у того было хобби писать не очень приличные стихи, и они там напечатаны, поэтому «презентовать такую книгу можно только близким людям, которые хорошо знали папу», а то люди могут подумать бог знает что о профессоре Булахе. И я вернулась с полдороги, не дойдя до станции, чтобы изъять последнюю книжку, конечно, объяснив причину своего возвращения. Поздним вечером таким же маршрутом я вернулась на дачу в Колосково.

Далее события развивались таким образом. Прошло некоторое время. Моя дочь Катя в один из своих приездов на дачу рассказывает мне: «Знаешь, в городе был телефонный звонок тебе, какой-то полужнакомый мужской голос попросил к телефону

Татьяну Борисовну, я сказала, что её нет... Он помолчал с минуту и повесил трубку. Мне показалось, что это был голос Гранина, я перед этим его видела и слышала по телевизору».

«Что же ты не спросила, кто говорит и что передать?»

«Ну, вот так. Я думала, он сам всё скажет...»

Я в тот раз ей не открылась, но конечно, подумала, что это был Гранин, так как все мои знакомые знают Катю и разговор бы продолжился, тем более что и она подумала о Гранине.

Но ведь у него есть мой мобильный телефон, может быть, позвонит ещё раз...

Через пару дней на даче звонит мобильник; я бегу из кухни, судорожно хватаю трубку, от волнения нажимаю не на ту кнопку - всё, телефон отключился, и звонок не повторился... Я в полном расстройстве бегу к соседям по даче (сама я не умею узнавать, кто мне звонил), там мне непринятый звонок нашли, я прошу номер телефона, чтобы записать, мне показывают, я читаю: «номер засекречен». Сомнений больше не осталось. Вот так. А как мне хотелось поговорить с Великим писателем нашего времени. Не судьба!

Потом уже в городе, когда дети оба были дома, я их позвала и сказала: «Я хочу поговорить с вами, присядьте...». Андрей, смеясь: «Катя, сейчас нам мама скажет, что она не наша мать». Я рассказала им всю эту историю, связанную с Даниилом Александровичем Граниным, неудачную по моей вине.

Недавно была передача, где он рассказывал о своей жизни. В конце передачи ему задали вопрос: «О чём вы жалеете в своей жизни?» Он ответил: «Я жалею, что из-за недостатка времени не встретился с теми людьми, которые хотели со мной встретиться». Я эти слова отнесла и к себе.

ГЕРМАНИЯ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Впервые я побывала за границей летом 1959 г. по профсоюзной путёвке - в ГДР, по городам Тюрингии. Это была невероятная удача в те годы. Я просто не верила, что всё это могло случиться, до тех пор, пока в Бресте наши вагоны не переставили на узкие рельсы. В Германии я побывала в Берлине, Фрайберге, Наумбурге, Веймаре, Шварцбурге, Бад-Бланкенбурге, Лейпциге, в старинном городке Вейде, которому исполнилось в ту пору 750 лет. В этом городке заканчивалось моё первое путешествие за границу. Во Фрайберге, а это было на второй или на третий день нашего путешествия (до этого в Берлине мы провели два дня), находились детские лагеря, типа наших пионерских, где отдыхали дети не только из Восточной Германии, но и из Западной Германии тоже.

Родители детей из Западной Германии, узнав, что в этом месте на три дня остановилась группа русских (в 1959 г. это было в диковинку), пригласили делегацию из нашей группы в количестве четырёх человек в ресторан.

Наше руководство (а среди них был, конечно, представитель КГБ - разбитной, даже симпатичный Николай) было в некотором замешательстве. Что делать? Как поступить? Решили позвонить в Берлин, в посольство, объяснили ситуацию. Из посольства ответили: «Приглашение принять». В делегацию вошли: пара школьных учительниц немецкого языка, я, как немного знающая немецкий, и, конечно, Николай.

В ресторане нас пригласили за большой овальный стол, за которым сидело человек 20, по-видимому, всем было интересно посмотреть на русских. Перед каждым стояла тарелка-блюдо, на которой были разные закуски (для нас это было ново), ну и вино, конечно. Немцы любят всякие представления во время ужина, так что кто-то изобразил акробатический номер, кто-то что-то ещё. Одна девушка вышла и прочла русские стихи, мы даже не поняли, чьи они были и о чём. Вероятно, это предполагалось как подарок нам, русским. После этого главный распорядитель спросил нас, не прочтёт ли кто-нибудь из нас что-нибудь по-немецки. Видимо, учительницы не знали, либо засмущались, надо было «постоять за державу». Я вышла на эстраду и прочла им

по-немецки балладу Гёте «Der Sänger» (Певец) от начала и до конца.

Это был гром среди ясного неба. Баллада довольно длинная, говорится в ней о том, что король со своей свитой услышал, как кто-то поёт за стенами замка на мосту и велел привести певца в замок. Певец был ошарашен роскошью убранства зала и красотой дам, сидящих и слушавших его. Король хочет подарить певцу за прекрасное пение золотую цепь, но певец отказывается от неё, советуя передать её канцлеру или ещё кому-нибудь, кто её сумеет заслужить. Далее певец говорит:

Ich singe wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnt;
Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist Lohn, der reichlich lohnet.
Doch darf ich bitten, bitt ich eins:
Lass mir den besten Becher Weins
In purem Golde reichen».
Er setzt' ihn an, er trank ihn aus:
«O Trank voll süßer Labe!
O wohl dem hochbeglückten Haus,
Wo das ist kleine Gabe!
Ergeht's euch wohl, so denkt an mich,
Und danket Gott so warm, als ich
Für diesen Trunk euch danke».

Перевод такой:

«Я пою, как птица, живущая на ветке. Песня, которая льётся из души, и есть щедрое вознаграждение. Но, если я могу что-то попросить, прошу одно: дайте мне выпить хорошего вина в богатом золотом бокале». Певец осушает бокал и говорит: «Если у вас всё будет хорошо, тогда вспомните обо мне и поблагодарите Господа Бога за всё также тепло, как я благодарю вас за этот чудесный напиток».

Немцы были поражены. Дикция у меня была хорошая, читала я с выражением, да и сама в свои 30 лет в красивом чёрном платье с бусами «под жемчуг» была «очень даже ничего».

Главный немец-распорядитель воскликнул: «Откуда Вы это всё знаете?». Я: «В Советской школе учат немецкие стихи: Гёте, Шиллера и Гейне». (Конечно, я эти стихи не в школе выучила, а ещё до школы в немецкой группе. Но всё-таки «Лорелею» Гейне в моё время учили в 5-м классе). Немец: «У нас дети не знают Гёте, а в «медвежьей» России знают!» Ничего себе, думаю, совсем недавно мы вас побили, и всё мы «медвежья» Россия...

Разволновался западный немец до того, что, видимо, усмотрел в немецкой балладе в моём исполнении некоторый намёк. Куда-то убежал, быстро вернулся с большой бутылкой вина, сказав, что всё, что на столе – общее, а вот это вино – лично мне от него! Ну, мы это вино тут же распили к всеобщему удовольствию, а затем, по немецкому обычаю, сидя за столом под руку с соседями распевали немецкие песни. Мы, конечно, просто подпевали, а мой подвыпивший сосед Николай во всю моченьку орал: «У попа была собака, он её любил...», благо публика по-русски не знала. Кажется, в посольстве остались нами довольны.

Ещё вспоминается забавный эпизод, когда я из Фрайберга на электричке одна ехала в Наумбург, чтобы посмотреть знаменитый Наумбургский собор. Вагон был почти пустой, ко мне подсел пожилой немец, старомодно одетый, в цилиндре и с тростью (надо заметить, что в старых немецких городках на прогулку выходили именно так, как будто мы живём в прошлом веке: мужчины в цилиндрах, дамы, одетые соответственно, с собачками на поводках; а это был 1959-й год).

Немец слегка поёживается от открытого окна в нашем купе. Я на своём ломаном немецком языке силюсь ему объяснить, что дует не отсюда, а из других окон по ходу поезда. Он терпеливо слушает мои потуги, привстаёт с поклоном и говорит: «Благодарю Вас...».

Возможно, русский, но в разговор не вступил.

Как-то в одном из ресторанов нам очень понравился суп, и мы спросили нашего немецкого гида, очаровательную девушку, из чего сварен суп. Она не могла вспомнить слово «бык» в русском языке и сказала: «Суп сварен из хвоста мужа коровы».

Всем было очень весело.

Денег немецких обменивалось нам очень мало, но мне всё-таки удалось привести мужу подарок – бадминтон (две ракетки с воланами). Борис был доволен, это была новинка.

Наша группа побывала в Бухенвальде, что оставило тяжёлое воспоминание. Побывали мы и в Веймаре, на родине великих поэтов Гёте и Шиллера. Невдалеке от их общего памятника скромно стоял бюст Пушкина.

Здесь я хочу немного остановиться в своём повествовании.

В жизни бывают моменты, о которых трудно рассказывать, но для меня они составляют определённую веху и никогда не забываются. Я долго думала, стоит ли мне рассказать о чувстве, которое меня охватило один раз в жизни.

Я сомневалась – и всё-таки решилась. Если пишешь о себе, надо писать всё, что было, иначе книга будет неискренней, а кому это надо! Ведь когда читаешь о чужой жизни, невольно примеряешь её на себя и радуешься или огорчаешься, когда некоторые переживания автора и читателя совпадают. В моём окончательном решении мне помогла выдержка из книги А.И. Герцена «Былое и думы» (том 4, стр. 398). А.И. Герцен пишет:

«В этой части мне приходилось больше говорить о себе и не только о себе, но и о семейных делах. Это вещь трудная, не сама по себе, а потому, что по дороге невольно наталкиваешься на предрассудки, окружающие забором семейный очаг. Я не коснулся грубо ни одного воспоминания, не оскорбил ни одного истинного чувства, но я не хотел пожертвовать интересом, который имеет жизнь, искренно рассказанная, - целомудренной лжи и коварному умалчиванию».

Итак, я в старинном городке Вейда. Передо мной коврик, подаренный каждому члену нашей группы, на котором изображён средневековый замок, в центре герб города с датами: 1209-1959. Слева к замку подходят рыцари, справа современные школьники и дети. По всем четырём сторонам квадратного коврика проходит надпись: «750 Jahre Stadt Weida».

В этом самом замке мы прожили три дня. Нашими гидами были два молодых человека, «zwei gute Freunde» (в то время это была самая популярная песенка в Германии). Один из них был

черноволосый, другой - с шапкой русых волос, атлетического сложения, словом, я ещё таких красивых мужчин, как этот второй, не видела, хотя и первый был достаточно хорош собой.

Вообще, мы женщины, мало задумываемся о мужской красоте. Есть русская поговорка: «немножко лучше чёрта - и хорош!» Конечно, есть, вернее, была в античной Греции мужская красота (судя по скульптурам), но красота – это не главное в мужчине, так считаем мы, женщины (я беру на себя смелость говорить за всех женщин). Интересно, а что главное в мужчине, какое качество? Думаю, что ответить на этот вопрос трудно. Каждому своё, наверное. Я не большой специалист по мужской части, но тут в Вейде случилось со мной, тридцатилетней женщиной, замужней, имеющей двух детей, нечто необычное. Я влюбилась...

Наши гиды провели с нами три дня, показали достопримечательности города, самым интересным был замок, в котором мы жили. За все три дня я со своим русым арийцем ни разу словом не перемолвилась, ни разу мы не встретились взглядом. Из общих разговоров выяснилось, что он чемпион Восточной Германии по настольному теннису. Я даже не запомнила, как его зовут.

И вот наступает последний день нашего пребывания в Германии с соответствующим банкетом и балом в средневековом зале замка. Романтический вечер в моей жизни!

Как будто какая-то электрическая сила нас связывала. Я старалась на него совсем не смотреть, чтобы себя не выдать. Но какие-то флюиды нас соединяли. Вероятно, это было то, что называется внезапной страстью. Начался бал и, конечно, вальс. Полутёмный зал, наша группа теряется в громадном зале. Я сижу рядом со своей напарницей по номеру. Она либо моя ровесница, либо чуть постарше. Я, не поднимая глаз, вижу, что в нашу сторону через весь зал движутся две пары мужских ног, по-видимому, пригласить нас на вальс. «Только бы это был он», - подумала я и подняла глаза, только тогда, когда он - а это был действительно он - склонился в поклоне.

Мы танцевали весь вечер вдвоём, он был прекрасным танцором и, как я уже говорила, очень красивым мужчиной. Часов в десять вечера мы вышли из замка в парк освежиться, прогуляться по аллеям красивого парка. Он обнял меня за плечи...

Боже мой! Мне больше всего на свете не хотелось скинуть его руку с моего плеча, но я преодолела себя – и скинула, но чего это мне стоило... Мы вернулись в зал, продолжали танцевать, но накал страстей утих, да и бал заканчивался. Рано утром мы покидали Вейду, а с ней и Германию. В автобусе, увозившем нас из Германии, я дала себе слово, что я о нём думаю только до границы. Вот такая история.

С тех пор моим самым любимым романсом стал: *«Только раз бывает в жизни встреча, только раз с судьбою рвётся нить...»*, особенно в исполнении Нани Брегвадзе. Что это было? Страсть?

Иногда мне приходит мысль в голову, что, может быть мы, женщины, строго судим мужчин за измены. Думаю, что мужчинам труднее преодолеть себя физиологически, чем женщинам. Наверное, так устроен мир. У женщин чувство влюблённости более духовного порядка, нежели у мужчин, у которых больше развито желание обладать женщиной, чем у женщин быть обладаемой. Так или иначе, страсть существует, я в этом убедилась. И сейчас, подводя итоги своей жизни, я опять благодарю Бога за то, что Он дал мне возможность это чувство пережить.

Мама в ту пору жила в Минске и мы договорились с ней, что я сойду с поезда в Минске, а она заранее возьмёт мне билет на самолёт в Адлер, где в Пицунде отдыхали мой муж и дети. Мы с мамой проговорили всю ночь, я обо всём ей рассказала. Я сказала, что влюбилась, что не хочу лететь ни к мужу, ни к детям, что физически я мужу верна, а душою нет. Моя умница-мама меня поняла и, как могла, успокаивала. Она сказала: «Ты моя дочь, я не могу тебе рассказать всё о своей жизни, но постарайся понять на моём опыте, что главное в жизни: семья, дети, а всё остальное – грязные носки». Я хорошо запомнила эти слова; что касается двух последних, то каждый разберётся сам в меру своих способностей.

Так или иначе, мой самолёт мы проспали. Борис напрасно в назначенный день встречал меня в Адлере, я прилетела только на следующий день. За три дня я пришла в себя от пережитого потрясения, радость встречи с мужем и детьми заставила меня быстро переключиться на семейный лад. В Германии я сделала

модную причёску, муж нашёл меня помолодевшей и привлекательной. Конечно, я всё без утайки ему рассказала (кроме того, что сказала маме, что не хочу лететь к мужу и детям).

Шли годы. Второй раз я посетила Германию через 29 лет, в 1988-м году, за год до этого потеряв своего горячо любимого мужа. Как-то проходя по институтскому коридору мимо профкома, я увидела объявление о путёвках. Это были путёвки в Болгарию, Венгрию, Чехословакию, Югославию и т.д., но среди прочих была одна путёвка по северо-западной Европе (в резерве). «Вот её-то мне и надо!» - подумала я и подала в профком заявление.

Каково же было всеобщее удивление, когда эту единственную путёвку я получила! Сейчас я думаю, что меня просто пожалели, зная какую тяжёлую утрату я понесла.

Но для получения путёвки в то время надо было проходить парткомы – институтский и районный. Чтобы на парткомах позорно не провалиться, надо было знать, какой строй в каждом государстве, кто у «кормила власти» и как эти посты называются. Для меня это был «тёмный лес», но когда я пришла на институтский партком, то мне задан был всего один вопрос: «Сколько лет Вы работаете в нашем институте?». Я ответила: «23 года». Этого было достаточно, вопросов больше не было. В районном парткоме меня особенно не терзали, так что путёвка осталась за мной.

На работе меня подменяют, чтобы дать мне возможность воспользоваться редкой путёвкой, и я с группой в 40 человек вылетаю сначала в Москву, а на другой день - в Лиссабон. В Лиссабоне, столице Португалии, нас перевезли через весь город к Атлантическому океану, где посадили на великолепный лайнер «Азербайджан», на котором нам предстоит пройти Бискайский залив, Ла-Манш, Па-де-Кале, Северное и Балтийское моря. Наш круиз длился 21 день. Мы посетили Португалию, Францию, Голландию, Германию, Данию, Швецию.

На одиннадцатый день путешествия теплоход подошел к Гамбургу. В Германии мы пробыли три дня. Была экскурсия по Гамбургу, осмотр достопримечательностей города. В остальные два дня ездили в Любек и Бремен – старинные ганзейские торговые

города. В Бремене видели памятник «Бременским музыкантам» и запоминающуюся статую Роланда, установленную в 1404 году.

На городских воротах Любека было написано: «Согласие внутри – снаружи мир». В Любеке находится дом отца и деда Томаса Манна. За свой роман «Дом Будденброков» Томас Манн в 1929 г. получил Нобелевскую премию. Город Любек в XIX веке называли «Королевой Ганзы». Это старейший ганзейский порт на Балтике, основан в 1143 году. Морское путешествие продолжалось, и закончилось в Риге.

Через три года опять судьба забросила меня в Германию. Это был 1991-й год. Мою дочь Катеньку, физика-теоретика, после защиты докторской диссертации в Петербурге пригласили работать в Германию, в университет города Майнца на три года (один предварительный год для изучения немецкого языка).

Поскольку дети оставались на нас с зятем Володей, а я ведь ещё работала, я «взвыла» и согласилась отпустить Катю только на два года, язык можно выучить и по дороге. На работе за мной оставили только утреннюю нагрузку. Теперь после работы я ехала на Охту в Катину квартиру, встречала детей из школы, варила обед и после возвращения Володи с работы уезжала домой. Выходные дни Володя брал на себя. Антон учился в 9-м классе, Вася в 1-м.

Осенью нам с Васей удалось слетать к Кате в Германию. В Майнце она снимала однокомнатную квартиру, где мы втроём разместились. Катя утром уходила на работу, мы с Васенькой сначала гуляли по городу, а потом я решила его отвести в немецкую школу (всё-таки мы пробыли в Германии около месяца).

Вася не знал ни одного слова по-немецки, его учительница не знала ни одного слова по-русски, но когда я приходила и спрашивала учительницу, как Вася учится, она только восклицала: «Super, super!» Первый раз я его отвела, потом он ходил туда и обратно сам. Однажды он задержался более обычного, мы с Катей начали беспокоиться. Оказывается, провожал девочку-турчанку, с которой сидел за одной партой.

Пока Васенька находился в школе, я отыскала магазин «секондхенд». Я к тому времени не была уже профессорской женой, а всего лишь скромным ассистентом на кафедре, и поэтому магазин такого профиля меня очень даже интересовал.

Мне нужны были зимние сапоги, я стала их примерять, но ни на одной паре молния не хотела застёгиваться. Я была одна в обувном отделе, продавец с улыбкой подавал мне пару сапог одну за другой. Я напрягла свою память и вспомнила, что пятьдесят лет тому назад в школе, в 5-м классе, на немецком уроке мы читали рассказ об Одиссее и циклопе Полифеме, и про циклопа были слова: «Seine Beine waren so dick, wie tausendjährige Bäume» (его ноги были так толсты, как тысячелетние деревья). Я заменила seine на meine, продавец засмеялся и сказал: «Geben Sie mir bitte ihre Adresse, ich werde Ihnen schicken» (дайте, пожалуйста, свой адрес, я вышлю Вам).

Сначала я получила от Йозефа поздравление к Новому году. В его обращении ко мне одно слово я не могла найти ни в одном словаре. Я передала открытку своим знакомым, у которых их знакомая преподавала немецкий язык в университете. Она перевела: «Чудная фрау Булах». Может быть, «чудная»?

Он выслал мне коротенькие замшевые сапожки на каучуке и каждый год к Рождеству присылал большие посылки, где наряду с двумя маленькими бутылочками шампанского, продуктами и сладостями была всевозможная одежда. Удивительно то, что из всего, что он присылал, многое мне подходило, а что не подходило, я отдавала другим. К этим посылкам подключилась и его жена Герда, которая иногда, когда мой ответ с благодарностью запаздывал, звонила: «Tatiana, haben Sie unser Pocket bekommen?» (получили ли Вы нашу посылку?)

Я, конечно, тоже старалась Йозефу и Герде что-то послать к Рождеству, но всё это было скромнее. За все эти годы я почти ничего нового не покупала. И так продолжалось 15 лет, пока в 2006 году, возвращаясь из Швейцарии, проездом из Кёльна во Франкфурт со всевозможными пересадками (чтобы было подешевле) я не заехала в Майнц специально, чтобы повидаться, предупредив их об этом из Кёльна. Я много раз до этого приглашала их в Петербург, но Йозеф ссылался на то, что в Россию на машине ехать сложно, а на самолёте Герда боится летать.

Итак, мы встретились: с Гердой впервые, а с Йозефом до этого мы виделись не более 10 минут 15 лет тому назад. Вот как интересно случается в жизни!

Мы были вдвоём с приятельницей, застали их в момент переезда на другую квартиру поближе к сыну. Дома у них был «тарарам», но я заметила кое-какие мои подарки, присланные им в разное время. Тут же Герда вынесла шубу и лёгкое кожаное пальто и подарила нам обеим. Сколько мы ни отказывались, что и положить то нам их некуда, у нас только рюкзаки, но Герда спустилась на лифте в свой подвал и принесла роскошную большую сумку, куда они запихнули обе шубы, посадили нас в машину и повезли в центр города. Показав нам центр, накормив нас пирожными в кондитерской, отвезли по моей просьбе в церковь св. Стефана, известную по великолепным витражам Шагала (я уже в третий раз любовалась синим цветом этих витражей), и затем на вокзал к поезду на Франкфурт, куда нас погрузили вместе с шубами и откуда мы отбывали в Россию. Здесь меня ждала неприятность. Дело в том, что я привезла Йозефу как нумизмату в подарок серебряную монету с Николаем II, а он хотел мне в обмен подарить монету с Наполеоном. Я ему объяснила, что я не нумизмат, в отличие от него, и я, конечно, тронута, но это «не в коня корм», и вернула её обратно. Так, оказывается, он засунул её мне в рюкзак (моя приятельница это видела, но сказала мне об этом только тогда, когда поезд тронулся). Я была этим очень расстроена, всё ей высказала, она же оправдывалась тем, что дала Йозефу обещание ничего мне не говорить. Ей было легче говорить с ним, чем мне (она преподавательница немецкого языка), и она очень помогла мне в общении с Йозефом и Гердой, тем не менее, я очень на неё рассердилась.

Ещё задолго до нашей последней встречи обязательный обмен подарками нас тяготил. Наверное, обе стороны хотели поскорее от него избавиться, так что наш приезд и обмен их квартиры всё и решил. Я благодарю судьбу за знакомство с Йозефом и Гердой, оно помогло мне в какой-то степени не забывать немецкий язык, и, конечно, было приятно к Рождеству получать подарки.

Ещё одна интересная встреча произошла у меня в Майнце, когда мы с Васей гостили у Кати. Как-то в одну из суббот, когда Катя была свободна и осталась с Васей, я поехала трёхчасовой электричкой в соседний город Висбаден на другой стороне Рейна. Этот курортный город мне был интересен тем, что он связан с

именем Достоевского и что в этом городе императором Николаем II была построена русская церковь.

Я сошла с электрички, списала расписание вечерних поездов обратно на Майнц и пешком пошла по главному проспекту к центру города. Это было не близко. Я дошла до парка, в котором было известное казино, где Достоевский, приехавший на этот курорт лечиться, играл в карты. Уже смеркалось, а мне надо было добраться до русской церкви, находившейся на горе. По дороге, поднимаясь в гору, я спросила встречную чету немцев, как мне ближайшим способом добраться до церкви. Они удивились, что я так поздно туда иду. Я на ломаном немецком языке объяснила, что я из России, что я в первый и, скорее всего, в последний раз в их городе и что я всё-таки хочу церковь посмотреть.

Тогда муж дамы сказал, чтобы мы с его женой подождали минут пятнадцать, пока он спустится за машиной. Вскоре он приехал на машине, забрал нас и мы буквально через несколько минут очутились у церкви. Но церковь была уже закрыта.

Как я была благодарна этой паре супругов! Я не знаю их имён, чтобы вспомнить их по именам и поблагодарить. Ведь мой благодетель нашёл сторожа (по-видимому, ему заплатил), тот открыл нам церковь, в церкви в левом приделе стояло мраморное надгробие. Изображена была лежащая молодая женщина. Сторож включил магнитофон, и мне сказали, что это голос Николая II, записанный во время его приезда в Висбаден на похороны его племянницы, вышедшей замуж за немецкого принца и скончавшейся в 18-летнем возрасте от родов.

Мне пора было возвращаться на вокзал, чтобы во время вернуться в Майнц, но мои новые знакомые отвезли меня сначала к горячим источникам (благодаря которым прославился этот курорт), а затем не на вокзал (!), а по большому мосту через Рейн до Майнца к самому дому, где меня ждали и беспокоились Катя и Вася.

Я попросила их немного подождать. Хорошо, что у Кати оказалась большая коробка шоколадных конфет из России, я её презентовала с большой благодарностью этим замечательным людям.

Перед возвращением в Россию нас с Васей ждал ещё подарок. Катина знакомая свозила нас троих на своей машине в Кобленц. Дорога шла вдоль Рейна, на противоположной стороне Рейна один

за другим стояли замки, в том числе и замок, по преданию связанный с именем Лорелеи. Я прочла и перевела для Васи замечательные стихи Гейне:

Ich weiss nicht, was soll es bedeuten,
Dass ich so traurig bin,
Ein Märchen aus uralten Zeiten,
Das kommt mir nicht aus dem Sinn.
Die Luft ist kühl und es dunkelt,
Und ruhig fliesst der Rhein;
Der Gipfel des Berges funkelt,
Im Abendsonnenschein.
Die schönste Jungfrau sitzet
Dort oben wunderbar,
Ihr gold'nes Geschmeide blitzet,
Sie kämmt ihr goldenes Haar,
Sie kämmt es mit goldenem Kamme,
Und singt ein Lied dabei;
Das hat eine wundersame,
Gewalt'ge Melodei.
Den Schiffer im kleinen Schiffe,
Ergreift es mit wildem Weh;
Er schaut nicht die Felsenriffe,
Er schaut nur hinauf in die Höh'.
Ich glaube, die Wellen verschlingen
Am Ende Schiffer und Kahn,
Und das hat mit ihrem Singen,
Die Loreley getan.

Не знаю, что стало со мною,
Печалью душа смущена.
Мне все не дает покою
Старинная сказка одна.
Прохладен воздух. Темнеет.
И Рейн уснул во мгле.
Последним лучом пламенеет
Закат на прибрежной скале.
Там девушка, песнь распевая,
Сидит на вершине крутой,

Одежда на ней золотая,
И гребень в руке – золотой.
И кос ее золото вьется,
И чешет их гребнем она,
И песня волшебная льется,
Неведомой силы полна.
Охвачен безумной тоскою,
Гребец не глядит на волну.
Не видит скалы пред собою,
Он смотрит туда, в вышину.
Я знаю, река, свирепея,
Навеки сомкнется над ним, –
И это все Лорелея
Сделала пеньем своим.

На обратном пути мы ещё раз полюбовались замками. Было совсем как в стихах Гейне. Вечерело, спокойно тёк Рейн, и блестела вершина горы при вечернем луче солнца. Но, как и в прошлый раз, не сидела наверху прекрасная молодая женщина и не пела песню с удивительной мелодией, расчёсывая свои золотые волосы золотым гребнем.

Подошло время нашего отъезда, и мы с Васей, распрощавшись с Катей, вернулись домой в Россию, каждый к своим обязанностям: Васенька в школу, я на работу.

В 2009 году мне удалось ещё раз побывать в Германии, на этот раз в Мюнхене. Я, конечно, побывала и на родине Моцарта в Зальцбурге, и в альпийском дворце Людвига Баварского, в его замечательном замке Нойшванштайн возле озера, вдохновившего Чайковского на написание балета «Лебединое озеро».

Я осмотрела три картинных галереи Мюнхена и сам город, а затем поехала в город Ульм, в котором всегда мечтала побывать. Ульм расположен в трёх часах езды от Мюнхена на электричке. Город средневековый (кстати, это родина Альберта Эйнштейна). В Ульме самый высокий собор в Европе, я не смогла его даже сфотографировать: невозможно отойти настолько, чтобы взять его в кадр. Но главным для меня в этом городе было то, что именно в нём начался роман моих родителей в 1927-1928 годах, когда они

оба были в Германии в научной командировке. Город красив, стоит на Дунае. Нечаянно я наткнулась там на дом астронома Кеплера.

Германия – страна высочайшей культуры, подарившая человечеству таких поэтов, как Гёте, Шиллер, Гейне, таких композиторов, как Бах, Бетховен, Шуман... и в то же время породившая величайшее зло на земле – фашизм.

ПЬЕРЕТТА

Надо сказать, что я всю свою жизнь мечтала побывать во Франции. И вот мечта моя сбылась, наконец, когда 1988-й году в морском круизе вокруг северо-западной Европы нашу туристскую группу из Гавра автобусом, через Руан и Версаль, привезли в Париж.

В Париже мы пробыли 3 дня. Программа второго дня пребывания в Париже была чрезвычайно насыщенной. Мы побывали в Лувре, в соборе Парижской Богоматери, в церкви Сакре-Кёр на Монмартре, на Эйфелевой башне, на кладбище Пер-Лашез. Много раз нас возили по самому Парижу вдоль и поперёк, много мы гуляли по этому замечательному городу сами за счёт сна.

В последний день нас повезли в одно из предместьев Парижа, в городок Сент-Женевьев-де-Буа, известный тем, что там находится знаменитое русское кладбище. Если бы мы знали, куда нас везут, мы, конечно, попросили бы дать нам время побродить по этому кладбищу. Ведь там похоронены писатель Иван Бунин, кинорежиссёр Андрей Тарковский, поэт Галич, художник Коровин, писатель Некрасов, поэты Мережковский и Зинаида Гиппиус, балетмейстер Рудольф Нуриев и многие другие известные в России люди. Нас же везли в ресторан на встречу с обществом «Франция – СССР», и этот ресторан находился всего в 60 шагах от русского кладбища, я в этом убедилась сама, когда через два года судьба меня вновь забросила в эти места.

Зал ресторана выглядел так: в середине зала круглая площадка для танцев. От этой круглой площадки в радиальных направлениях расставлены столы. В нашем случае восемь столов и за каждым из них сидело 5 русских с одной стороны и 5 французов с другой стороны. Таким образом, русским было удобно общаться с французами.

Напротив меня сидела приятная женщина моего возраста. Мы познакомились, её имя Пьеретта, разговорились, насколько это было возможно с моим знанием французского языка. Пьеретта – прехорошенькая жизнерадостная женщина. Оказалось, что у нас похожие судьбы: мы ровесницы, у неё трое детей - у меня двое, у меня муж умер - от неё муж ушёл к другой женщине (кстати, её

муж - действующий мэр этого городка, и он тоже был здесь уже с новой женой). Я подумала о том, что веселье Пьеретты могло быть несколько наигранным. Во всяком случае, мы почувствовали взаимную симпатию.

В те годы очень мало обменивали валюты при поездках за границу, а хотелось что-то привезти домой. У меня была с собой взята баночка икры на продажу. Я сказала:

«Pierette, allons a la toilette» (Пьеретта, пойдём в туалет). Там я ей сказала: «Je n'ai pas d'argent, mai j'ai caviar» (У меня нет денег, но у меня есть икра). Пьеретта мне ответила, показывая сумочку: «Je n'ai pas aussi d'argent, j'ai seulement une mouchoire» (У меня нет денег, только носовой платок). Она взяла икру и быстренько её кому-то «спустила», у меня появились какие-то деньги, на которые я смогла купить немудрёные сувениры для близких.

Кое-как мне удалось переговорить с другими французами, сидящими напротив за столом. Выступал мэр города с приветствием к нашей группе через переводчика, всё было очень по-советски, исключая французскую кухню, и страна наша была ещё советская, и общество «Франция - СССР», пригласившее нас, всё состояло из французских коммунистов, которые молились на СССР, желая коммунистического переворота во Франции.

Далее наше плавание продолжалось в Голландию, Германию, Данию, Швецию и закончилось в Риге. Впечатлений масса, удовольствие огромное.

Я отправлялась в этот круиз после почти двух лет тяжёлых переживаний по поводу безвременной смерти моего любимого мужа, с которым прожила 40 лет. Теперь, после моего путешествия в Европу, меня как будто «перемололи». Захотелось жить.

Я вспомнила, что Пьеретта приглашала меня приехать в Париж по её приглашению через общество «Франция - СССР», чтобы не наспех, а детальнее ознакомиться с этой замечательной страной, и дала мне свой адрес. А я как-то без должного внимания и благодарности к этому отнеслась. Теперь я ей написала, в письме пригласила её к себе, и началась между нами интенсивная переписка. Зимой мы, наконец, списались с Пьереттой и выработали план: в середине апреля я на две недели вылетаю в

Париж, а к 1-му Мая мы вместе прилетаем в Ленинград, причём Пьеретта прилетает в Россию на месяц.

На моей кафедре в Текстильном институте, благодаря профсоюзу которого я и получила единственную путёвку «вокруг северо-западной Европы», всегда действовал принцип взаимозаменяемости, так что я сумела высвободить себе вторую половину апреля и 15-го вылетела в Париж.

В Париже в аэропорту Орли меня встречала Пьеретта и увезла к себе в Сент-Женевьев-де-Буа. На другой день рано утром мы выехали на её машине через Шартр в Мон-Сен-Мишель. В Шартре посетили знаменитый собор XII века с двумя башнями в разных стилях – одна в готическом, другая - в романском. Далее наш путь в Нормандию.

Монастырь Мон-Сен-Мишель, расположенный на морской границе Франции с Англией, произвёл на меня потрясающее впечатление. Во время отлива этот край французской земли оказывается островом до следующего прилива. Я одна поднялась на самую верхотуру монастыря, Пьеретта берегла своё сердце и, конечно, деньги, так как она платила за меня во все музеи и дворцы, которые нам попадались на пути. А впереди ещё были замки Луары. Затем мы поехали по западному побережью Бискайского залива в Бретань, где прожили три дня в семье подруги Пьеретты с радиальными выездами в интересные своей замечательной природой места. В этой семье был мальчик, учившийся в последнем классе колледжа, которому я помогла по математике. Родители его, чтобы как-нибудь меня отблагодарить, потчевали меня всевозможными сырами и, конечно, бретонскими винами. У них был большой дом на берегу залива, в котором они жили втроём, так что у нас с Пьереттой было по отдельной комнате.

Распрощавшись с гостеприимными хозяевами, мы отбыли в направлении замков Луары. Я не буду подробно описывать замки, в которых побывала, всякий, кто поинтересуется, найдёт подробное их описание в соответствующей литературе, я их просто перечислю: Юссе, Ланже, Азе-лё-Ридо, Шенонсо, Шамбор.

На вторую неделю моего пребывания во Франции Пьеретта купила мне недельные билеты на метро-электричку в Париж и в музеи Парижа. Я обошла в Париже много музеев: Лувр, музей д'Орсэ, музей Помпиду, Дом инвалидов, музей Родена, музей

импрессионистов в Малом Дворце в Тюильри, Большой дворец в Тюильри, музей архитектуры и музей кинематографии, Эйфелеву башню. Кроме того, мы ездили с Пьереттой в замок Фонтенбло – резиденцию Наполеона.

В конце апреля мы вылетели с Пьереттой в Ленинград. Пьеретта состояла во французской компартии, поэтому ей особенно хотелось попасть в Советский Союз на 1-е Мая, чтобы увидеть демонстрацию наших трудящихся. Это был 1990-й год, год, когда повсюду поносили Горбачёва, и как я её ни уговаривала не ходить на Дворцовую площадь, она меня не послушала, и в результате была сильно разочарована. «Татьяна, вы должны Горбачёва на руках носить!» - говорила она. Когда она видела наши пустые полки в продуктовых магазинах, она говорила: «Татьяна, у вас будет всё, но вы ничего не сможете купить». Ещё она говорила: «Татьяна, вы такие богатые, у вас Средняя Азия, а ведь мы покупаем апельсины в Алжире».

Все наши разговоры велись на французском языке. Она ни одного русского слова не знала, полуторамесячная практика в языке в общении с Пьереттой заставила меня кое-что вспомнить из далёкого детства. Рождённая в профессорской семье, я получала ещё до поступления в школу соответствующее воспитание, в том числе французский и немецкий языки.

Перед отлётом из Парижа Пьеретта собрала своих друзей в честь меня, и все они принесли мне небольшие сувенирчики. То же самое и я решила сделать.

День рождения Пьеретты 2-го мая, мой 4-го мая. Я решила сделать общий праздник 3-го мая и попросить моих гостей ничего не дарить мне, чтобы все подарки были ей, мотивируя свою просьбу тем, что заранее меня поздравлять – плохая примета. Всё задуманное мной удачно реализовалось.

Собралась наша «заграничная» компания из десяти человек, которая склотилась после круиза и просуществовала более 25 лет, конечно, немного поредевшая к 2013-му году, когда мы отпраздновали этот юбилей. Кроме того были мои взрослые дети и пара моих друзей. Двое или трое из гостей могли поддержать разговор по-французски. Удачно получилось и с подарками для Пьеретты. Я уже в Париже знала, что я ей подарю. Дома у меня лежал отрез крепдешина красивой серо-голубой расцветки

(бакинского производства), купленный незадолго до этого в Москве. По приезде в Ленинград я сразу же попросила Милу (сестру моего зятя Володи), сшить Пьеретте платье из этого крепдешина.

Мила сразу же откликнулась на мою просьбу и пришла к нам. Минут двадцать она сидела и смотрела на Пьеретту: как та ходит, как двигается, потом сняла мерку и уехала. Через три дня она мне позвонила, спросила, где бы нам в метро встретиться, она хочет передать мне готовое платье. «Мила, без примерки?!» - воскликнула я. «Примерка не нужна», - был ответ. Мила – талантливый модельер, по окончании Текстильного института она работала в ленинградском Доме моделей.

Платье великолепно сидело на Пьеретте, при этом устраняя недостатки её фигуры. К этому платью я подарила ей кулон и серьги из кисловодского фарфора. Платье было из крепдешина, из натурального материала, а в современную жизнь уже вошла синтетика. Когда я в Париже специально спрашивала в магазинах, есть ли в продаже крепдешин и сколько он стоит, мне отвечали, что они забыли, когда тот был в продаже. Тем более такой подарок был более ценен. Моя дочь Катя подарила ей серебряное колечко со змейкой (наш с ней год рождения - год змеи по восточному календарю). Пьеретта выглядела дамой XVIII века, по выражению одной из наших путешественниц, кстати, гида по Эрмитажу.

Все участники заграничного путешествия старались помочь мне в развлечениях Пьеретты, даже отсутствие знания французского языка не очень их смущало. Я же была очень занята на работе, так как надо было отдавать долги за высвобожденные дни для поездки во Францию. За месяц Пьеретта осмотрела все пригороды Ленинграда, но главным для неё оказался Разлив (сарай и шалаш Ленина). Сарай в Разливе она осмотрела, а до шалаша надо было плыть на остров. Это, к сожалению, не получилось. Когда одна из членов нашей компании, доцент кафедры иностранных языков Педагогического института, повела её в Эрмитаж и на хорошем французском языке стала рассказывать ей об изобразительном искусстве, несчастная Пьеретта взмолилась: «Татьяна, вы все думаете, что я такая, как все вы. У меня нет вашего образования».

Дочка с зятем возили нас с ней в Новгород и подарили нам путёвки на остров Валаам. Это было ещё то мероприятие! Дело в том, что при советской власти иностранцам плыть на Валаам не разрешалось, пришлось предъявить при посадке на пароход чужой паспорт. Каюта у нас была отдельная, разговаривать по-французски было можно, никто не услышит. А вот в ресторане за столом сидело 6 человек, пришлось сказать, что моя сестра немая и потому молчит, но на палубе, хотя и шёпотом, мы разговаривали. Валаам на неё впечатления не произвёл, там надо было много ходить, а она привыкла к машине.

Мой пятнадцатилетний внук нарисовал её портрет (сколько мы его ни просили убрать морщины, пользуясь тем, что Пьеретта русскую речь не понимает, сделать это он не смог). Вручая ей портрет, мы её «успокоили», сказав, что, к сожалению, на портрете она получилась на десяток лет старше.

На Невском в магазине «Смерть мужьям» (ещё название дореволюционное) и в Пассаже Пьеретта купила себе осенний костюм и шляпу и была в восторге, выиграв на разнице цен. В конце концов, мы её проводили, очень довольную своим пребыванием в Ленинграде.

Прошло более десяти лет. В конце 90-х годов, а может быть, в начале 2000-х моя дочь Катя, уже живя в Америке и работая по приглашению иногда по месяцу и более в году в Гренобльском Физическом институте на юге Франции, пригласила меня к себе. Конечно, я была очень рада. Как раз юг Франции в моей туристической биографии отсутствовал полностью.

Гренобль – очень приятный город, расположенный недалеко от Женевы и Лиона. Это родина Стендаля. Город с глубокой древности славился производством шляп и перчаток и я, конечно, не смогла не купить себе великолепную шляпу, которая ныне благополучно висит за шкафом в моей петербургской квартире, и которую я примеряю только тогда, когда ко мне приходят гости. Конечно, она идёт мне, иначе я бы её не купила, но она не подходит мне по моему внутреннему содержанию (слишком шикарна!). Я любовалась городом, ездила на поезде в очаровательный городок Анси на границе со Швейцарией, затем в Лион, Марсель и по всему средиземноморскому побережью: Канны, Ницца, Монте-Карло.

Перед отъездом из Гренобля я позвонила Пьеретте, объяснила ей, где нахожусь, и сказала, что мы с Катей через пару дней будем в Париже. Катя на другой день уедет работать на пару недель в Амстердам, а я хочу задержаться на три дня в Париже перед вылетом в Петербург, если она меня приютит.

Пьеретта нас встретила в Париже на Лионском вокзале и отвезла нас к себе в Сен-Женевьев-де-Буа. Мы радостно встретились после долгой разлуки, было о чём вспомнить и о чём поговорить. На другой день она рано нас отвезла к электричке, и мы уехали в Париж. В Париже мы погуляли, и я проводила Катю на поезд в Амстердам. Грустно было расставаться с дочерью после того, как мы целый месяц провели вместе. Но грустить особенно было некогда, я обещала Пьеретте вернуться к сроку, у неё в этот день было важное политическое мероприятие. К определённому времени она должна была встретить меня на вокзале в Сен-Женевьев-де-Буа, завезти домой и уехать в Париж на политическую демонстрацию. В это время во Франции выбирали президента, и она ехала, чтобы поддержать кандидатуру от коммунистов на этот пост.

Каков же был мой ужас, когда подъезжая к станции, я вижу Пьеретту с машиной, мой же поезд, не останавливаясь, на всей скорости проезжает мимо. Это была катастрофа для Пьеретты и ударом для меня и... моих отношений с Пьереттой. В Париже, смотря расписание поездов, я не обратила внимания на то, что как раз нужную мне станцию поезд пропускает. Пока я доехала до следующей остановки, пока я дождалась встречного поезда и вернулась, Пьеретта, конечно, меня ждала, но какое при этом было у неё лицо...

Конечно, она понимала, что я не нарочно, но «поезд уже ушёл», а трещина в наших отношениях осталась. Я, конечно, очень винила и виню себя за это недоразумение, но «что упало, то пропало». Для Пьеретты, истой коммунистки, это политическое мероприятие, которое она была вынуждена пропустить по моей вине, было чрезвычайно важным. Через день она проводила меня в аэропорт.

В 2013-м году, когда мне исполнилось уже 84, а значит и ей столько же, я хотела ей позвонить в день рождения, но не нашла

как-то сразу её телефона а потом струсил, ведь прошло более десяти лет с последней нашей встречи. Жива ли она? Наверное, всё-таки решусь позвонить...

Я решилась, позвонила. Она жива, мы немного «поговорили». Но какой это был разговор! Я глухая, она говорит часто, я её слов не разбираю и вдобавок от волнения все французские слова забыла кроме «mon ami je vous embrasse» (Целую).

АМЕРИКАНСКИЕ ИСТОРИИ

Вчера на пятом канале телевидения вещали журналист Караулов и его «компания». Через каждые два-три слова было слово «Америка» или производные от этого слова. Сколько злобы, ненависти и зависти! Обратили бы они свои чувства к тем, кто постоянно и систематически разворовывает нашу страну, а то, видите ли, наше правительство только к 2018 году отпустит 70 миллиардов долларов на оборону нашей страны, а Америка ежегодно такую сумму тратит на свою оборону, и всё в таком тоне... Кто же виноват, как не мы сами: с нашей коррупцией, разгильдяйством, воровством и безалаберностью.

Лично я отношусь к Америке с уважением, и я расскажу о том, что мне хотелось бы перенять у неё для моей страны. Я прилетаю туда ежегодно, в 2012-ом году это было в 15-ый раз. Каждый раз - на день рождения моей дочери в начале декабря, остаюсь там на Рождество и Новый год, встречаясь с внуками и правнуками, и возвращаюсь к старому Новому году обратно в Россию.

Сегодня, выходя из лифта, я поздоровалась с двумя почти взрослыми девочками. Они не только не ответили на моё приветствие, они посмотрели на меня, как на сумасшедшую.

В Америке взрослые и дети приветливые, вежливые и предупредительные. Со мной был такой случай. Семья моей дочери живёт в Америке с 1995 года. В первые годы я летала к ним в Питтсбург через Нью-Йорк, где делала остановку на три дня, чтобы навестить двух своих подруг. Как-то в Нью-Йорке я зашла в продуктовый магазин. Мне нужен был разрыхлитель для теста. Продавец не смог понять моё объяснение нужного мне товара. Не удивительно. Мой английский язык оставляет желать лучшего! Я ушла из магазина ни с чем. Вдруг, уже на улице, меня догоняет американка и говорит мне, что она поняла, что мне нужно. Достает из сумочки листок бумаги и карандаш и пишет по-английски то, что мне нужно, даёт мне этот листок и говорит мне, чтобы я этот листок показала продавцу. Таким образом, я получила нужный мне разрыхлитель. Это ли не предупредительность, это ли не желание помочь незнакомому человеку?

Дочь моя живёт в пригороде Питтсбурга. Как-то я решила пойти недалеко в магазин. Навстречу машина, проехала мимо меня и остановилась. Вышел мужчина и спросил, не надо ли меня подвезти, знаю ли я куда иду и какой мой адрес. Я его поблагодарила и сказала, что всё в порядке. Видит, что пожилая женщина идёт (не в машине за рулём). Может быть, что-то не так. Вот налицо акт заботы и внимания постороннего человека в чужой стране.

Посёлок, где живут дочь с мужем, – посёлок людей с доходами чуть выше доходов людей среднего класса. Он состоит из частных домов и участков. Отгороженных участков не существует. Во многих домах собаки, но они никогда не выскочат на дорогу, потому что на границе с дорогой проложен подземный провод с электрическим током. Когда я совершаю свой ежедневный километровый маршрут со скандинавскими палками, встречные, гуляющие с собаками, всегда радушно меня, незнакомую, приветствуют и, что уж совсем удивительно, люди за рулём во встречных машинах тоже мне улыбаются и приветствуют помахиванием руки за стеклом машины. Когда я прохожу мимо играющих детей, они приостанавливают игру и здороваются со мной.

Относительно бюрократии. После защиты докторской диссертации физика-теоретика в Петербурге в 1988-м году моя дочь, оставив мужа и детей в России, первой переехала за границу, сначала в Германию и Голландию, а затем в Америку, получив приглашение на работу в Питтсбургский университет в штате Пенсильвания. Через некоторое время в Америку перебрался мой зять с младшим сыном Васей. Васеньке надо было учиться в 7-м классе. Чтобы поступить в школу, понадобились сведения о прививках, справки о которых остались в Петербурге. Дочь пошла объясняться в соответствующее городское учреждение. Там сидели две чернокожие женщины, которым была объяснена ситуация. Как же быть? Не делать же снова все прививки, раз они уже сделаны?

Женщины спросили: «Вы верующая?» Дочь ответила: «Нет, но у меня мать верующая, она окрестила Васю в России», и она рассказала им о поводе крещения Васи. Эту историю я расскажу сама.

Однажды, когда я возвращалась с работы домой, в метро ко мне подседа монахиня, одетая в добротную красивую коричневую одежду. На голове у неё был коричневый клобук (высокий монашеский головной убор с покрывалом), явно иностранка, скорее всего полька, потому как с польским акцентом обратилась ко мне с вопросом, где ей удобнее сойти, чтобы добраться по нужному адресу. Я ей постаралась как можно понятнее всё объяснить. На прощание, посмотрев мне в глаза, она протянула листок плотной бумаги, сложенный пополам, со словами: «Возьмите, это Вам может пригодиться» - и вышла. Я развернула: на левой стороне сверху был приклеенный скотчем маленький латунный образок Девы Марии или Матки Боски Ченстоховской по-польски. Вся левая сторона была исписана по-польски, на правой стороне развёрнутого листа аналогичный текст был русским. Я прочла. В тексте были описаны чудеса, совершённые Девой Марией для блага страждущих и т.д., в конце было написано, что можно носить образок в сумке, но лучше его повесить на шею.

На какое-то время приехала дочь из Германии, и у неё были планы на зимние каникулы забрать меня и Васю к ней в Майнц, где она в это время работала, но Васенька приболел, и мы пошли сдавать свои авиабилеты обратно. Стояла большая очередь, и дочь решила сдать свой и Васин билеты в другой раз, а я осталась в очереди. Известно, что при сдаче билета теряешь какие-то деньги в зависимости от срока сдачи. Стою, вдруг подходит ко мне молодой человек и спрашивает, куда я сдаю билет. Его мой пункт назначения устраивает, и он полностью возвращает мне стоимость билета. Что-то мне очень повезло: и времени не потеряла, и деньги не пропали! После этой и ряда других (уже не материального профиля) удач, я повесила образок Девы Марии на шею на серебряной цепочке, купленной в своё время в Папском доме для паломников в Риме.

Как-то дочь в одну из суббот попросила меня переночевать у них на Охте. Они с мужем уходили пораньше в гости, и надо было накормить и уложить детей вовремя. Это был 1992-й, сложный для страны год. Продукты давали по талонам. Утром они с Васей собирались на машине ехать в Зеленогорск отоваривать талоны, наверное, так им было проще. Для меня эта ночь была тяжёлой, я видела дурной сон. Вроде бы в нём не было ничего дурного, но

проснулась я с опухшими глазами, словно избитая, с полным ощущением предстоящей мне... смерти.

А снилось мне вот что: это был сон во сне, будто бы стоит круглый небольшой стол, на нём круглая плетёная хлебница, в которой лежат два печенья и сидит маленькая птичка – и всё... Как будто ничего особенного, и вместе с тем, ещё не проснувшись, я воспринимаю всё виденное мной как свою смерть.

Я отозвала дочку в пустую комнату и сказала ей: «Давай поговорим. Я сегодняшней день не переживу...» Пришлось рассказать ей свой сон, никому не понятный кроме меня. Конечно, мне пришлось выслушать тираду о том, что я сумасшедшая и тому подобное, и что она меня одну не оставит, я должна ехать с ними. Мы поехали в Зеленогорск.

Зимой быстро темнеет. Нас с Васей оставили возле церкви, а сами уехали в продуктовый магазин отоваривать талоны. Кстати, церковь в Зеленогорске очень красивая, она построена по проекту архитектора Растрелли. Уже стало смеркаться и подмораживать, всё-таки это было в начале января, и мы с Васей зашли в церковь. У меня давно было в мыслях, что хорошо бы Васю окрестить. Мои дети, к сожалению, некрещёные, муж был против.

Вскоре за нами приехали, и мы все вчетвером поехали домой мимо Чёртова озера по Выборгскому шоссе. В машине мы с Васей сидели сзади, не пристёгнутые ремнями безопасности. На обледенелой дороге машина поскользнулась, перевернулась и опять встала на колёса... Дочка выскочила из машины, открыла дверцу к нам. Картина была такая: я на четвереньках на полу, на шее у меня Вася. Зять открыл дверцу заднего сидения с другой стороны, и Васенька, как ни в чём не бывало, выскакивает, потом выхожу я. Стёкла выбиты, крыша погнута, но машина на ходу. Дочка останавливает первую попавшую попутную машину (за рулём оказался актёр Боярский) и отправляет нас с Васей в город, а сама с мужем добирается до города своим ходом.

Вот такая история. Васе шёл 9-й год, он был плотный мальчик, сидел на моей шее, где проходит сонная артерия, могло всё плохо кончиться. Не висящий ли на моей шее образок помог нам обоим? Так или иначе, на другой же день Вася был окрещён, и я была его крёстной матерью.

Услышав эту историю, дочке было предложено написать отказ от прививок и отсутствие справок о прививках не повлияло на его поступление в школу. Налицо американская бюрократия.

Не могу не вспомнить о голландской бюрократии. Это был 1994-й год. Зять, дочка и Вася в Голландии. Старший мой внук Антон, студент 3-го курса Ленинградского Политехнического института со мной в Петербурге. На зимние каникулы мы с Антоном прилетаем в Амстердам. Дочка нас встречает и предлагает нам на выбор путёвки на три дня в Париж или в Лондон. Антону всё равно: он не был в Париже, как и в Лондоне. Я в Париже была уже два раза, так что выбор за мной и, конечно, Лондон.

Идём оформлять визу в консульство. Дочка, протягивая мой паспорт должностному лицу, узнаёт, что у меня в паспорте нет места, куда можно было бы поставить визу в Лондон. Она подходит ко мне и спрашивает, есть ли у меня бумага. «Только в клеточку, из тетради», - отвечаю я. Она вырывает лист из тетради, обрезает его по формату паспорта и вклеивает его в паспорт. Все нужные для этого причиндалы в виде клея и ножниц находятся здесь же на столах. Я в ужасе: «Они же не поставят визу на клетчатую бумажку, а если и поставят, то меня с таким паспортом в Россию не пустят!» - «Успокойся, пожалуйста, им всё равно, куда визу ставить, а насчёт России: выдернешь этот листок – и как будто не была в Лондоне вообще». Листок в клеточку я, конечно, не выдрала и потом, когда надо было получать новый заграничный паспорт, я с грустью и сожалением прощалась со старым. Этот клетчатый листок говорил мне о многом, например, в нашем консульстве, вряд ли бы поставили визу на вклеенном листке в клеточку. Это к вопросу о бюрократии.

«Жить надо сейчас, а не потом». Это американский образ жизни. Приведу пример.

Мой младший внук Вася только-что окончил Стенфордский университет, один из лучших университетов Америки, получив степень бакалавра за три года вместо четырёх. Был принят на работу в фирму «IBM», в которой хорошо себя зарекомендовал во время практики. Я в это время гостила в Америке, мы только что всей семьёй прилетели в Питтсбург из Калифорнии, где в

Стенфордском университете на большом стадионе праздновалось получение диплома.

Есть фото, где зять, беря диплом в руки, говорит: «Ну, дай мне поддержать эту десятитысячную долларовую бумажку».

Это были деньги, которые зять заплатил за Васино обучение. Это было сделано против Катиной воли, в своём штате обучение в университете, скорее всего, было бы бесплатным, если учесть, что при школьном выпуске в 300 человек Вася состоял в девятке лучших учеников, а в самой девятке стоял по успеваемости на 3-м месте. Но, такой уж у меня зять, из 4-х предложенных Васе университетов он выбрал самый престижный, самый дорогой. Но я отвлеклась от своей темы: «Жить надо сейчас, а не потом».

«Таточка, (так Вася меня назвал впервые, как только начал говорить 20 лет тому назад) сегодня пойдём выбирать и покупать мне машину». «На какие шиши?» – отреагировала я. «Имею право, я поступил на работу и, значит, могу взять кредит в банке». И мы пошли в магазин. Он долго выбирал: брал одну, уезжал на ней и катался минут десять, затем брал другую, третью и опять на них катался, пока не выбрал то, что ему надо. Пошёл оформлять. Я спрашиваю: «Как же ты оформляешь её здесь, в штате Пенсильвания, а работать будешь в Калифорнии, на другом конце страны, она же тебе там понадобится!». «Всё нормально, Таточка, я здесь выбирал марку машины, а брать машину буду в Калифорнии». И я подумала: наверное, это правильно – жить надо сейчас, а не потом.

То же самое и с покупкой дома. На четвёртый курс университета прилетел к родителям в Америку Антон. Очень тяжело пришлось им на первых порах. Семья из четырёх человек, зять ищет работу, заработок имеет одна Катя. Будучи в России доктором физико-математических наук, в Питтсбургском университете она занимала скромную должность «постдоктора» - это что-то вроде нашей должности ассистента на кафедре (ну, и зарплата соответственная).

Из России они улетели с чемоданчиком в руках, только с самым необходимым. Дочка потом рассказывала, что ей частенько приходилось из экономии идти на работу пешком, а это четыре троллейбусных остановки. Им удалось не без труда, подешевле, арендовать секцию дома на границе с кварталом, где живут

чернокожие. Я видела это жилище в мой первый приезд к ним в Америку. Меня поразили в подвале-гараже громадные чёрные тараканы. Если не считать гаража внизу, это был двухэтажный дом. Поднимаешься по лесенке на первый этаж: кухня, столовая, гостиная. На втором этаже три спальни. Впоследствии потолок одной из спален обвалился. Всё равно при их средствах это был выход.

Младший внук Васенька учился в ту пору в седьмом классе в школе, где чернокожих детей было больше, чем белых. Он водил меня в свою школу, где в этот день вручали грамоты отличившимся ученикам, в числе которых был и Вася. Интересна такая деталь. Когда директриса вручала грамоту «чёрной» девочке, она просто приседала от удовольствия и совершенно равнодушно презентовала ту же грамоту «белым» ученикам. Наверное, это хорошо - такое поощрение чернокожих. Вася тогда познакомил меня со своим учителем физкультуры, и тот мне сказал, что за всю свою практику впервые встретил русского мальчика без акцента говорящего по-английски.

Но жить в этот год им было трудно. Работу зятю предлагали такого сорта: развозить пиццу, клеить конверты и тому подобное... Помню, как Вася возмутился, когда папа отказался клеить конверты: «Я бы сам тебе их клеил, ты бы только деньги получал». Но зять, способный физик-теоретик, кандидат физико-математических наук, правильно делал, выжидая... В Америке неписанные законы строгие. Например, если женщина-врач с дипломом, выданным не в США, устроится на работу медицинской сестрой, то ей никогда уже не удастся работать врачом. Словом, если человек с хорошим образованием устраивается на работу гораздо ниже своих социальных возможностей, то вряд ли он потом найдёт для себя соответствующую ему работу.

Ну, так вот, как только зять получил достойную работу и стал основным кормильцем семьи в последующие двадцать лет (а место работы было в пригороде), он сразу же купил дом в пятнадцати минутах езды от своей работы в рассрочку на 30 лет. И конечно, машину, тоже в кредит. Довольно быстро они этот дом выкупили. Это ещё одна иллюстрация к девизу «надо жить сейчас, а не потом» (наверное, и поэтому тоже у США много долгов).

Кстати, куплей и продажей домов занимаются не сами покупатели и продавцы. Занимаются этим банки. Если банк сочтёт возможным дать кредит покупателю, выяснив, есть ли у того постоянная работа и достаточно ли она оплачивается, чтобы вовремя вернуть банку деньги, то тогда сделка будет оформлена. Соответственно, и продажей старого дома будет заниматься банк. Если же в силу каких-то обстоятельств человек не сможет платить за аренду дома, его не сразу выгонят на улицу, он может некоторое время продолжать в нём жить, не оплачивая жильё.

Наверное, читатель удивится, почему такие преуспевающие в науке люди, как мои дети, которым ещё не было сорока лет, уехали из России. Однако многие вспомнят, каким тяжёлым и кризисным оказался конец восьмидесятых годов. Мой муж умер в 1987-м году. Дочка ушла в творческий отпуск за свой счёт заканчивать докторскую диссертацию. Государственный оптический институт (ГОИ), где работал зять, фактически «рухнул», потеряв государственные заказы. Одна из сотрудниц ГОИ мне потом рассказывала, что всем уже не работающим сотрудникам продолжали платить по 200 рублей в месяц только для того, чтобы они не подписывали заявления об уходе, надеясь, что скоро тяжёлое время пройдёт и институт реанимируют. Я помню, как зять вместе с мужем своей сестры пытался продавать книги в метро, как приходя домой поздно вечером с работы, узнавал от Кати, что дома больше нет денег, и уходил на ночь подрабатывать на машине в качестве таксиста. Так что, когда дочку в 1990-м пригласили на три года работать в Германию, в то время её отъезд был вынужденным и желанным для семьи.

И в Питтсбурге, и на новом месте жительства неподалеку от них были магазины фирмы «Gudwill». Это особые магазины: богатые люди сдают туда уже ненужные им вещи, иногда немного поношенные, а могут быть и новые, с бирками. Они не получают за них деньги, но это им как-то зачитывается при уплате налогов. И это для них выгодно, так как они платят не 13%, как мы (хоть богатые, хоть бедные), а гораздо больше. И получается как бы «водоворот воды в природе», только не воды, а товаров и долларов.

И богатым выгодно, и небогатым предоставляется возможность за символическую цену приобрести приличные вещи, любая из которых стоит не более 3-4 долларов.

И, наконец, забавные истории с моими перелётами из России в Америку туда и обратно.

Летя из России через Нью-Йорк в Питтсбург, я, как правило, останавливалась на три дня в Нью-Йорке повидать своих друзей и побывать в замечательных картинных галереях. Это, конечно, Метрополитен-музей, Нью-Йоркский музей современного искусства, музей Гугенгейма, великолепный музей Николая Рериха, которому наш музей Рериха в Москве может позавидовать, и частный музей Фрика с большим собранием картин Вермеера, Гейнсборо и Тёрнера. В музее Фрика мне сказали, что я должна посмотреть выставку картин Модильяни, привезённых со всего мира, выставка находится в Еврейском центре и дали адрес. Я, конечно, поехала туда. Билет в музей Фрика стоил пять долларов, у меня осталась какая-то мелочь, но когда я на автобусе приехала туда, то увидела большое скопление народа. В кассе мне назвали цену - 7 долларов. У меня их не было, и я тихонечко пошла к выходу. Кассирша через толпу меня окликнула, чтобы я вернулась. «Я сейчас посмотрю по компьютеру билет подешевле», - сказала она и нашла мне билет за 3 доллара. Стыдно мне было? Нет, я была благодарна. Выставка была потрясающая.

Обычно летя к детям через Нью-Йорк в целях экономии я из Нью-Йорка до Питтсбурга добиралась автобусом. Это, увы, не самолёт, на котором 1 час 40 минут лёта, это 9 часов езды со всеми остановками. И вот на последней остановке перед Питтсбургом я вышла из автобуса, не обратив внимания на объявление по радио о том, что автобус отправится раньше времени, указанного в билете, чтобы наверстать упущенное время и прибыть вовремя в конечный пункт маршрута. Оказывается, в Америке это допустимо. Да если бы я и прислушивалась к радио, всё равно бы не поняла, о чём речь, из-за плохого знания английского.

Так или иначе, автобус ушёл, а я осталась. В довершение всего это был последний автобус в этот день. С трудом я дозвонилась до дочери, и бедный зять после трудного рабочего дня в плохую

погоду вынужден был на машине ехать за мной за 350 км от дома. Часам к восьми вечера они приехали за мной и, к чести моего зятя, я не услышала ни одного слова упрёка и неудовольствия с его стороны, а только объятия и поцелуи! Таков мой зять, хотя и не лишенный некоторых недостатков, кои присущи каждому из нас смертных. Но дочери он сказал, как я потом узнала: «Чтобы Татьяна Борисовна больше автобусом не пользовалась! Такая экономия себе дороже».

Так вот, в очередное моё возвращение в Россию дочка нашла по интернету сравнительно дешёвый билет на самолёт из Питтсбурга в Нью-Йорк, только я должна иметь в виду, что у меня будет всего 40 минут для переезда с одного терминала на другой в громадном Нью-Йоркском аэропорту «Кеннеди». Я ей говорю: «Срочно покупай, я теперь английский немного знаю, объясниться сумею, всё будет в порядке». Дочка мне: «Смотри, опоздаешь на самолёт! За 40 минут трудно уложиться, ведь ещё надо автобусом переезжать на другой терминал, а это минут 20, найти нужную кампанию, с которой ты летишь и успеть зарегистрироваться». Я: «Бери, я всё успею!» Здесь как нельзя лучше оправдалась моя характеристика, данная когда-то мной самой себе: мой неоправданный оптимизм - признак недалёкого ума.

Так или иначе, билет был куплен, и я полетела. Через полтора часа полёта я выскочила с чемоданом на колёсиках из небольшого самолётика - и бегом в зал терминала, чтобы спросить у дежурного, как пройти на остановку автобуса. Дежурным оказался мощный афроамериканец, который хорошо понял мой заготовленный вопрос, но, увы, то, что он мне ответил, я абсолютно не поняла. Я попросила его показать руками нужное направление, нашла остановку, но автобуса пришлось ждать минут 15, да и ехал он минут 15 до нужного мне терминала, останавливаясь по пути, выпуская и впуская пассажиров (в аэропорту Кеннеди 12 терминалов во все уголки земного шара). По прибытии на нужный терминал я была в отчаянии. Куда бежать? Где финская кампания, у которой мне надо зарегистрироваться?

У меня не более 5-7 минут до отлёта самолёта на Хельсинки! И тут я слышу «благословенный» русский мат! Двое здоровенных парней и с ними девушка проносятся мимо меня. Я понимаю, это моё спасение. Я бегу с чемоданом за ними, благо чемодан на

колёсиках. Мы успеваем к стойке, регистрируемся и проходим в самолёт. Я оказываюсь сидящей рядом с девушкой, за которой бежала. И я, которая успела сесть в самолёт благодаря им, уже менторским тоном преподавателя выговариваю этой девушке: «Девушка, ну как вам не стыдно, парни матюгаются, а Вы с ними». Она мне: «Они – знаменитые наши спортсмены, другого языка, кроме мата, они не знают, а я их переводчица». Вот так. Возможно, и вылет-то самолёта из-за них был несколько задержан. Я далеко не поклонница мата, но как видно, иногда он приходит русскому человеку на помощь.

Ещё одно из моих возвращений из Америки в Россию не обошлось без приключений. Это было в 2008 году. Дочь, проводив меня в аэропорт Питтсбурга и вручив мне паспорт и посадочный талон на самолёт до Нью-Йорка, забыла отдать мне основной билет до Петербурга. А я тоже хороша – не обратила на это внимания. Кстати, дочка обнаружила этот билет только через 4 дня у себя в сумке, позвонив мне об этом, когда я была уже в Петербурге. Можно представить моё состояние, когда при регистрации я обнаружила отсутствие билета. Конечно, в наше время, когда все наши действия регистрирует компьютер, такое событие – не трагедия. Всё-таки мне пришлось заплатить 100 долларов за напечатанное подтверждение наличия билета (хорошо, что у меня они оказались), но с этим подтверждением я могла улететь только на следующий день.

И вот: то ли моя счастливая звезда, то ли мой ангел-хранитель, то ли образок девы Марии на моей шее опять помог мне, но прекрасная женщина, родом из России, из далёкого города Петропавловска на Камчатке, каким-то чудом оказавшаяся регистраторшей авиабилетов в громадном аэропорту Кеннеди, стала орудием моего спасения. Она, милочка, оставив свой пост, прошла со мной весь длинный путь с проверкой чемодана, одежды, так же снимая туфли, как и я свои ботинки, и довела меня до последнего пункта регистрации, где выдают посадочный талон. Здесь, чтобы не предъявлять мой розовый бланк с разрешением вылета «на завтра», она предложила двум девушкам (компания финская – все друг друга знают) пойти погулять, а она за них поработает, то есть, когда наступит время, она пропустит пассажиров в самолёт. У меня было время поблагодарить её от всей

души, сказав ей, что я обязательно пришлю ей одну из моих написанных книжек, а она мне успела сунуть свою карточку: «FINNAIR Tamara Vuba», и как раз объявили посадку.

Господи, я прошла в самолёт без посадочного талона, я села в своё кресло (в розовом бланке компьютерной копии номер места был поставлен), я перелечу через океан, а уж из Хельсинки я «на карачках» доберусь до дома. Но «карачки» не понадобились. В Финляндии, сравнив мой паспорт с компьютером, меня спокойно пропустили на самолёт Хельсинки - Петербург. Такая вот была история...

Книжку я послала Тамаре Бубе с оказией, попросив малознакомую русскую девушку из Нью-Йорка не счесть за труд передать книжку в финском терминале аэропорта Кеннеди. Прошло 5 лет. Я так и не знала, дошла ли моя книжка по назначению. И вот уже в 2013 году, возвращаясь из Америки, я по-прежнему не поняла американской речи при посадке в самолёт Нью-Йорк - Хельсинки. Им надо было узнать, переоформила ли я свой багаж на Хельсинки после прилёта из Питтсбурга в Нью-Йорк. Я в упор не понимала, чего они от меня хотят. Они вызвали из финской кампании русскоязычного служащего. Им оказалась усталая женщина, которая на моё радостное восклицание: «Вы говорите по-русски?» холодно ответила: «Вы же слышите, что я говорю». Вопрос насчёт багажа был выяснен, но что-то в ней мне показалось знакомым, и когда я проходила мимо неё на посадку, я тронула её за плечо: «Вы не из Петропавловска на Камчатке?» Она мгновенно обернулась, что-то блеснуло в её глазах. А я: «Вы мою книжку получили?» Она бросилась мне на шею, стала обнимать и целовать. «Да, да, да, спасибо большое, я с таким удовольствием прочла, а адреса у меня Вашего не было...» Она проводила меня в самолёт до самого моего кресла, сунула опять мне свою карточку и попросила меня ей написать, чего я, к стыду своему, ещё не сделала.

Сейчас, вспоминая Америку, мне хотелось бы многое перенять у неё для нашей страны. Например, жена может всю жизнь не работать, воспитывая детей и ухаживая за мужем. Но когда муж выходит на пенсию, жене (если она уже пенсионного возраста),

тоже полагается пенсия в размере половины мужниной пенсии. Разве это плохо?

Или, гуляя по парку, вижу, идёт женщина. У неё руки в резиновых перчатках до локтя, а в руке, в зажатом кулаке, некое приспособление, из которого тянутся пять одинаковых поводков с маленькими собачками. Она выгуливала собачек. На обратном пути вижу её у белого ящичка, прибитого к шесту, очень похожего на почтовый ящик с широкой прорезью. Под ним мешок. А я-то не могла догадаться, что это за ящик! Недаром на даме резиновые перчатки по локоть. Она стоит перед ящиком и сбрасывает в широкую щель один за другим пять мешочков с содержимым, которые потом попадают в один большой мешок. А уж к вечеру приезжает работник парка на машине и всё приводит в порядок. Разве это плохо?

Я ничего не сказала о системе образования. Искожу только из собственных впечатлений. В один из моих прилётов младший внук Вася оканчивал школу и мне захотелось его проверить в математике. Как раз у Васи проходили в школе интегралы. Я написала ему несколько интегралов, не простых табличных, а посложнее. Каково же было моё удивление, когда он быстро со всем заданием справился, нигде не ошибаясь. Я посмотрела на методы решения. Оказалось, что для всех типов интегралов даются готовые алгоритмы – совокупности математических операций, выполняемых в определённом порядке, для решения задач данного типа.

Мы такой методикой не пользуемся. Конечно, мы даём разного рода подстановки и советы, но всю работу студент выполняет сам от начала и до конца. У нас - развитие логики и мышления, у американцев - более короткий прагматичный подход к решению тех же задач. Для нас взятие трудного интеграла может быть «искусством ради искусства», для американцев это не самоцель, а средство для получения нужного результата.

В связи с разными подходами к одному и тому же результату меня заинтересовала одна статья из сборника воспоминаний окончивших физфак ЛГУ в шестидесятые годы, изданного в Петербурге в 2012 г. (статья В.А. Корнеева, студента 1972-1978 гг., кандидата физико-математических наук, научного сотрудника НИИФ 1978-1990 гг., Staff Scientist, Lawrence Berkeley National

Laboratory, USA). В статье я нашла много знакомых имён, но донести до читателей мне хочется конец статьи:

«Интернет стирает границы, и наши нынешние выпускники нарасхват принимаются на работу крупнейшими компаниями мира. В заключение я хочу остановиться на двух важных проблемах, которые, к сожалению, остаются актуальными для студентов и выпускников физфака. Во время учёбы нас учили понимать физические законы и решать научные задачи. Это была важная, но не единственная составляющая научной деятельности, к которой мы готовились. То, чему нас учили, либо учили бессистемно, - это коммуникация и структуризация научной информации. Нас не учили делать доклады, конспектировать, писать статьи, отчёты и проекты, не учили работать с источниками, оппонировать, рецензировать работы других. Нас не учили искусству дискуссии, не учили представлять свои результаты, организовывать научные исследования, руководить рабочей группой, редактировать.

Всему этому пришлось доучиваться самостоятельно, но я глубоко убеждён, что всё это слишком важно, чтобы оставить без внимания и не придать системный характер. В этом смысле выпускники российских вузов невыгодно отличаются, например, от американских школьников, где подобные предметы изучаются с начальных классов. Я уверен, что положение можно и нужно исправить, введя в программу обучения соответствующие курсы за счёт общегуманитарных дисциплин сомнительной полезности.

Вторая проблема – это недостаточное владение английским языком. Английский – это латынь наших дней, это язык, на котором говорит весь научный мир и на котором выходят все без исключения основные профессиональные публикации. Общий объём публикаций сейчас сильно возрос, и поэтому в поле зрения попадают лишь статьи из высокорейтинговых журналов мирового уровня, где они проходят полноценную процедуру рецензирования и редактирования.

Можно быть уверенным, что статьи из разного рода «Вестников» специалистами прочитаны не будут. Недостаточное владение английским оставляет российскую науку в изоляции, вне мировых профессиональных информационных потоков. Пути решения этой проблемы очевидны.

Будем надеяться, что престиж (равно как и зарплата) физика в России вернётся на должную высоту, а физфак войдёт в очередную пору расцвета и воспитает собственных нобелевских лауреатов».

Я написала об Америке всё, что знала. Но получилось так, что я её слишком хвалю, описывая её достоинства и не называя недостатки, вращаясь там в основном в русской среде в течение не более полутора месяцев в году.

Очень кстати попала мне в руки тоненькая книжка Чарльза Диккенса «Из американских заметок». Я с большим удовольствием её прочла. Советую почитать, я хохотала до слёз! В 1842 году Диккенс предпринял путешествие в Америку. Плыл он туда 18 дней. Далее привожу цитаты из последней главы его заметок.

«Американцы по натуре откровенны, храбры, сердечны, гостеприимны и дружелюбны. Я глубоко убеждён, что названные качества присущи всему народу в целом. Один из серьезных пороков американского общественного мнения и плодовитый родоначальник выводка неисчислимых зол - это всеобщее недоверие. И, тем не менее, американец склонен гордиться этой чертой, даже если он достаточно беспристрастен, чтобы понять её разрушительное влияние; часто, даже вопреки собственному рассудку, он указывает на эту черту, как на доказательство глубины и остроты ума американского народа и его особой проницательности и независимости.

Другая выдающаяся черта американцев: у них в большом почёте умение ловко обдeldывать дела; и ещё такая черта, как деловой склад характера.

Эти три характерные черты американского народа отчётливо проявляются решительно во всём и бросаются в глаза иностранцу. Для американского народа в целом, несомненно, было бы куда лучше, если бы американцы меньше любили реальное и немного больше – идеальное. Было бы хорошо, если б в них больше поощряли беззаботность и веселье и шире прививали бы им вкус к тому, что прекрасно, хотя и не приносит значительной и непосредственной выгоды. Американцы, безусловно, не обладают юмором, у меня создалось впечатление, что они от природы мрачны и угрюмы. Мне кажется, те недостатки, которыми отмечены национальные нравы, следует в значительной мере

отнести за счёт этой атмосферы: это она породила угрюмую приверженность ко всему грубо материальному и привела к тому, что все прелести жизни отбрасываются, как не стоящие внимания».

Эти выдержки из заметок замечательного английского писателя относятся к 1842-му году. С тех пор прошло ни много ни мало 170 лет. Мог ли за такой короткий исторический срок измениться менталитет нации даже у такой молодой страны, как Америка? Думаю, что нет. Как же я благодарна Чарльзу Диккенсу, что он мне помог восполнить некоторые пробелы в моём повествовании в отношении её недостатков! Конечно, за 170 лет многое могло измениться как в ту, так и в другую сторону, и всё-таки: «Давайте жить дружно!»

Америка в трудные для России дни была нашим союзником и, надеюсь, всегда им будет. Думаю, что и Америке также необходим союз с нами, как и нам, союз с ней. Только благодаря союзу двух великих держав, таких как Россия и Америка, может быть уравновешен мир.

P.S.

В конце 2013-го года я опять посетила Америку. Теперь зять и дочь перебрались из штата Пенсильвания в штат Калифорния, в город Лос-Анджелес, где живёт семья их старшего сына Антона. Младший сын Вася живёт и работает в Нью-Йорке. Антон и его жена Саша окончили ленинградский Политехнический университет, успешно работают и растят своих сыновей Максима и Дениса, стало быть, моих правнуков. В этот последний мой приезд, как всегда, не обошлось без происшествий. Дорога теперь длиннее по маршруту и соответственно по времени. Если посмотреть на плоскую карту, то почти одинаковое (с небольшой разницей) расстояние от Петербурга до Лос-Анджелеса - лететь ли направо через Сибирь и Тихий океан, или налево через всю Европу, Атлантику и Американский материк. В общем, если проткнуть насквозь большой иглой наш «шарик» в Петербурге, то окажешься в Тихом океане, не так уж далеко от Лос-Анджелеса. Всё-таки путь

через Москву, Европу, Атлантику и всю Америку немного короче и веселее. Время лёта 13 часов. Многовато!

Уверенная в том, что меня обязательно встретят мои родственники в Лос-Анджелесе, я, и не только я, но и дочка, обе не позаботились о том, чтобы снабдить меня подробным адресом, куда я лечу. В общем, несмотря на то, что меня, конечно, встречали в Лос-Анджелесе, но из аэропорта меня долго не выпускали, пока не дозвонились до Питтсбурга (старый номер телефона я знала), где ещё оставался зять, дорабатывавший свой стаж перед уходом на пенсию, который и сообщил работникам аэропорта адрес нового местожительства в Лос-Анджелесе. Повезло, что это было воскресенье и Володя был дома, а не на работе. Всё кончилось благополучно.

Я уже была несколько лет тому назад в Лос-Анджелесе в гостях у старшего внука. Ещё тогда город произвёл на меня странное впечатление. Набережная Тихого океана почему-то напомнила мне набережную Чёрного моря в Сухуми. Вода в Тихом океане оказалась значительно холоднее воды в Чёрном море, хотя Лос-Анджелес находится на широте Японии. Город богатый, хотя бы потому, что я не видела многоквартирных домов. Впечатление такое, что все жители имеют пусть небольшие, но собственные дома. Калифорнию, эту почти одно-двухэтажную Америку, часто «потряхивает».

Новое жилище моих детей мне очень понравилось. Для двоих это предел мечтаний. Недаром они долго ждали, пока банк разрешит покупку. Две комнаты (гостиная, столовая), кухня, санузел и гараж на две машины внизу, три комнаты с двумя санузлами наверху. Зять и дочь живут в комплексе из 40 домов. Эти дома представляют из себя отдельные секции из 2-4 домов, соединённых вместе, все двухэтажные. Расположены не в одну линию, а составляют уютный городок, внутри которого общий бассейн. В этом городке нет магазинов, нет даже газетных киосков. Так как у всех есть машины, поездка в центр, где находятся почта, все магазины, рестораны и всякие другие развлечения, занимает немного времени.

В этот раз дочь свозила меня на гору, где находилась резиденция, теперь музей и могила экс-президента США Рональда Рейгана. На его памятнике написаны, конечно, по-английски, слова самого Рейгана:

«Я знаю в своём сердце, что человек – хороший. Что то, что правильно, всегда в конце концов восторжествует. И есть цель и ценность в каждой и всякой жизни».

Достойные высказывания, ничего не скажешь.

Что же касается американской демократии (я не сильна в политике), то если во главе такой большой и влиятельной страны стоит человек не белой расы, не очень-то почитаемый своим конгрессом из-за своей излишней интеллигентности, то, по-моему, это достаточный признак демократии.

(Хочу, на всякий случай, напомнить читателю, что этот рассказ об Америке писался ещё до наступления кризиса в нашей стране, до санкций, до присоединения Крыма к России...)

2014 г.

АМЕРИКАНСКАЯ СВАДЬБА

В начале моей первой книги «Преодоление» написано следующее: «Эти записки появились в результате настойчивых просьб, а затем и требований моего младшего внука Васи.

Семья моей дочери с 1995 г. живёт в Америке. Каждый раз, когда я прилетала к ним в Питтсбург на рождество (на рождество собирается вся семья), Вася спрашивает:

«Ты начала писать воспоминания?»

Я: «А ты прочёл поэму Есенина «Анна Снегина?»

(Такая у нас была договорённость...)

В: «Нет».

Я: «Ну и я нет!»

Через год опять...

В: «Ты начала?» «А ты прочёл?» В конце концов...

В: «Ну, давай свою «Анну Снегину»...»

Через 20 минут он прочёл мою любимую Есенинскую поэму...

В: «Знаешь, мне понравилось, только он её не любил...»

Ну что ж, правильно разобрался...

Это был 2004-ый год, год окончания моим внуком Стенфордского Университета, и я начала понемногу писать. Так что, если бы не Вася, записок бы этих не было».

Эта последняя пятая книга посвящается ему (Василию Владимировичу Жулину) с благодарностью за то, что он подвигнул меня на этот шаг, меня, преподавателя математики, очень далёкого от литературного поприща.

К сожалению, я не смогла в этом, 2015 году, лететь в Америку, где праздновалась его свадьба. Поехал туда мой сын Андрей, Васин дядя.

Это было его первое посещение Америки.

СВАДЬБА

(впечатления об Америке моего сына)

Выехали мы на машине из долины «SIMI VALLEY» - место жительства моей сестры Кати и её мужа Володи. В машине нас было пятеро. Кроме хозяев (Кати и Володи) - сестра Володи Мила, прилетевшая из Нью-Йорка, и её сын Родион, прилетевший из Канады. Ехали мы сначала через холмистую цепочку гор, а затем покатали уже по пустыне мимо огромных полей, засаженных различными сельскохозяйственными угодьями: овощами и фруктами, как то: апельсиновые и мандариновые рощи, лимонные и виноградные кусты, персики, оливки...

Причём качество посадок было просто удивительным. Всё аккуратненько прополото, вымерено, разграфлено, без сучка и задоринки...

А поскольку ехать нам было довольно далеко и долго (в один только конец порядка 8 часов), то приходилось по пути сворачивать на бензоколонки для «подзарядки аккумуляторов», да и «поланчеваться» (Володино выражение) было бы неплохо перед очередным броском вперёд.

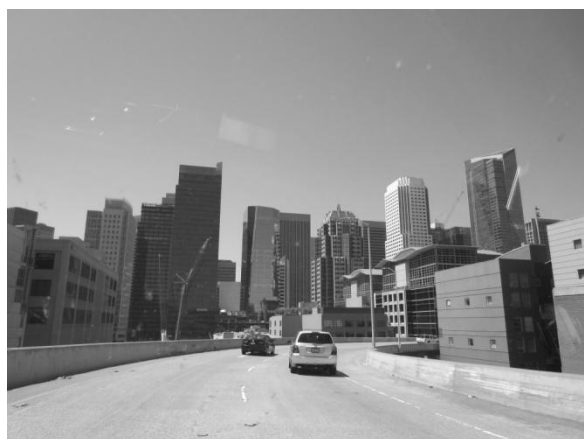
Кстати, любопытное замечание по поводу еды скоротечной, этих «закусок» по-американски. Везде, во всех «ихних забегаловках», продавались какие-то маленькие пакетики, соусники, мешочки целлофановые с быстрым фастфудом. Как-то всё куце, мелко и действительно быстро. Поел, «подзаправился» и поехал себе дальше по своим делам. Это было для меня непривычно.

Ещё один момент, на котором хотелось бы остановиться. На этих бескрайних, выжженных от солнца полях, очень часто можно было увидеть крохотные частные нефтедобывающие скважинки, которые периодически выкачивали из недр «чёрное золото» для дальнейшей его продажи на рынке. Этакое максимальное использование всех предоставляемых землёй ресурсов... (Тут тебе и частные виноградники, тут тебе и частная локальная добыча топлива. Любопытно и поучительно...)

Проезжали мы мимо и огромных грузовых составов, которые тянулись несколькими локомотивами, сцепленными вместе. Причём составы эти были длиннющими по своей протяжённости, количество вагонов в них достигало величины, близкой к сотне... И выжженные поля кругом с декоративными пальмами и кактусами вдоль дороги... Правда, «окультуренными» различными посадками и периодически поливаемыми через небольшие водонапорные фонтанчики, рассеянные мелкой сетью по полям и включаемые и выключаемые в автоматическом режиме.

Вот так вот мы и ехали, периодически останавливаясь и отдыхая от усталости. Жара была за бортом автомашины, поэтому боковые стёкла внутри мы не открывали, а включали встроенные в машину кондиционеры.

И вот через несколько часов пути мы стали подъезжать к городу Сан-Франциско, стоящему на берегу океана, поскольку нам нужно было, проехав его, «перебраться» по Золотому мосту на тот берег для продолжения продвижения к конечной своей цели.

Погода сильно испортилась, повис густой туман, поднялся ветер... Сам город был расположен на крутых холмах, и нам не сразу удалось из него выбраться наружу. Правда, полюбовался я там крохотными трамвайчиками, перевозившими своих пассажиров, которые предпочитали висеть на подножках гроздьями, не входя внутрь самого салона.

А когда мы выбрались, наконец, из самого города на мост и поехали по нему, то густой влажный туман полностью закрыл видимость вокруг, и пришлось нам ехать вперёд в таком «молочном» облаке, где самой поверхности залива просто уже не было видно под нами.

Перебрались мы на ту сторону и завернули обратно на смотровую площадку, чтобы полюбоваться оттуда открывающимися красотами океана.

Ветрено было очень, и довольно резко упала температура, поэтому пришлось мне натягивать на себя свою курточку и держаться рукою за свою кепочку, чтобы её не унесло, не сдуло в сторону.

Да, красиво...

Полюбовались и поехали дальше...

.....

И только уже ближе к вечеру мы подъехали в каком-то городе (кажется, Паломар) к маленькому такому мотелю под номером «6», в котором были зарезервированы ранее для нас на первом этаже два небольших, самых дешёвых номера.

Один номер предназначался Кате, Володе и мне, а второй Миле и Родиону. Я настолько был измотан в пути, что после того как мы устроились в нём, разгрузились, немедленно залез на свою кровать и немного попытался соснуть там.

Правда, минут через десять я был резко поднят на ноги моей сестрой, поскольку мы должны были подъехать к определённому времени на... - как бы это объяснить поточнее?

Вся процедура «свадьбы» была разбита на два дня.

В первый день, «тренировочный», приглашённая со стороны женщина-организатор (типа нашего тамады) должна была научить молодых и их ближайших родственников (к числу которых я не принадлежал) определённым правилам поведения на втором, уже официальном дне свадьбы. Ну, кто там в какой очерёдности выходит, где кто должен находиться и куда садиться, и так далее, и тому подобное.

После этого тренинга все приехавшие должны были отправиться в близлежащий ресторан, где уже друзья молодых (с обеих сторон) должны были произносить за столами торжественные речи.

Ну, а потом уже начиналось обычное веселье, включая заказанную гостями еду по их вкусу и употребление спиртных напитков.

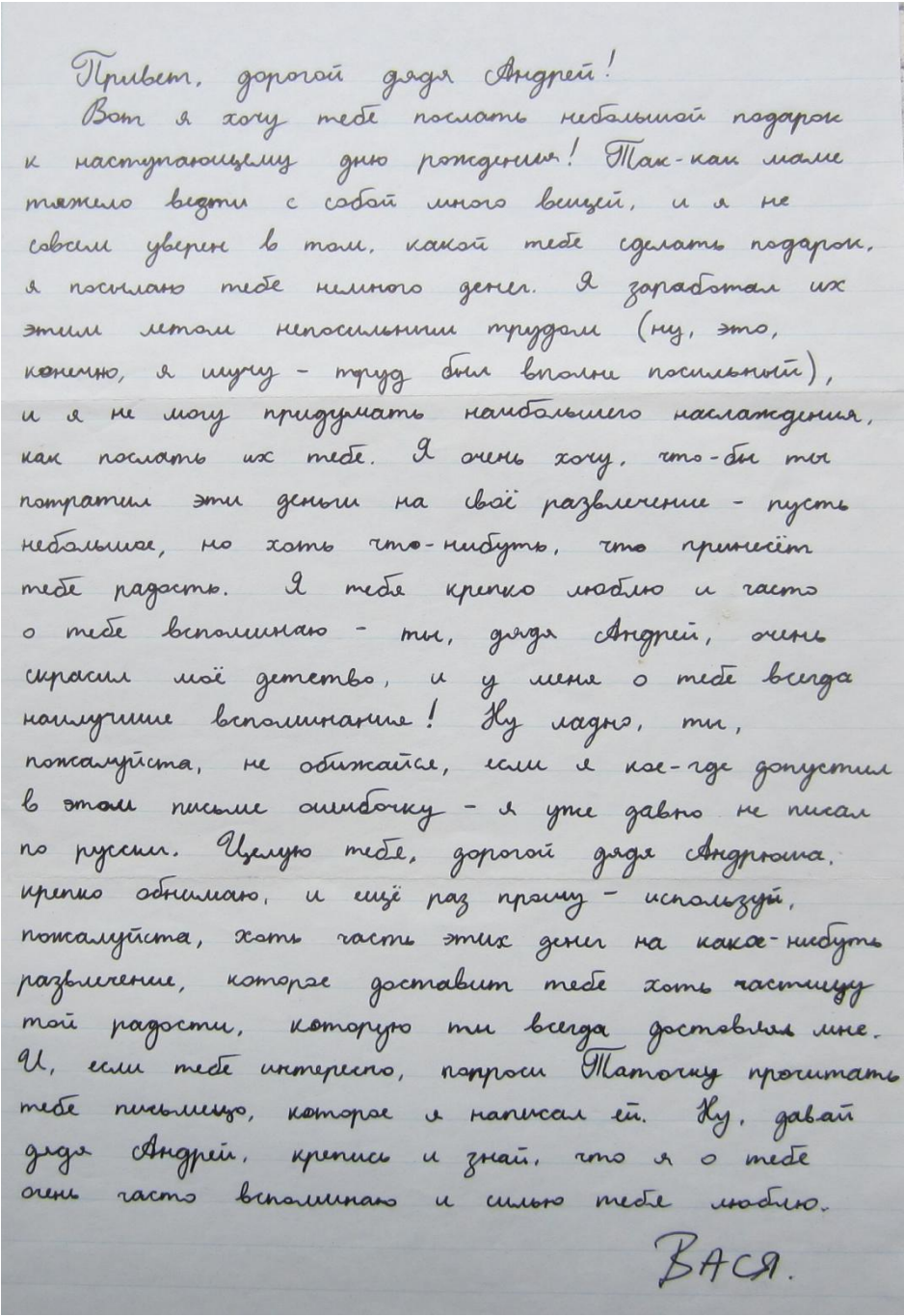
В первый день разрешалось использование водки, в отличие от второго, праздничного, уже официального дня регистрации молодых.

А уже на второй день официального их «брачевания» всем приглашённым гостям, по их желанию, будет предложена дегустация местных американских (и не только) разнообразных виноградных вин, поскольку место самой свадьбы было выбрано в центре винодельческого края.

Вот тут-то я и увидел впервые Васю после почти двадцатилетнего перерыва, когда он был увезён в Америку в 12-летнем возрасте.

Мне запомнился Васёк таким маленьким, шустреньким пареньком, очень любознательным, жизнерадостным, и очень вежливым и точным в своих поступках по отношению к другим людям.

Года через два после своего отъезда он мне прислал своё письмо:

Привет, дорогой дядя Андрей!

Вот я хочу тебе послать небольшой подарок к наступающему дню рождения! Так-как маме тяжело вести с собой много вещей, и я не совсем уверен в том, какой тебе сделать подарок, я послал тебе немного денег. Я заработал их этими моими непосильными трудами (ну, это, конечно, я шушу - труд был вполне посильный), и я не могу придумать наилучшего напутствия, как послать их тебе. Я очень хочу, чтобы ты потратил эти деньги на своё развлечение - пусть небольшие, но хоть что-нибудь, что принесёт тебе радость. Я тебе крепко люблю и часто о тебе вспоминаю - ты, дядя Андрей, очень скрасил моё детство, и у меня о тебе всегда наилучшие воспоминания! Ну ладно, ты, пожалуйста, не обижайся, если я где-где допустил в этом письме ошiboчку - я уже давно не писал по-русски. Целую тебе, дорогой дядя Андрей, крепко обнимаю, и ещё раз пишу - используй, пожалуйста, хоть часть этих денег на какое-нибудь развлечение, которое доставит тебе хоть частичку той радости, которую ты всегда доставлял мне. А, если тебе интересно, попроси Таточку прочитать тебе письмо, которое я написал ей. Ну, давай дядя Андрей, крепись и знай, что я о тебе очень часто вспоминаю и сильно тебе люблю.

ВАСЯ.

Я узнал потом, что это был за труд, за который он получил 40 долларов. Он стриг траву и убирал участок у соседа (16 соток), у которого была большая собака, которая выгуливалась на этом участке.

Он был худеньким мальчиком, а приехав в Америку, стал накачиваться физически в гимнастических залах, постепенно

превратившись в мускулистого крепыша, которого я увидел рядом с его красивой и изящной невестой Дженни.

Сейчас ему уже исполнилось тридцать два года. В своё время он досрочно закончил Стенфордский университет, прошёл успешно бизнес-практику, окончил магистратуру по банковскому делу в университете Бёркли. В настоящее время, уже поработав в различных структурах несколько лет, занимает должность вице-президента (по штату Калифорния) достаточно крупной банковской компании.

А потом мы пошли и расселись на длинных лавочках под небом в открытом зале ресторана, где было решено провести праздничный предсвадебный ужин.

Сначала перед присутствующими выступили сами молодожёны, а потом с торжественными речами их друзья и подруги.

«Молодые»

Вася со своим отцом Володиёй

Но, увы, поскольку все эти речи говорились на «американском» языке, то, как я ни напрягался, пытаюсь вникнуть в их смысл, всё это оказалось для меня бесполезным занятием.

Мимо, мимо, мимо, мимо...

Поначалу мне было немного обидно, но потом я тихо смирился с очевидностью и с лёгкой грустью стал смотреть за происходящим...

А на следующий день уже должна была состояться настоящая свадьба между молодыми людьми, и должны мы были подъехать в какой-то уже другой ресторан под странным таким названием «Джакузи» ровно к 16 часам 30 минутам по местному времени.

И поскольку времени-то у нас с утра было ни много ни мало, а целый «вагон и маленькая тележка», то было принято решение ещё до начала официальной свадьбы свозить нас, дорогих гостей, в какой-то отдалённый «FORT RUSS» («Русский форт»), где сейчас находился музей этой весьма интересной совместной торговой русско-американской компании, просуществовавший со дня своего основания в начале XIX века на берегу залива в течение почти двухсот лет.

Да, весьма занятная картина открылась нам, когда мы туда приехали...

Скоротечную экскурсию для нашей крохотной русской группы проводил один довольно ещё моложавый американец, несколько лет проживший в своё время у нас в России в Иркутске.

Язык у него был несколько ломаным, но легко понимаемым.

Поскольку мы начали задавать ему различные, интересные для нас вопросы, то он прямо на наших глазах оживился и с большим увлечением и даже теплотой стал отвечать нам на них.

А в конце экскурсии он дал нам визитную карточку форта, этого музея, с указанием его сайта в сети, попросив нас написать для них отзыв, чтобы было бы приятно и ему лично, и самому музею.

Когда мы вернулись оттуда в сам мотель, то все стали «собираться-наряжаться» уже на самую свадьбу. Катерина купила мне ещё в Лос-Анджелесе мой строгий «дресс-код»: чёрные ботинки, чёрные брюки, белую рубашку и галстук, в которые я и облачился.

Когда мы уже подъехали к самому ресторану, то увидели на его входе красивое объявление о предстоящей свадьбе. Увидели там и

Сашу с Дениской, который был наряжен в маленький фрак (жену и младшего сына моего старшего племянника Антоши, которому недавно стукнуло аж целых 40 лет...)

А потом и остальных гостей, приехавших на церемонию и прогуливавшихся в открытом внутреннем зале самого ресторана на свежем воздухе. Я подошёл к боковому столику, уставленному цветами, на котором были выставлены снимки из семейного архива жениха и невесты.

Любопытно было посмотреть на фотографии крохотного Васюка и маленькой Дженни и свадебные наряды их родителей...

А потом нас всех провели во внутренний дворик этого заведения, рассадили в определённом порядке на фигурных белых стульчиках, заиграл небольшой камерный симфонический оркестрик тихую и нежную музыку (в стиле «Алых парусов»...), и...

И свадебная церемония началась.

Вёл церемонию приглашённый со стороны баптистский священник (как мне потом рассказала Катерина), который имел на это право, имел соответствующую лицензию.

Что-то он там такое смешное рассказывал всю дорогу, отчего все гости дружно заливались смехом в отличие от меня, который ровным счётом ничего не мог понять из сказанного и сидел с мрачным, насупленным видом.

- Улыбочку, Андрюша! Улыбочку! - попросила меня Катерина, сидевшая рядом со мною.

Я только перекосил свою физиономию «деревянной» улыбкой в стиле «Cheese» и отвернулся в сторону.

А потом Вася стал говорить на русском языке свою «клятву Верности», которую Дженни повторяла вслед за ним фразу за фразой тоже на русском языке.

Потом молодые «окольцевались», крепко поцеловались и...

Стали мужем и женой («Husband and Wife») под громкие аплодисменты присутствующих.

Пастор, Вася и его друзья

«клятва Верности»

Потом нас всех повели на улицу к длинному ряду столов, сервированных к предстоящему праздничному ужину, на котором должны были уже говорить торжественные речи (согласно установленному ритуалу) отцы вновь сформированной «ячейки советского» (точнее, американского) общества.

Смысл Володиного тоста заключался в том, что была и есть такая старинная русская традиция, заключающаяся в том, что во время праздничного застолья гости начинают дружно скандировать слово

«Горько!»

Почему они это делают?

Потому что, когда молодые сладко целуются друг с другом, то и окружающим их людям становится веселее и слаще.

Причём сказать всё это нужно было на чётком, лаконичном и понятном для всех «американском языке», поэтому мы долго в дороге шлифовали эту будущую Володиную речь.

И надо сказать, что его речь возымела «успех» у слушателей!

Даже на следующий день (уже в отсутствии нас) в их узком американском кругу были более-менее дружные попытки покричать хором это слово.

Вася со своим старшим братом Антоном

А потом, неожиданно для всех, потребовал себе микрофон крохотный Дениска, который вёл себя всё это время примерно, так как ему была обещана в конце за его хорошее поведение очередная моделька машинки, а ради этого он был готов **на всё**.

Его попытались мягко отговорить, но он настоял на своём, и все вокруг затихли в ожидании его «тоста».

- Тут вот говорили «Горько» и всякое такое...

А я хочу сказать, что **очень** люблю возить машинки!

Сказал он это по-русски, так что никто вокруг него ничего не понял, но наш «русский стол» (сначала открыв в изумлении рот) спохватился и дружно закричал:

«Горько!», «Горько!», «Горько!»...

Вот и закончилось наше «Свадебное путешествие».

На следующий день, уже по дороге домой в Лос-Анджелес, гостеприимные хозяева решили нас, дорогих гостей, завести в знаменитую реликтовую рощу древних секвой, возраст старшей из которых составлял ни много, ни мало, а приблизительно целых...

3200 лет.

(С ума можно было просто сойти, когда попытаешься себе представить это...)

Впечатляющая картина, особенно когда видишь всё это в первый раз...

Огромные, чуть ли не в тридцать обхватов (если не более того!!!) ветвистые корневища этих гигантских деревьев, обугленные снизу частыми пожарами, так напоминающие чудовищные по размеру ноги доисторических мастодонтов...

И крохотный бурундучок, прыгающий вниз...

На выходе из этого леса специальный охранник отбирал у туристов унесённые ими на память огромные шишки этих деревьев и тут же растаптывал их рядом прямо в землю буквально в пыль. Как мне объяснила потом Катерина, возможно, это делалось для того, чтобы хотя бы одно семечко из этих раздавленных шишек под дождём смогло бы прорасти и дать жизнь новому дереву. Что ж, логично...

Видел я там в лесу и крохотную американскую белочку какого-то серого, но отнюдь не нашего, привычного рыжего цвета...

Ну что ж...

Андрей колоритно описал свадьбу.

Спасибо ему за описание и хорошие фотографии.

Андрей проехал по Калифорнии на машине более 16 часов и не заметил ни одного неухоженного кусочка земли.

Невольно вспоминается путешествие по нашей стране (тоже на машине) Никиты Сергеевича Михалкова, передаваемое нашим телевидением...

А теперь несколько слов моему любимому младшему внуку и моё поздравление.

Дорогой, Васенька!

Мне очень жаль, что я не сумела прилететь к тебе на свадьбу.

Мне было бы это невероятно тяжело.

Очень приятно мне было узнать от Андрея, что на свадьбе Дженни надела украшения, которые я послала ей в подарок.

Если бы я была на свадьбе, я произнесла бы такой тост:

*Васенька, Вася! – мой друг дорогой,
В тебе есть кусочек души моей нежной.
Ты первый в семье меня Патой назвал
И был моим внуком самым прилежным.
Нам вместе с тобою было легко,
Друг друга всегда понимали...
А в карты тебя обучила давно,
К шести уже в бридж мы играли!*

*Тебе уж за 30-ть! И это – «веха».
Ты многое сделал, горда за тебя.
Путь твой уверен, и вряд ли помехи
Тебе помешают в создании себя.*

*Добра и любви, и удачи желаю,
Успехов, карьеры, а счастья «без дна»!
Как крёстная мать благословляю
Тебя в своих мыслях, пока я жива...*

Желаю тебе и Дженни большого счастья.

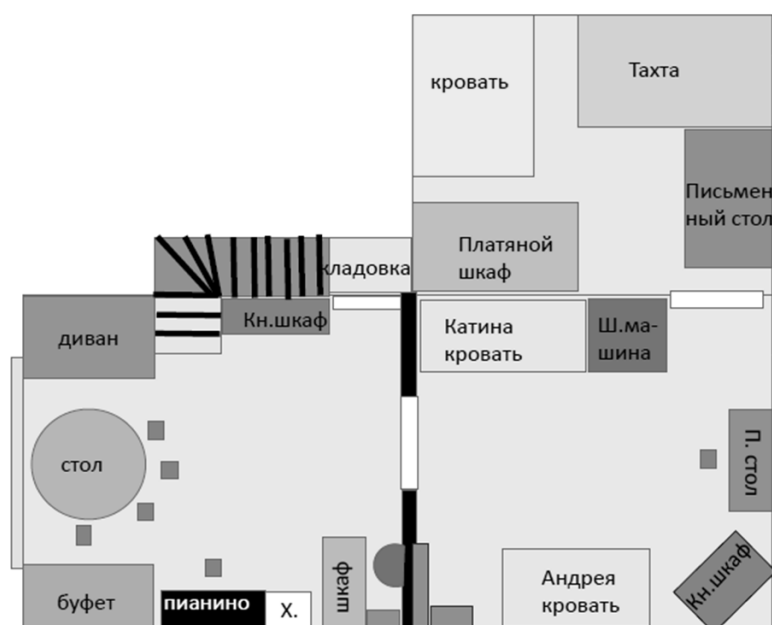
ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ... НЭП

«В этом доме... В этом доме узнал я впервые...»

Инициатором появления этого рассказа была моя дочь Катя, которая сейчас уже сама бабушка двух внуков: 12-летнего Максима и 4-летнего Дениса. Я уже собиралась заканчивать свою 5-ю книгу, на этот раз состоящую из отдельных рассказов, как поступила её просьба: «Мама, напиши рассказ о нашем Саратовском доме, в

котором мы с Андреем родились и росли, а я нарисую план нашей квартиры по памяти на компьютере». Сказано – сделано.

В этом доме я впервые получила кров над головой в 1944 году, после того как мы с мамой в 1943 году перебрались в Саратов из деревни Ануфриево Вологодской области, куда эвакуировались из Ленинграда.

Угол в проходной комнате в трёхкомнатной квартире, который мы сняли с мамой в «доме-коммуны», был верхом блаженства после целого года мытарств. Это была часть проходной комнаты возле большого окна, в которой умещались две кровати, круглый стол с четырьмя стульями, маленький мамин письменный столик и небольшой зеркальный шкаф для одежды. Всю мебель нам собрали знакомые. В другом конце комнаты была раковина. В этой квартире жила старая женщина с двумя взрослыми детьми. Сын её в это время сидел в тюрьме за воровство, дочь вскоре тоже села. Старуха нищенствовала, потому и сдала нам «угол». Я перешла в 9-й класс, и наше новое местожительство находилось недалеко от моей школы.

Дом №7 по Провиантской улице, спускающейся к Волге, «дом-коммуна», так его называли, был построен в годы НЭПа - Новой экономической политики (1921-1927 годы).

Его архитектура – сплошные «выкрутасы». Описать их невозможно. С лицевой стороны он имел 6 этажей, со двора 9 этажей, с одного бока 5 этажей, с другого 4 этажа. Подробное описание этого дома есть в Википедии. Одного из двух архитекторов этого дома расстреляли в 1937-м году, может быть, за этот дом, может быть и просто «для порядка». Коридорная система состояла из трёх коридоров. Наш «угол» находился на последнем 7-м этаже. Мы поднимались до третьего коридора. Вход в дом был один в середине дома, выход во двор напротив - тоже один.

Каждый из трёх коридоров имел по 20 квартир с левой и с правой стороны. Квартиры были двухкомнатные и трёхкомнатные. Они строго чередовались. Каждая трёхкомнатная квартира имела общую уборную с двухкомнатной. Чтобы попасть в уборную или выйти в общий коридор жители трёхкомнатной квартиры поднимались в своей квартире на два лестничных пролёта, а жители двухкомнатной квартиры спускались соответственно на один или два пролёта. Двухкомнатная квартира была трёхэтажной, а в трёхкомнатной квартире все три комнаты были на одном уровне, но в трёхкомнатной квартире первая комната имела потолок в два раза выше, чем в остальных двух.

На 20 квартир была только одна кухня. В кухне всего три плиты. Можно было только догадываться, сколько времени приходится ждать освободившуюся конфорку в кухне, если в каждой квартире живут уж не менее 4 человек! Представьте себе: вы забыли ложку или соль - на три этажа, пожалуйста, вниз, а затем на три этажа вверх, да ещё по коридору туда и обратно. Потом маме удалось получить официально двухкомнатную квартиру на среднем коридоре, а к моему замужеству обменять её на трёхкомнатную на этом же этаже.

В «доме коммуны» мы прожили более 20 лет. Таких домов во всей стране всего четыре, один из них в Саратове и мы «угодили» именно в него...

В этом доме я встретила и пережила свою первую любовь. Живя в этом доме, я праздновала окончание войны, окончила школу и поступила в Саратовский университет. Живя в этом доме, я встретила настоящую и единственную свою любовь в лице своего однокурсника, вышла за него замуж и родила двоих детей. Живя в этом доме, я проработала 11 лет преподавателем математики в школе рабочей молодёжи при заводе «Серп и Молот» и 2 года в Институте механизации сельского хозяйства.

Помню, чтобы помыться, нам приходилось ехать на троллейбусе минут двадцать, предварительно в бане заказывали номер на два часа. Сначала надо вымыть детей, одеть их и вывести из номера в общее помещение, потом вымыться самим, затем муж выходил к детям, а я в это время торопилась сделать постирушку.

Из детских воспоминаний моего сына Андрея:

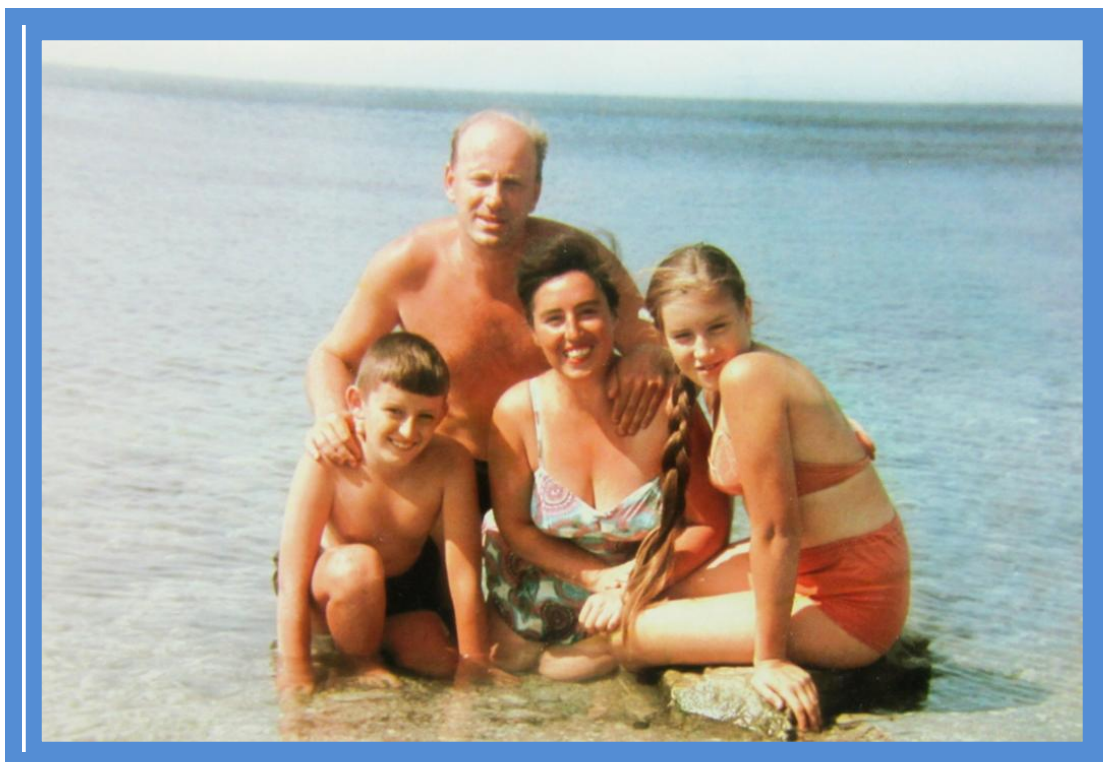
«Первое, что я помню более или менее отчётливо – это наш дом на Провиантской улице в Саратове, совсем недалеко от Волги. В моей детской памяти он вырастает огромным, необъятным миром, с множеством лестниц, пристроек, сараев, с вечно гудящим человеческим «ульем». Ясно помню коммунальную кухню квартир на 20, шипение кастрюль, какие-то бесконечные разговоры, коты, путающиеся под ногами. Теснота, шум, но почти полное отсутствие каких-либо склок, скандалов. Как-то уживалась довольно мирно эта большая общность в общем-то абсолютно разных людей. Наша семья стояла несколько особняком в этом мире.

.....

Должен сказать, что я очень долго и трудно затем привыкал к Ленинграду, часто ночью плакал, вспоминая Саратов, и на все вопросы матери упорно твердил, что для меня ничего лучше нет и быть не может, чем город моего детства. Какие там музеи, дворцы, культура, книги, университеты?! Да разве всё это может сравниться со стеклянными шариками, которые мы с двоюродным братом Саней подбирали украдкой, боясь охранников, на свалках стеклянного завода; а наши игры во дворе дома на Провиантской, когда заливали ледяную дорожку, по которой с визгом и хохотом, кувыркаясь и падая, летела ватага, кто на санках, кто на ящиках с привинченными к ним полозьями коньков, а кто и на своих двоих, точнее говоря, кувырком, поскольку удержаться на крутых поворотах не было никакой возможности!

Да что там говорить!

Сестра переносила наш переезд, по-моему, более легко. Она была старше меня на 3 года, и её более цельная, чем моя, натура требовала удовлетворения своих уже не детских намерений и исканий».

Эта фотография датирована 1964 годом
(Таковыми мы были при переезде в Ленинград)

Когда сейчас я смотрю на эту фотографию, то с лёгкой грустью говорю:

«фотография моего счастья...»

В «доме коммуны» мы прожили до 1964-го года, когда, наконец, я смогла вернуться в Ленинград благодаря тому, что Борису, моему мужу, прошедшему по конкурсу на должность профессора по кафедре высшей математики в Ленинградский электротехнический институт, была предоставлена квартира в Ленинграде.

Мы были совершенно счастливы в нашей уютной новой ленинградской квартире. Она была невелика. Наша с мужем комната (и кабинет, и гостиная) – большая, квадратная, двадцатиметровая, с большой лоджией, вторая – детская

девятиметровая и кухня метров семь. Ванна и туалет отдельные, довольно большой коридор с тремя стенными шкафами. Квартира была на проспекте Космонавтов, на втором этаже, хотя и в блочном доме, но уже не «хрущёвка».

Знаете ли Вы, что такое «ванна», если Вы последний раз в ней купались в 1941-м, а сейчас на дворе 1964-й год? Мы пользовались ею в первое время по семь раз в день по очереди. Горячая вода – одно из чудес света! Ну а кухня, отдельная кухня, когда все четыре конфорки принадлежат только тебе!

Это был третий дом в моей биографии. Года через два мы съехались с моей мамой и стали жить в трёхкомнатной квартире на Московском шоссе. Потом ещё был пятый дом на Ленинском проспекте, в котором я живу и поныне.

Но я хочу рассказать ещё об одном доме, который для меня очень дорог. Дорог не своими стенами, а дорог людьми, которых я там встретила...

Всё началось в 2000-м году. В марте этого года мы втроём, я с приятельницей и мой друг Игорь Кароль, летим на две недели в Израиль. Страна, где на маленьком клочке земли сконцентрировались три главных религии мира – христианство, ислам и иудаизм, безусловно, представляет большой интерес. Мы побывали у «Гроба Господня», осмотрели две главные мечети в центре Иерусалима, были у «Стены Плача» в еврейском квартале. В эту «Стену слёз», как её по-другому называют, желающие засовывают записки с просьбами Господу Богу.

Лично я считаю, что Бог один для всех людей на земле, только религии разные. Как и мир для всех один, а языки у всех, населяющих его, разные. Конечно, и я засунула записочку с просьбами. Просила за дочку и её семью, за сына, *«и не забудь про меня»*, как просит поэт Окуджава в своей молитве. В записке написала ещё так: *«Боже, я всё прошу у Тебя – научи, как отдать!»*

Не успела я отойти от Стены, как меня осенило. Я же могу отдать свой труд и знания людям бесплатно, что я с той поры и делаю.

У меня на лестничной площадке живёт женщина, которая мне в своё время помогла. Она брала к себе моего кота Усю на время моих отлучек из города. Она еврейка, и как-то пригласила меня на концерт в еврейский клуб «Хэсед». Там работает группа волонтеров, и я обратилась к ним со своим предложением бесплатной помощи по математике людям малообеспеченным. До сих пор я предлагала свою помощь санитаркам в поликлинике и в своём доме.

Неприлично говорить о своих содеянных добрых делах, но это я рассказала «к слову». Надо сказать, что я это делала и делаю (сейчас реже) с большим удовольствием, такая работа приносит удовлетворение, сознание того, что помогая таким образом людям, не зря топчешь землю. Так что не уверена, кому это больше нужно – им или мне, тем более что эта работа позволяет мне не забывать самой всё то, чем я занималась всю свою жизнь. Из «Хэседа» мне прислали мальчика-семиклассника, потенциального второгодника. Мальчик был не глупый, но нахальный. Считал, что учителя все дураки, только он один умный. Я какое-то время с ним занималась, «вправила» ему мозги и вывела в «хорошисты».

После этого в «Хэседе» мою фамилию занесли в компьютер, и я стала пользоваться некоторыми благами, например, была включена в бесплатную группу по изучению английского языка. Я хожу туда по понедельникам уже много лет.

Осваиваю ли я этот язык? Только в первом приближении.

Зачем он мне?

Я в шутку говорю: «А вдруг на тот свет не пустят без элементарного знания английского?»

Конечно, «душа обязана трудиться», но дело совсем в другом. Это «другое» - наша группа в 12 человек, кстати, из 11 женщин и одного мужчины, Ильи Захаровича, которого мы, женщины, очень любим. Он годами двумя моложе меня (мне-то уже набежало 86) и, конечно, он знает английский несравнимо лучше нас, всех вместе взятых (за некоторым исключением). Он видный учёный, академик, но и ему дорого наше общество. А общество, действительно, состоит из очень приятных интеллигентных людей и еженедельный приход на занятия очень ценен для каждого из нас. Наверное, и это, скорее всего, заслуга нашей руководительницы Изабеллы Дмитриевны, она своим тактом и шармом сплотила коллектив. В нашем распоряжении - аудитория на два часа. Полтора часа мы занимаемся английским языком, полчаса пьем скромный чай. Если занятия совпадают с чьим либо днём рождения, то этот чай перестаёт быть скромным.

В большие праздники, вроде пасхи, мы, как правило, в гостях у Изабеллы Дмитриевны. Здесь получается что-то вроде «складчины», хотя и «Хэсед» в этом участвует. Для меня это случай приготовить фаршированную рыбу.

Я в нашей группе самая старая. Боюсь, что я скоро её покину, и не только по естественной причине (это со всяким может случиться), а по причине приближающейся моей полной глухоты, несмотря на слуховые аппараты. Успокаиваю себя тем, что глухота лучше слепоты. Каково было Бетховену не слышать свою музыку!

А я же могу прочесть то, что написала. В «Хэседе» я встретила таких прекрасных людей, как Изабелла Дмитриевна, Инна Марковна, Людмила Иосифовна, Алла Яковлевна, ставших моими друзьями. Невозможно всех перечислить, но я всех люблю, поверьте мне, это правда.

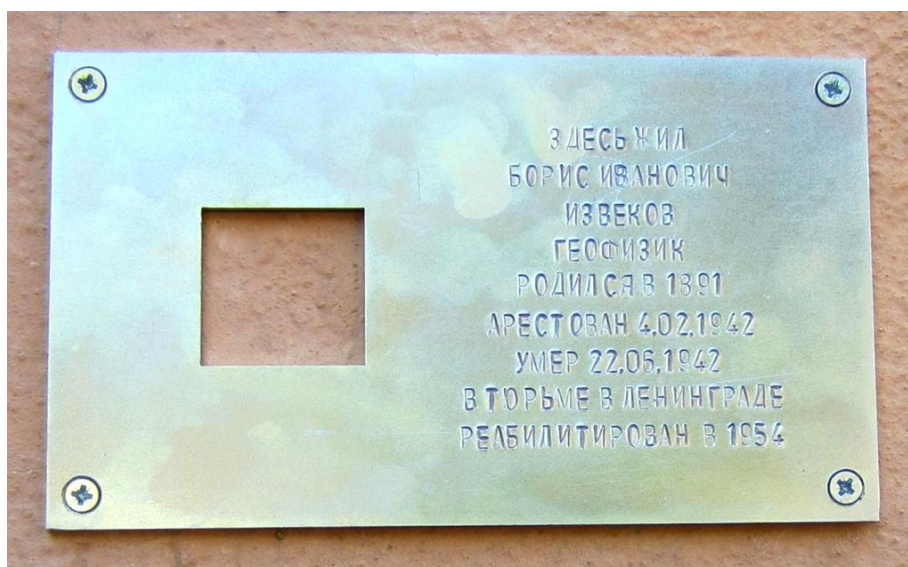
Возвращаясь к рассказу о домах, а их уже было 5 в моей жизни, я хочу вернуться к первому. По адресу В.О., 11 линия, дом 44, квартира 14, (запомнила и номер телефона: 5-75-89) - дом, в котором я родилась и прожила 12 лет до войны. Совсем недавно, включив как-то по обыкновению «Эхо Москвы», я услышала о проекте фонда «Последний адрес». Предлагалось присылать заявки на размещение мемориальных знаков на домах в память о тех репрессированных, которые были приговорены к смертной казни, затем реабилитированы за отсутствием состава преступления. Я такую заявку послала и её зарегистрировали. У моего отца нет могилы. Я видела его в последний раз в окне его кабинета на 3-м этаже нашего дома, когда переходила через дорогу на 10-ю линию, чтобы помахать ему рукой. И для меня будет очень важно иметь возможность прийти к своему родному дому и увидеть под его кабинетом памятную табличку.

Мой отец – профессор Борис Иванович Извеков, уничтоженный в застенках советской власти, приговорённый к расстрелу, с которым я в двенадцатилетнем возрасте простилаюсь навсегда.

В субботу, 25 июля 2015 г., на доме В.О., 11 линия, дом 44 был установлен памятный знак моему отцу, Борису Ивановичу Извекову, размером 19 на 21 см. московским фондом «Последний адрес».

В 1942 году он, арестованный, в последний раз выходил из этого дома, о чём свидетельствует мемориальная бронзовая табличка.

На другой день, в воскресенье, приходил ко мне домой журналист – ведущий эфиров радио «Эхо Москвы» - Лев Гольдштейн и брал у меня подробное интервью о моём отце. Обещал позвонить, когда это интервью выйдет в эфир.

А в понедельник, 27 июля, в «Новой газете» вышла статья «Чтобы помнили».

«Установка памятных знаков акции «Последний адрес» возвращает нас к реальной истории, к осмыслению прошлого и настоящего, без чего невозможно будущее

.....

Появился памятный знак и на доме 44 по 11-й линии Васильевского острова, откуда ушёл в свой последний путь знаменитый математик, метеоролог Борис Иванович Извеков.

– В последний раз я видела своего отца вон оттуда, с десятой линии, – показывает Татьяна Борисовна Булах-Извекова, дочь ученого. – Мы вышли из дома, папа провожал нас, глядя из окна. Больше мы не виделись. Это последний адрес, отсюда его увели, два окна на третьем этаже – его кабинет.

Дело № 555 – страшное свидетельство уничтожения учёных в Ленинграде в самом начале войны. Впрочем, началась эта история в конце 30-х. Известный российский публицист Ярослав Голованов в середине 90-х годов опубликовал в журнале «Огонёк» материал «Палачи и жертвы, дело № 555», в котором рассказал о штатном осведомителе НКВД Евгении Меркулове, известном под кличкой Телевизор. По его наветам в конце 30-х годов были арестованы и отправлены в лагеря более 30 учёных. А в начале войны, в конце 1941 года, ленинградские энкавэдэшники, чтобы доказать необходимость своего пребывания в тылу, затевают масштабное дело о «контрреволюционной деятельности члена-корреспондента Академии наук Игнатовского и его группы». По доносам Телевизора с осени 41-го по зиму 42-го были арестованы, расстреляны, замучены и сосланы в лагеря более 130 ученых, профессоров и доцентов: физиков, математиков, геофизиков.

– Я не знаю, где отец умер. Голованов написал, что на этапе, но где и когда – я так и не узнала, – говорит Татьяна Борисовна. – Скорее всего, он умер во внутренней тюрьме. Я так рада, что у меня теперь хоть какое-то памятное место есть вместо могилы!»

Б.И. Извеков

На фоне родного дома

Как-то в далёком детстве меня охватило чувство счастья, кстати, это ни с чем не сравнимое чувство. Я прибежала к отцу и поделилась этим с ним. Вот его ответ: «Это замечательно, мой дорогой Малик, что ты ощущаешь счастье сейчас, в данный момент. Обыкновенно, люди говорят, как счастливы они *были*, и не замечают своего счастья в настоящую минуту. Это очень хорошо! Постарайся сохранить это чувство в себе».

В течение моей жизни меня нередко посещали такие приступы безотчётной радости, и мой покойный муж всегда опасался этих приступов, так как, по его утверждению, за ними следуют, как правило, мелкие неприятности. Хотя написал мне как-то на день рождения стихи:

*Как ветер тучи нагоняет,
Так заржавевшее перо
Меня взять праздник вынуждает.
Года идут, тела дряхлеют...
Но часто души не стареют.*

*И драгоценный этот дар
Моей жене присущ извечно,
Так пожелаем ей сейчас,
Чтоб, не смотря на календарь,
Он с ней остался бы навечно.*

Господь Бог мудр и справедлив, но он действительно забыл наделить меня ощущением старения души (в отличие от бренного тела), и мысль, что рано или поздно придётся покинуть этот прекрасный мир, созданный им, не хочет укладываться в моей голове.

Так вот я это чувство «счастья» пронесла с собою всю жизнь, хотя жизнь моя была порою очень трудна.

Антоша, старший мой внук, в своём письме из Америки написал:

«Таточка! Оставайся такой оптимисткой, какая ты есть. Ты у нас в семье одна такая. Я надеюсь, что мой старший сын Максим унаследует твою жизнерадостность».

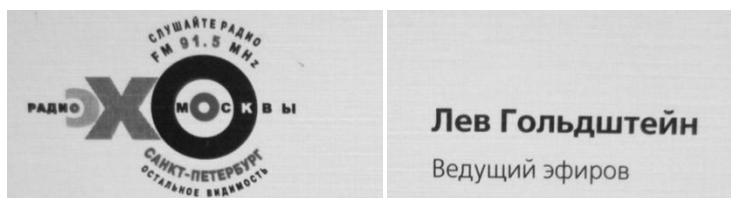
Я очень немощная. И всё равно, я продолжаю радоваться жизни.

Подаренная человеку жизнь – великое чудо!
Люди! Постарайтесь прожить её счастливо.

P.S.

А сегодня, 4 августа 2015 года, мне позвонил

Лев Гольдштейн
(ведущий эфиров радио «Эхо Москвы»)

и сказал, что в понедельник 10 августа после 13-ти часов состоится передача про моего отца, Бориса Ивановича Извекова.

Я, конечно, постараюсь обзвонить своих друзей и сообщить им об этом событии.

Я знаю, они будут рады за меня.

2015 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБНАРУЖЕНА НЕСУЩЕСТВУЮЩАЯ ФОТОГРАФИЯ	3
НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ ИЛИ НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВЕСТЬ.....	17
«МОЯ» КАРТИНА	29
ПОВЕСТЬ О МАТЕРИ	35
АНУФРИЕВО	85
Я – 18-ЛЕТНЯЯ АВАНТЮРИСТКА.....	100
СВЕКРОВЬ	106
ПИСЬМО МАРИНЕ	119
КАФЕДРА	130
ЛЕОНИД ВИТАЛЬЕВИЧ КАНТОРОВИЧ	150
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КОШЕЛЕВ.....	152
ГЕОРГИЙ РУДОЛЬФОВИЧ ЛОРЕНЦ	158
СЕМЬЯ КОЧИНЫХ	171
ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ САМСОНОВ	181
ЛЯПИНЫ	186
ИГОРЬ ЛЕОНИДОВИЧ КАРОЛЬ	203
ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ ЖУЛИН.....	216
БРИДЖ	236
ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ БУЛАХ	240
НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР	245
ГЕРМАНИЯ В МОЕЙ ЖИЗНИ	253
ПЬЕРЕТТА.....	267
АМЕРИКАНСКИЕ ИСТОРИИ	275
АМЕРИКАНСКАЯ СВАДЬБА	293
ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ... НЭП	312

Булах-Извекова Татьяна Борисовна

О ДРУЗЬЯХ, О СЕБЕ, О ЖИЗНИ

Подписано в печать 11.08.2015

Печать цифровая. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Формат обрезной 145х205. Усл.изд.л.-12,250. Усл.печ.л.-11,850.
Тираж 300 экз. (1-й з-д – 100 экз.). Заказ 83/15

*Отпечатано и сброшюровано в цифровой типографии ИП Павлушкина
Свидетельство о регистрации 78 № 006844118 от 06.06.2008*